

ИСПАНСКИЕ И ПОРТУГАЛЬСКИЕ ПОЭТЫ ЖЕРТВЫ ИНКВИЗИЦИИ

СТИХОТВОРЕНИЯ, СЦЕНЫ ИЗ КОМЕДИЙ,
ХРОНИКИ, ОПИСАНИЯ АУТОДАФЕ,
ПРОТОКОЛЫ, ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ АКТЫ,
ПРИГОВОРЫ

Г И П Е Р И О Н

И С П А Н С К И Е
И П О Р Т У Г А Л Ь С К И Е
П О Э Т Ы
ЖЕРТВЫ ИНКВИЗИЦИИ

Nocturno remedio.

Ф. Гойя. Капричос, № 24.
«ТУТ НИЧЕГО НЕЛЬЗЯ БЫЛО ПОДЕЛАТЬ»

ИСПАНСКИЕ
И ПОРТУГАЛЬСКИЕ
ПОЭТЫ
ЖЕРТВЫ ИНКВИЗИЦИИ

СТИХОТВОРЕНИЯ, СЦЕНЫ ИЗ КОМЕДИЙ,
ХРОНИКИ, ОПИСАНИЯ АУТОДАФЕ,
ПРОТОКОЛЫ, ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ АКТЫ,
ПРИГОВОРЫ

Собрал, перевел, снабдил статьями,
биографиями и примечаниями
Валентин Парнах

Санкт-Петербург

ГИПЕРИОН

2012

ББК 84(4Исп)5

И88

Издано при финансовой поддержке

*Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Испанские и португальские поэты, жертвы инквизи-
И88 **ции / пер. с исп. и португ., сост. и комм. В. Парнаха. —**
СПб.: Гиперион. 2012. — 224 с. : ил.

ISBN 978-5-89332-184-5

В книгу Валентина Парнаха (1891—1951), русского поэта, переводчика, основателя парижской литературной группы «Палата поэтов», вошли переводы уникальных документов из архивов испанской инквизиции, обнаруженных им в Париже (Сорбонна) и в других европейских библиотеках и архивах и почти неизвестных ученому сообществу. Среди них есть протоколы допросов, описания аутодафе, обвинительные акты и приговоры «святой» инквизиции. Но больше всего, как поэта, его интересовали поэтические тексты, созданные в застенках, под пытками и постоянной угрозой мучительной смерти. Собранные по крупицам из материалов «расследований», они воскрешают забытых авторов, имена и творения которых сохранились только в судебных отчетах.

ББК 84(4Исп)5

ISBN 978-5-89332-184-5

© В. Парнах, наследники, перевод,
составление и комментарии, 2012
© Издательство «Гиперион», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ACADEMIA» К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Книга Валентина Парнаха не представляет собой полного сборника испанской и португальской поэзии, созданной жертвами инквизиции, так же как вводная статья составителя не дает сколько-нибудь исчерпывающего анализа ни эпохи инквизиции, ни ее социальной природы и политической роли.

Но эта книга впервые знакомит русского читателя с рядом поэтов, ему до сих пор совершенно не известных и чья поэзия и биография отразили один из самых трагических моментов в борьбе средневекового варварства против освободительных попыток человеческого ума. Поэты-евреи, пользовавшиеся испанским и португальским языком для того, чтобы рассказать о мучениях, которым подвергла их христианнейшая инквизиция, или чтобы выразить протест против нее, не вошли в большую литературу, в ту литературу, о которой повествуется в учебниках словесности и в профессорских обзорах. Преследуемые инквизицией эмигранты, принужденные издавать свои книги в Голландии, Франции и Германии, остались мало известными,

и составителю книги принадлежит честь воскресить их память и едва ли не первому за целые столетия раскрыть пожелтевшие листы их книг, которые уцелели в единичных экземплярах только в отдельных европейских книгохранилищах. Это, следовательно, как раз та линия литературы, воскресить которую является одной из задач нашего издательства. Поэтому мы и даем этой книге место в серии наших изданий, несмотря на отрывочность подобранных и переведенных составителем образцов и комментариев книг, не претендующих, конечно, на восстановление подлинного социального облика ни инквизиции, ни ее жертв. Те из читателей, которые заинтересуются этим последним, найдут пояснительные материалы в появившейся недавно на русском языке книге Шпренгера и Инститора «Молот ведьм», со статьями М. П. Баскина и С. Г. Лозинского, а также в подготовляемом нами к изданию труде секретаря инквизиционного трибунала Льоренте: «История испанской инквизиции».

Academia

ИНКВИЗИЦИЯ И ПОЭЗИЯ

I

Нередко понятие инквизиции* ошибочно связывается с понятием средневековья. Между тем, зародившись в средние века (на юге Фландрии), инквизиция охватила всю эпоху Возрождения, прошла через век просвещения и удержалась (в Испании) вплоть до середины XIX века. На юге Фландрии в XII веке она боролась с «ересью» альбигойцев, но довольно скоро была упразднена. Ее установлению и успеху в Испании в XV веке способствовали многолетние войны между испанцами и маврами, еще занимавшими часть нынешней Андалузии. Стремясь уничтожить иудейство и мусульманство, в своем дальнейшем развитии она препятствовала также проникновению с Севера идей протестантства и Реформации.

Итак, официальной целью испанской инквизиции являлось повсеместное установление единой «святой» католической веры, подавление каких бы то ни было попыток нарушить это единство, объединение католических королевств и живших в них крещеных «инородцев» в одну «единую и неделимую» Испанию. Вот почему апологеты

инквизиции считают, что она сыграла выдающуюся роль в деле создания испанской государственности.

Когда после многих кровопролитий иудеи и мусульмане были изгнаны за пределы их родины, из владений их католических величеств, это не значило, что в Испании не осталось ни следа евреев и мавров. Нет, задолго до установления инквизиции было уже немало этих крещеных «инородцев», занимавших высокое положение в христианском феодальном обществе. А после изгнания «нехристей» из Испании, а потом из Португалии, в этих странах остались евреи и мавры, давшие себя окрестить. Первые под именем *марранов**, вторые под именем *морисков** прошли через века испанской и португальской истории. В то время как мусульмане бежали в Марокко, а иудеи — в то же Марокко, в Италию, в турецкие владения и в другие страны, — марраны и мориски, по большей части представители культурной буржуазии, зажили двойственной жизнью: под вечным надзором инквизиции, они тайно соблюдали свои обряды и обычаи; надев маску католического благочестия, исправно ходили в католические церкви, выставляли в окнах окорока (чтобы показать, что едят свинину) и старались вести себя, как подобало добрым католикам. И все же инквизиция не доверяла им, и в XVI—XVII веках живым мясом для костров священного трибунала служили именно марраны.

II

Экономическая сущность инквизиции обнаруживается в некоторых переведенных мною протоколах процессов.

В деле Педро де Эспиноса, маррана, осужденного мексиканской инквизицией за иудейство, указывается, что «в разговорах с евреями он язвительно называл священный трибунал жадным, утверждая, что инквизиция не любит бедных евреев, а любит богатых, и что все евреи, заточенные и наказуемые инквизицией, — люди крайне бедные и жалкие».

Пострадали от инквизиции главным образом неимущие «еретики»; большинство изгнанных из Испании и Португалии евреев и мавров принадлежало к небогатому классу. Но, «любя» богатых «еретиков», инквизиция стремилась выжать из них побольше денег. Поэтому и состоятельные «еретики» в немалом количестве подверглись преследованиям инквизиции, спешившей конфисковать их имущество и объявить неправоспособными их родных и потомков.

Инквизиция оказывалась сильнее даже пап и королей. Тем более беззащитны были простые смертные, неимущие католики, не говоря уже об «еретиках».

Экономические условия рабочих в испанских колониях эпохи Возрождения сказываются в переведенном мною изложении деда мулата Франсиско Родригеса, который, «чтобы избавиться от нестерпимых работ и страданий, терпимых им на фабрике от одного метиса, надсмотрщика его», донес сам на себя через двух приходских священников, возведя на себя поклеп: он намеренно обвинил себя в сношениях с «диаволом». Этот рабочий надеялся облегчить свою участь. «Что угодно, — думал он, — но только не рабство на мексиканской фабрике!» Однако он попал из огня в полымя: «за ложное показание против самого себя» инквизиция приговорила его к настоящей каторге.

III

В хитросплетениях противоречий испанский империализм делал свое дело, извлекая выгоды из чужих выгод. Правда, передовая знать, в союзе с высокопоставленными марранами пробовала восставать против инквизиции. В XV веке был убит инквизитор Педро де Арбуэс*. В XVI и XVII веках произошли восстания морисков*. Но священный трибунал и армия подавляли попытки освобождения. Под знаком инквизиции Испания достигла расцвета и упадка.

За несколько веков процветания Испании и Португалии испанские и португальские евреи, марраны, отчасти и мориски стали испанцами и португальцами по языку.* Потомки некоторых марранов живут на Пиренейском полуострове* и в наше время.

Жившие в Испании до установления инквизиции мастера древнееврейского языка Ибн-Габироль*, Ибн-Эзра*, Иегуда Галеви* известны, по крайней мере, по имени. Но даже читатели, знакомые с их произведениями, не знают, что до и после установления инквизиции существовали поэты еврейского происхождения, писавшие по-испански и по-португальски.

Облекая свою мысль в эти мощные языки, они пользовались их прекрасным строением и звучанием.

Судьба поэтов, которые по языку были испанцами и португальцами, а по событиям жизни — евреями, большей частью жившими в эпоху инквизиции, конечно, сложнее судьбы их собратьев, писавших по-древнееврейски и огражденных этим языком от христиан.

Поэзия этих «еретиков» была бы слишком узкой, если бы ограничивалась темами религиозной борьбы и тюрьмы. К счастью, она выходит за эти пределы.

IV

Древняя тема жизни и смерти — жизни, пребывающей в смерти, и смерти, живущей в жизни, — упорно проходит чрез все века испанской и португальской литературы. Эта жизнь и эта смерть соединяются, разумеется, в любви, во славу которой испанские и португальские поэты вырабатывают изошренную диалектику и лирическую казуистику.

Не останавливаясь на «Нравоучительных изречениях» (Proverbios morales) или «Советах (Consejos) королю Педро I»* раввина Сантоба де Карриона*, представляющих в XIV веке только слабый образец философической поэзии, мы вступаем в мир, где жизнь, смерть и любовь выражены в самой их сущности.

В одном из своих любовных сонетов маркиз де Сантьяна*, знакомый с произведениями Сантоба, уже горько жалуется как человек, затерянный между жизнью и смертью:

*Жизнь от меня бежит неудержимо,
Смерть гонится за мною неустанно.¹*

¹La mi vida me fuye mal mi grado
La muerte me persigue sin perca.

Эти испанские стихи приближаются к древнееврейским стихам Габироля:

*Мир улыбается мне, но я горестно плачу,
Оттого, что вся жизнь неумолимо бежит от меня.*

В другом стихотворении тот же Габироль говорит:

*Я — человек, чье сердце боится хозяина
И чьей душе ненавистно пребывать в этом теле.*

Потом, в немногих словах, он берет на себя ответственность за все жестокое на этой земле:

Земля была доброй, но увы! пришел я.

Что касается св. Тересы*, она оставила знаменитый припев:

Умираю, оттого что не умираю¹,

послуживший в наше время заглавием для книги «Mourir de ne pas mourir» («Умирать от неумирания») Поля Элюара, французского поэта-сюрреалиста.

Но лучшие образцы этого рода дал Педро де Картахэна*.

Одно его стихотворение мы можем озаглавить: «Ни жизнь, ни смерть». Другое посвящено выбору между забвением и воспоминанием.

Тот же Картахэна исследует вопросы раздвоения личности, воплощенной в образе двух соперников, соединенных в одной любви и в одной муке:

¹ Que tuero porque no tuero.

Я — это вы, вы — это я.

Еще непосредственной тема раздвоения личности, соответствующая двойственному положению марранов, разработана в XVI веке в стихотворении М. Оливы, которое я нашел в рукописи в Кабинете манускриптов при Парижской национальной библиотеке. Оно озаглавлено «Сорлас» (Стансы); я назвал бы его: «Против самого себя»:

*Я сам — враг себе, я сам
Мшу себе словом и делом:
Не делаю, что сказал,
Не скажу о том, что сделал.*

*Самím собою томим,
Плачу один над уделом —
Не делать, что говорил,
И не говорить, что делал.**

Но эти горячие и строгие слова, признания в любви, возгласы личного отчаяния прерываются более грубыми и сильными стонами: они вызваны общественными бедствиями.

С конца XIV века в Испании разражаются еврейские погромы.* В конце XV века они возобновляются. Тогда поэт Антон де Монторо*, крещеный еврей, известный под именем «портного из Кордовы», обращается к «сеньору королю» с большой поэмой, посвященной погрому в Кармоне. «Позор, сеньор, позор!» — восклицает он. Этот собрат Ганса Закса, немецкого поэта-сапожника XVI века, ведет себя благородней, чем другие испанские поэты, крещеные евреи, которые во время этих печальных событий

нападали в стихах на своих соплеменников и вели себя, как враги. Автор многочисленных эпиграмм (burles), Антон де Монторо полемизирует с Хуаном де Вальядолидом и с Родриго де Кота*, крещеными евреями, испанскими поэтами, из которых второму принадлежит знаменитый «Диалог между Любовью и Старым Рыцарем», обширная поэма, не лишенная достоинств.

Во вступлении к этому философическому прошению в стихах Антон де Монторо как бы изображает себя человеком, не раз уже умиравшим, но еще продолжающим жить. Этот живой мертвец восклицает:

*Но если вы меня приговорите,
Какую смерть еще вы мне дадите,
Которой я еще не претерпел?*

V

До и после резни, до и после установления инквизиции в Испании иудеи и крещеные евреи играют значительную роль в общественной, экономической и культурной жизни. В средние века они уже участвуют в управлении государством и даже в организации католической церкви: среди крупнейших прелатов мы находим крещеных евреев. Есть графы, маркизы, министры, епископы и архиепископы еврейского происхождения.

Борясь между собою, иудейство и католичество в то же время оказывают некоторое влияние друг на друга. Известны публичные споры между раввинами и священниками. В одном из своих стихотворений Гейне высмеивает раввина и францисканца, которые в присутствии короля Педро

Жестокого, в Толедо, спорят и выхваляют каждый свою религию, пока королева Бланка наконец не восклицает:

*Кто там прав, уж я не знаю,
Но в чем я не сомневаюсь,
Это — то, что оба старца,
К сожалению, воняют.*

VI

Трагишутовская традиция особенно дорога евреям. «Селестина, или трагикомедия Калиста и Мелибеи» приписывается бакалавру Фернанду де Рохасу, как предполагают, еврею из Монтальбана, писателю и юристу, тесть которого Альваро де Монтальбан был обвинен инквизицией в иудействе.

Законченная к концу XV века, написанная архаическим сильным языком, богатая непристойностями, ругательствами и едкими диалогами, эта сатира на любовь и нравы считается одним современным французским испанистом наиболее значительным из всех произведений, которые евреи создали со времен «Песни песней».

В «Селестине» находят традиции Аристофана, Теренция и Плавта, открывают элементы из «Облаков», «Лягушек», «Всадников» Аристофана и в особенности из пьес «Наказывающий сам себя» («Неautontimorumenos») Теренция и «Пленники» Плавта.

С «Селестиной» сопоставляют и одну латинскую комедию Памфилия Маврилиано, священника XII века.

Но, по-видимому, испанские поэты Хуан Руис*, известный под именем протопресвитера итского, и Альфонсо

Мартинес*, протопресвитер талаверский (автор «Бича, или Порицания светской любви»), ближе следовали традиции древних. Прототип Селестины, хитрой сводницы, уже появляется в их сатирах.

«Селестина» приписывалась и поэту Хуану де Мэна*. Что касается самого Фернанда де Рохаса, то он приписывает первый акт Хуану де Мэна или Родриго де Кота, как и он, поэтам еврейского происхождения. По его словам, он только закончил это произведение. Но принимая во внимание полное единство этого романа-комедии, исследователи считают, что «Селестина» написана одним автором.

Как бы то ни было, эта книга появилась без имени автора. Предполагают, что воинствующее духовенство того времени и цензура инквизиции принудили автора выступить анонимно: в «Селестине» высмеивались и священники.

Через два с половиной века в Португалии другой еврей — Антонио Жозэ да Сильва* — получил возможность издать свои комедии не иначе, как скрыв свое имя, расшифровываемое в акrostихе, посвященном читателю.

В течение веков цензура инквизиции накладывала запрет на множество произведений. Целые томы содержат списки книг, запрещенных инквизицией, которая как будто боялась даже следов, оставленных эллинской религией в латинских странах.

В Италии в эпоху Возрождения, в XVI веке, пьесы с мифологическим сюжетом печатались не иначе как в сопровождении заметки, являвшейся громоотводом в отношении цензуры инквизиции:

«Сим предупреждается, что слова: бог любви, богиня любви, божество, рай, поклоняться, блаженный и дру-

гие — должны пониматься согласно поэтическому словопотреблению, а не в каком-нибудь смысле, который мог бы в чем бы то ни было оскорбить чистейшее учение католической религии».

В Португалии в XVIII веке такой же заметкой снабжена комедия «неизвестного автора», т. е. Антонио Жозе да Сильва, во втором томе «Португальского комического театра»:

«Слова: боги, божество, рок, божественное, всемогущество и мудрость — должны пониматься только в поэтическом смысле. В этих произведениях ими пользуются, только поскольку они необходимы как украшение драматического построения и комических эпизодов, а отнюдь не с намерением хоть как-нибудь оскорбить учение пресвятой матери церкви, которой я, как покорный сын, повинуюсь во всем, что она предписывает».

VII

Было б море — из чернил,
Было б небо — из бумаги, —
Все равно не записать
Всю ту ложь, чье имя — люди.

*Испанская народная песня**

В течение веков инквизицией тщательно вырабатывался целый кодекс судопроизводства. Для непосвященных приходится расшифровывать терминологию инквизиторов и открывать подлинный смысл некоторых лицемерных формул.

Обвиняемого «увещевали», прежде чем заставить его дать следующую расписку: не вина господ инквизиторов,

если под пытками он будет ранен, искалечен или убит, напротив, раз он не хочет сказать правду и сознаться в преступлении, он заслуживает наказания — виноват он сам и только он.

Таким образом, не он, а инквизиторы были достойны сожаления: обвиняемый вынуждал их «работать», пытая его.

Дыба, гаррота, колесо, пытка водой — вот каковы были банальные приемы допроса.

Множество обвиняемых «допускалось к примирению с церковью». Но эта формула отнюдь не значит, что пресвятая мать прощала их и возвращала им свободу. «Примиренных» постигало какое-либо наказание: изгнание, ссылка, плети, тюремное заключение на срок и бессрочное, галеры или каторжные работы.

В зависимости от характера преступлений обвиняемые приговаривались к одному из трех родов отречения:

Легкое отречение, *abjuratio de levi*, произносилось лицами, легко затронутыми грехом, теми, против которых у инквизиции были только *легкие* подозрения.

В этих случаях приговоренные отрекались не всенародно, а перед епископом или инквизитором.

Сильное отречение, *abjuratio de vehementi*, произносилось лицами, над которыми тяготело *сильное* подозрение, лицами, совершившими важное преступление. Они отрекались всенародно.

Формальное отречение, *abjuratio de formali*, произносилось лицами уличенными, еретическое преступление которых уже было доказано. Впадая опять в ересь, они рисковали подвергнуться наказанию как *отпавшие*. Формальное отречение произносилось всенародно.

Кроме того, еретики приговаривались к ношению особой «покаянной одежды» (*habito*) в течение многих лет, если не до самой смерти, и к выполнению разных обрядов покаяния. Само собой разумеется, они находились под надзором инквизиции.

Священный трибунал «отпускал» тысячи обвиняемых, но это не значит, что он выпускал их на свободу. Напротив, тем самым он отдавал их в руки светского правосудия. Церковному правосудию претила кровь. Согласно 31-й статье инквизиционного судопроизводства, священный трибунал автоматически постановлял:

*«Мы должны отпустить и отпускаем такого-то и отдаем его в руки светского правосудия, такому-то, кор-
рехидору* сего города, или тому, кто исполняет его обя-
занности при названном трибунале, коих мы сердечно
просим и молим милосердно обращаться с обвиняемым».*

Эта формула определенно означала: смерть. Отпущенные таким образом приговаривались к сожжению.

*Смерть всегда страшна. По мне,
Лучше, если боль мгновенна.
Но из казней несравненна
Смерть на медленном огне:
Злейший путь в своей длине,
Всех путей однообразней,
С поздней развязкой казней,
Смерть во множестве скорбей,
Чем замедленной, тем злей,
Чем длинней, тем безобразней! —*

воскликает действующее лицо одной португальской комедии*.

Но были и другие виды смерти. Кроме костра, существовала и гаррота*: прикрепленный к столбу железный ошейник с винтом, служившим для сжимания. Труп удушенного бросали в огонь, сжигался уже не живой, а мертвец. По сравнению с казнью через сожжение, эта казнь была своего рода милостью, которую оказывали *раскаявшимся, вернувшимся*, принятым опять в лоно «пресвятой матери церкви».

Если обвиняемый бежал и если этот беглый преступник был заочно осужден, он появлялся в аутодафе в *изображении* (en effigie). Эти изображения объявлялись *примиренными* или *отпущенными*. В этом последнем случае их бросали в огонь.

Инквизиция искала виновных даже среди мертвых. Если после смерти кто-нибудь подозревался в том, что умер не так, как подобает доброму католику, что живет в загробной жизни, как еретик, его труп или скелет выкапывался из могилы. Мертвец появлялся в аутодафе в *изображении*.* В гробу, ларце или ящике это изображение несло кости мертвеца. В толпе приговоренных шли присутствующие беглецы и живые мертвецы. Это двигались изображения: чучела, куклы, манекены, статуи. Кости и статуи швырялись в огонь и превращались в пепел.

VIII

Как известно, приговоренные представляли в аутодафе*, одетые в *санбенито** (желтые казакины), с *коросами* (колпаками) на голове. В зависимости от преступлений и приговоров, *санбенито* отличались разными изобра-

жениями и знаками, андреевскими и полуандреевскими крестами, чертями и бесами, драконами и огненными языками. Коросы (corozas), пирамидальные шапки из белой и цветной бумаги, также были украшены разными изображениями.

Некоторые приговоренные шли на казнь с веревкой на шее, другие — с кляпом во рту*. Глашатай возвещал народу их приближение.

В своих «Трагических поэмах» французский поэт-гугенот* Агриппа д'Обинье* дает точное описание аутодафе:

Великолепные предстали эшафоты.

Готовили трофей в убранстве позолоты.

В порядке выступал шеренгою тройной

Под санбенитами приговоренных строй.

.

В порядке медленном почетных караулов

Вояки ехали, сверкая сбруей мулов,

Солдат старейший нес за взводом трубачей

Изображения на стяге палачей:

Лик Изабеллы, лик владыки Фердинанда*

И Сикста славила палаческая банда.*

Пред сей хоругвию с богатством позолот

Колени преклонял трепещущий народ.

Инквизиция хотела сделать приговоренного посмешищем толпы и пугалом для верующих. Однако среди «еретиков» находились люди, которые не только не считали эту трагишутовскую одежду оскорблением, но еще имели силу смеяться над ней и носить ее как лестный знак отличия.

Пытка водой

В числе терминов инквизиционной юрисдикции десятки относятся к еретикам. По разным степеням, еретики объявлялись: *затронутыми, отрицающими, отступившими, упорствующими, уличенными, нераскаявшимися и отпавшими*. Родственники осужденных объявлялись *несостоятельными и неспособными*.

Священный трибунал заставлял детей выдавать родителей. К тому же в редких случаях ребенок не следовал за родителями в тюрьму. Целые семьи появлялись в аутодафе.

Нередко в протоколах процесса мы находим имя родственника приговоренных. Он упоминается как заключенный. Но вот в другом томе архивов он в свою очередь появляется уже как приговоренный к смерти, потом — как сожженный на костре.

Пронумерованные листки протоколов составляют серии, серии — связки, связки — каталоги, каталоги — тома. Разделенные на рубрики и колонны, страницы звучат именами и датами. Преступления, пытки, приговоры, казни следуют в торжественном однообразии. Колонны размножаются. Мы проникаем в лабиринт, где медленно раскручивается нить, мы запутываемся в клубке наказаний и мучений. Приговоренные мертвецы обращаются в статуи. Этот мир каменеет. В этом лабиринте припоминаешь стихи из «Критского лабиринта» Антонио Жозэ да Сильва:

*Строенье сей мыслительной машины
Украсили злой параллелью тени,
Глубины сна и ужаса вершины.*

Х

Инквизиция! То, что теперь кажется нам оперным парадом, еще два века тому назад было подлинной действительностью, повседневной жизнью.

Аутодафе являлись столь обычным празднеством и зрелищем, что в конце концов надоедали знатокам, казались слишком однообразными. Луис де Гóнгора*, поэт и священник, посвятил аутодафе, отпразднованному 4 июля 1632 г. в Гренаде, сонет, в котором сказывается ирония и в отношении бюрократов инквизиции, и в отношении их жертв. Он перечисляет обвиняемых и дела: «Пятьдесят бабенок из племени, которое нашло сухое местечко в море, два болвана, шесть богохульников, плохо выбритая тонзура монаха».

Что касается казненных, «пятеро в изображении, только один во плоти были справедливо преданы огню», не без разочарования замечает он.

Кстати, в этом сонете поэт не забыл воспользоваться своим излюбленным приемом, заменяя понятия сложными образами: вместо того чтобы назвать евреев, он намекает на их переход через Красное море.

ХІ

Все больше мы проникаем во мрак инквизиции, которая, изгнав из Испании и Португалии евреев и мавров, преследует марранов и морисков, вынужденных перейти из иудейства и мусульманства в католичество, чтобы иметь право остаться в этих странах и не быть уничтоженными. Впоследствии она будет преследовать их детей, внуков, правнуков и поздних потомков, родившихся уже католиками.

Но только невежды могли бы подумать, что страны, где застенки, дыбы, гарроты и костры являлись принадлежностью быта, что эти страны были только логовищами варварства.

Нет, для испанской и португальской литературы эта эпоха является временем небывалого расцвета. XVI и XVII века прозваны «золотым веком» Испании. В те времена Испания была могущественной страной с многочисленными колониями, она являлась столпом католического империализма. Испанское и португальское Возрождение создало первоклассные произведения в области поэзии, прозы, драматургии, живописи, скульптуры и архитектуры. Именно этой эпохе принадлежат Сервантес*, Кальдерон де ла Барка*, Лопе де Вега*, Гарсиласо де ла Вега*, Кеведо* — в Испании, Камоэнс* — в Португалии.

Не говоря уже о всем известных поэтах и прозаиках, эпоха Возрождения породила в Испании Луиса де Гóngора, этого испанского Маллармэ*, слишком ученого и темного для своих современников, учителя испанских и южно-американских поэтов нашего времени, излюбленного поэта Пикассо*.

В эту эпоху Возрождения Камоэнс, испробовавший все виды поэзии, открывший в «Луизиадах» целую панораму португальской истории и португальского империализма, в своих сонетах и лирических строфах предвосхитил нежность и меланхолию Верлена*. Так, с верленовским «Сплином», заканчивающимся стоном влюбленного, уставшего

*От всего, — уввы! — кроме вас!*¹

прямо связана горестная идиллия Камоэнса:

¹ Et de tout fort de vous, hélas!

*Излюбленного вечера прохлада,
Зеленые тенистые каштаны,
Рек продвижение через поляны,
Где размышлений никаких не надо,
Далеких волн прибой, чужие страны,
В закатном воздухе холмов ограда,
Последний топот согнанного стада,
Птиц в нежной битве радостные станы,
Все, наконец, чем это мирозданье
В разнообразии нас одарило,
Когда тебя не вижу, все — напрасно,
Все без тебя — докучно и постыло,
Я без тебя встречаю ежечасно,
В великой радости — одно страданье.*

Небезынтересно отметить, что камоэнсовские «Луизиады» — около 9000 стихов — вышли из печати в 1572 году, именно в тот год, когда во Франции, в Варфоломеевскую ночь*, католики резали, топили и жгли протестантов-гугенотов*. Название этой ночи стало нарицательным на многих языках, а изображение ее сохранилось в первоклассных «Трагических поэмах» французского поэта-гугенота Агриппы д'Обинье, современника этих событий. Девять тысяч александрийских стихов д'Обинье являются своего рода хроникой религиозных войн во Франции и образцом противoinквизиционной поэзии для всех стран. Как известно, во Франции инквизиция официально не существовала в эту эпоху Возрождения, как ни стремились установить ее крайние элементы,

объединившись в Лигу с кардиналом де Гизом во главе.* Однако еретиков, — не марранов и морисков, как в Испании, а гугенотов, — истребляли во Франции, в Англии и в других странах. В эту эпоху любовной лирике — мадригалу, элегии, идиллии — сладкозвучного Ронсара* и других представителей знаменитой «Плеяды» противопоставляется жестокий эпос Агриппы д'Обинье. Темы упоения жизнью неустанно борются в поэзии с темами насильственной смерти, от которой погибают не только отдельные личности, но и целые толпы людей, объединенных принадлежностью к одной религии или к одному племени.

В пятой книге своих «Трагических поэм», озаглавленной «Цепи», Агриппа д'Обинье открывает целую панораму событий, связанных с Варфоломеевской ночью.

Охотник, птицелов, рыбак манил обманом,
Зовущей самкою, удищем, капканом
В траву, силок и сеть, на острие и клей
Доверчивую дичь и рыбу и зверей.
И вот приходит день, день мрачный наступает,
И судьбы на него, нахмуря бровь, взирают,
Отмечен трауром, безумия предел,
Который в ночь войти, вернуться вспять хотел,
День среди наших дней, с печатью приговора,
Отмечен красным он, краснеет от позора.
Заря хотела б встать, заря, чей смуглый цвет
Когда-то открывал блаженный райский свет;
Когда сквозь золото малиновые розы
Вдруг вспыхнут, знали мы: вот ветер или грозы,*

*Заря, которой смерть дает мощь и убор:
Жаровни адовы и пышущий костер.*

.
*Принцессы прочь спешат от ложа, из алькова.
Им страшно, но не жаль виденья гробового:
Зарубленных людей, которых день в крови
Послал за жизнью в гнездо сей лжелюбви,
Твой, Либитина*, цвет, это твои владенья.
Зубцы капканов ржой разъела кровь оленья
То ложе — западня, не ложе — гроб и кровь,
Так Смерти факел свой передает Любовь.*

.
А Сена гнусная бьет, бьет в свои ограды
И века нашего несет глухие яды.
В ней не вода, а кровь, свернулась в ней волна
И под ударами лежит обгарена
Телами; первые топить здесь начинают,
Но их самих туда ж последними швыряют.
Свидетели убийств, гранит и волн раскат
Обсудят меж собой, кто прав, кто виноват.
Мост, что когда-то был торговых дел оплотом,
Теперь гражданских бурь стал скорбным эшафотом
Четыре палача! их лица — срамота,
На них часть мерзости и ужаса моста.
Твоя добыча, мост, четыре сотни трупов.*
Лувр!* Сена хочет скрыть гранит твоих уступов.
А роковая ночь взалкала восемьсот,
В толпу преступников невинного ведет.*

Пока по городу шла мерзкая работа,
Лувр загремел, предстал котлом переворота.
Теперь он эшафот. С карнизов и террас,
Из окон на воду глядели в этот час.
Но разве здесь вода? И дамы, встав с постели,
Чтоб щеголей пленять, в волненьи сладком сели,
Глядят на раненых, на красоту и грязь,
Над этой мукою бессовестно глумясь.
Дымится небосвод и кровью, и сердцами,
Но лишь прически жертв — жаль зрительнице-даме.
Нерон*, забавами увеселяя Рим*,
Театров и арен мельканием пустым,
Игрую в Бар-ле-Дюк* и цирком за Байонной*,
Блуа* и Тюильри*, балетом, скачкой конной
И каруселями, зверинцами, борьбой,
Потехой воинской, барьерами, пальбой,
Нерон велел свой Рим пожаром в пепл развеять;
Был хищному восторг слышать и затеять
Толп обезумевших многоголосый вой,
Глумиться над людьми и мукой роковой.

.
Карл* в ужас приводил своим пылавшим взором
Двух принцев-пленников*, подавленных позором;
Надежды их лишал, и был им ясен рок:
Лоб угрожающий — раскаянья далек.
Но, гордый, побледнел и на глазах у пленных
Забыл презрение своих гримас надменных,
Когда дней через семь вскочил в полночный час,
Домашних разбудив: сквозь сон его потряс
Мрак, воем голося, таким стеньящим лаем,

Что государь решил: срок бойни нескончаем,
И после всей резни, законных трех ночей,
Бунт подняли теперь те банды сволочей!
Повсюду разослал он тщетные охраны,
Но отклик шлют ему на окрик лишь туманы.
Ночей двенадцать он дрожит, и дрожь берет
Сердца свидетелей, приспешников, и вот
День безрассудному предстал, внезапно страшен
Чернеют вороньем вершины луврских башен.
Екатерине — смех: притворщица черства*;
Елизавете — скорбь*: лежит полумертва.
И совесть подлая владыку до кончины*
Грызет по вечерам, в ночь ропщет, и змеиный
Днем раздаётся свист, душа ему вредит,
Себе самой страшна, себя самой бежит.

.

Следит внимательный угрюмый соглядатай
За теми, в чьих глазах нет ярости заклятой.
Везде мушиный слух незримо стережет,
Не выдаст ли души неосторожный рот.

.

И сотни городов с их лицемерным ликом
Распалены резней, в неистовстве великом.
Ночь та же потрясла и тем же город Мо*.
Еще развлекся он, и вот его клеймо:
Шестьсот утопленных, и с ними в общей груди
Жен обесчещенных тела вздымают груди.
Необычайная, Луара тяжело бьет
В подножье города: он тысячу шестьсот

*Кинжалом заколол и пачками связал их,
И в Орлеане* все лежат в дворцовых залах.*

.

*Мой утомленный дух приговоренных ряд
Увидел: донага раздетые стоят.*

Так ждут они два дня, чтоб вражеская сила

Их от голодных мук, убив, освободила.

И вот на помощь им приходят мясники,

С локтями голыми, убийства знатоки,

Вооруженные ножами для скотины.

И жертв четыреста легло, как труп единый.

ХII

Между тем католичество пыталось проникнуть во все поры молодого тела Испании и Португалии.* Сколько *аутос сакраменталес** (autos sacramentales) сочинено было поэтами по заказу церкви!

Конечно, многие испанские писатели сами являлись пламенными католиками, мистиками, прелатами, но в некоторых любовь к эллинской древности боролась с верой в казенную церковь.

Являлся ли этот гуманизм тоже своего рода мистикой, или же его можно рассматривать как возмущение против полицейской религии? Как бы то ни было, он следовал латинской традиции, по которой Аполлон сопоставляется с Христом, а Венера — с девой Марией.

Само собой разумеется, испанские и португальские интеллигенты еврейского происхождения, так называемые «новые христиане», входили в число культурных людей

того времени, подвергшихся этим влияниям. Но если их христианские собратья, «старые», «настоящие» христиане находились во власти этой двойной любви, колебались между «святой» католической верой и греческой мифологией, то некоторых евреев раздирала тройная любовь — к Испании, их мачехе, к Греции и к Библии.

XIII

Испанцы и португальцы по языку, марраны играли видную роль в политической и культурной жизни. Среди них немало было врачей, писателей, ученых. Многим из них удалось бежать от инквизиции. Они спасались в протестантскую Голландию, Францию, Италию, Швецию и другие страны. В то время борьба за колониальные богатства уже потрясала Европу. Колониальная политика и морская торговля имели огромное значение для «их католических величеств». Вот почему, предоставляя инквизиторам преследовать иудействующих в Испании, в Португалии и в колониях, правительства этих стран терпели своих марранов где-нибудь в Голландии или во Франции. Они пользовались ими в своих империалистических целях. Они охотно эксплуатировали энергию и дарования своих «еретиков». Некоторые марраны исполняли должность консулов, агентов, даже посланников различных стран, в Голландии, где процветала знаменитая Ост-Индская и Вест-Индская компания. Марраны представляли Марокко, Данию, Венецию и Швецию. Среди марранов, кроме врачей, ученых и офицеров, мы находим различных чиновников, тщательно перечисленных Даниэлем Леви де Баррьосом.

Голландия исключительно гостеприимно принимала беглецов, открыто отрекавшихся от католичества и принимавших иудейство: они способствовали ее экономическому процветанию.

Среди дипломатов-марранов следует упомянуть Мануэля Фернандеса де Вилла-Реаль*, капитана и генерального консула Португалии в Париже, где он перешел в иудейство. В течение ряда лет он представлял свою страну во Франции. Но по его возвращении в Лиссабон его арестовала инквизиция по обвинению в иудействе. После двухлетнего тюремного заключения, в 1652 году он был удушен гарротой.

XIV

В застенках инквизиции и в убежищах марранов всегда жила «еретическая» поэзия, ненавистная, как черная магия, бюрократам священного трибунала.

Книги «еретиков» печатались далеко от Испании и Португалии: «Утешение в треволнениях Израиля» Самуэля Ускэ вышло на португальском языке в Ферраре, испанские «Псалмы» Давида Абенатара Мэло — во Франкфурте, испанские стихи и хроники Даниэля Леви де Баррьоса — в Брюсселе и Амстердаме, испанские стихи и проза Антонио Энрикеса Гомеса — в Париже и Руане, различные произведения на испанском, португальском, латинском и древнееврейском языках — в Голландии, Турции, Италии.

Некоторые писатели-марраны отдавали свою жизнь одновременно делу еврейства и делу испанской литературы.

Они следовали традициям испанской поэзии и пользовались противопоставлениями, гиперболами, метафорами в испанском вкусе. Некоторые их стихи искусственны, другие свидетельствуют о подлинной изобретательности авторов. Но есть и стихи, лишенные каких бы то ни было украшений, голые как тюремная стена. В них есть сила. Наибольшее количество книг принадлежит Даниэлю Леви де Баррьосу, неутомимому деятелю, испробовавшему различные жанры поэзии и прозы. К ним относятся: мифологические стихи, аллегорические драмы, комедии, мадригалы, оды, сонеты, октавы, десятистишия, акростихи, панегирики, сообщения, очерки, хроники, этюды и заметки.

«*Odi et amo!*»* Ненавижу и люблю! В изгнании некоторые еврейско-испанские и еврейско-португальские интеллигенты не отрывали взоров от Испании и Португалии. В меланхолии дождей, в северной мрази с тоской и гневом они вспоминали свою сияющую страну. Баррьос, вероятно, часто видел во сне свою Монтилью, андалузский городок, который он когда-то называл своей «зеленой звездой» (*verde estrella*).

Если св. Хуан де ла Крус* и святая Тереса, ультрамистические католические поэты, имели дело с инквизицией, чего же могли ждать поэты еврейского происхождения?

Каждый новый беглец из Испании и Португалии привозил в Голландию весть о новых арестах и новых аутодафе. Такой-то осужден! Такой-то удушен гарротой! Такой-то сожжен «в изображении»! Такой — заживо сожжен!

Но беглецы преодолевали свое смятение. Они организовывались, основывали еврейско-испанские академии, куда входили ученые и поэты. В своем «Сообщении об ис-

панских писателях и поэтах еврейского племени» Баррьос перечисляет, в прозе и стихах, десятки своих собратьев. Среди других мы находим имя Хакоба Бельмонте, автора истории Иова, переделанной в комедию, и стихов против инквизиции, произведений, не дошедших до нас. В Амстердаме поэты-марраны сочиняли на испанском, португальском и латинском языках элегии, оды и панегирики во славу тех, кто погиб в аутодафе где-нибудь в Вальядолиде, в Кордове, в Компостелле, в Лиссабоне.

Большинство иудеев и папистов были равно шовинистически настроены. Тем не менее встречались талантливые евреи, способные возвыситься и над синагогой и над церковью. В эту эпоху Спиноза* создавал свои геометрические построения, интересующие и наших современников.

XV

В 1655 году в Амстердаме вышла книга, теперь ставшая чрезвычайной редкостью. По моей просьбе библиотека Амстердамского университета переслала ее на время Парижской национальной библиотеке, где я и получил возможность с ней ознакомиться.

Озаглавленный «Славословия, ревнителями посвященные блаженной памяти Авраама Нуньеса Берналя, заживо сожженного в Кордове 3-го мая 5415 (1655) года», этот сборник открывается фронтисписом со следующей латинской надписью:

*Pro meritis carcer,
Pro laude vincula dantur,*

*Virtus crimen habet,
Gloria supplicium.*¹

В этом сборнике в 172 страницы приняли участие двадцать четыре автора*.

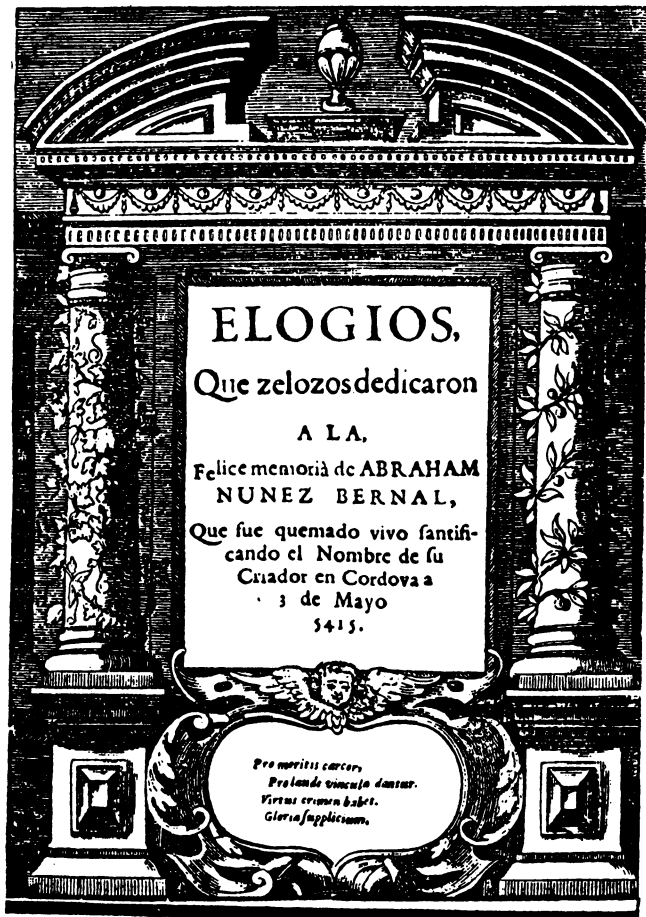
Вопреки заглавию, этот том не целиком посвящен Нуньесу Берналю. Пятьдесят последних страниц «Славословий» относятся к его племяннику Исхаку де Алмейда Берналю, заживо сожженному в Компостелле Галисийском, в том же 1655 году.

Сообщение о его казни начинается следующими словами:

«Еще не просохли чернила (чтобы не сказать: слезы) доблестной истории блаженного Авраама Нуньеса Бернала (да будет благословенна его память!), когда достойные доверия свидетели-очевидцы уже сообщают нам о великой верности, о предельном рвении сожженного серафима, доблестного юноши Исхака де Альмейда Бернала».

Сожженные инквизицией за то, что они открыто отреклись от католичества, эти марраны сравниваются авторами «Славословий» с Фениксом*, Саламандрой*, Атласом*, пророком Илией, Самсоном и другими образами греческой и еврейской древности. Библейские элементы сочетаются с мифологическими и испанскими. Феникс, воскресающий из пепла, — излюбленный символ испанских

¹ В награду — тюрьма,
Вместо почестей — цепи,
Добродетель — преступление,
Славе — казнь.

ELOGIOS,
Que zelozos dedicaron

A LA,

Felice memoria de ABRAHAM
NUNEZ BERNAL,

Que fue quemado vivo santifi-
cando el Nombre de su
Criador en Cordova a
3 de Mayo
5415.

*Pro meritis carceris
Pro laude vinculo dantur.
Virtus coronam habet.
Gloria supplicium.*

Фронтиспис антологии двадцати четырех поэтов,
изданной в Амстердаме в 1655 году.

Славословия, ревнителями посвященные блаженной
памяти Авраама Нуньеса Берналя, который был заживо
сожжен, прославляя имя создателя своего, в Кордове,
3 мая 5415 года

и португальских поэтов, — появится снова и снова, олицетворяя человека, умирающего и возрождающегося в любви.

В сонете Антонио Жозэ да Сильва, португальского маррана, удушенного и сожженного инквизицией в Лиссабоне в 1739 году, этот феникс выступает опять:

*Итак, я мертв и жив, живой мертвец,
Из пепла Фениксом встаю живой,
Сгораю мотыльком в огне, мертвец.*

Сведующие в греческой мифологии, библии и каббале, авторы «Славословий» раньше всего преданно следуют традициям испанской поэзии. Они противопоставляют жизнь, пребывающую в смерти, — смерти, живущей в жизни.

Единение жизни и смерти обнаруживается и в стихах Самуэля де Крasto, посвященных памяти Альмейда Берналя.

Одно из его четверостиший служит вступлением к длинному стихотворению Ионы Абарбанеля*, в котором каждое десятистишие заканчивается одной из четырех строк Крasto. Абарбанель начинает следующими стихами:

*Простертый в черной темнице,
В этом аду для живых.*

Поэты-марраны выработали особую метафорическую и мелодраматическую терминологию для всех элементов этой трагедии. Инквизитор упоминается под именем *Плутонова служителя*, католики прозваны *идолопоклонниками*, испанцы — *идумеями*, испанский фанатизм — *идумейским бредом и жестокой гордыней Немврода*. Как

известно, протестанты называли Рим Вавилоном и давали католикам названия в том же роде.

Хотя Баррьос не принимал участия в сборнике этих «Славословий», он сочинил множество других панегириков. Один сонет он посвятил «Доблестной твердости Томаса Требиньо де Собремонтэ* (alias Исхака Израэля), родом из Руисеко, после четырнадцатилетнего тюремного заключения претерпевшего огненную смерть в городе Мексико», другой сонет — казни Диэго де Асенсьон*, заживо сожженного в Лиссабоне. Кроме того, Баррьос сложил панегирики в честь Авраама Атиаса, Иакова Родригеса Касареса и Ракэли Нуньес Фернандес, заживо сожженных в Кордове в 1655 г. (Ракэли он посвятил два длинных стихотворения). В своих стихах он упоминает в числе казненных еще Тамару Баррокас, заживо сожженную в Лиссабоне, Исхака де Кастро Тартаса, заживо сожженного в Лиссабоне в 1647 г., двух Берналей и других.

Этому потоку религиозных стихотворений мы противопоставляем прекрасный стих Альфреда де Виньи*:

*Вздыхать, стонать, молить —
равно есть малодушье!*¹

Приходится пожалеть, что в эпоху религиозных войн, когда под пытками погибали гугеноты и мориски, — авторы «Славословий», культурные и одаренные люди вынуж-

¹ См. его же стихи:

*Принять отсутствие и отвечать молчаньем
На вечное молчанье божества.*

(Перевод В. Брюсова)

дены были противопоставить фанатизму инквизиторов другой фанатизм, чуждый нашему времени.

Но остается фактом: в своем сопротивлении полицейской церкви некоторые марраны имели силу отказаться от жизни.

XVI

Конечно, надо «свернуть шею красноречию»* этих писателей. К счастью, в некоторых стихах есть и нечто другое: это подлинная тюрьма. Порожденные инквизицией, некоторые образцы этой поэзии звучат сильно (замки и засовы лязгают в октавах Авраама Кастаньо и И. Аба*).

За несколько десятков лет до появления «Славословий» другой враг инквизиции произнес огненные слова. Гугенот Агриппа д'Обинье сложил свои «Трагические поэмы». Казни протестантов во Франции и в Англии, в подробностях описанные Агриппой, не отличаются от казней марранов.

Наказания и муки ада, которыми поэт грозит инквизиторам, задуманы в дантовском вкусе.

*Ты, Белломонт, воздвиг свой ад, жаровни жег.
Твоя игра — процесс, и твой дворец — острог,
Застенок — кабинет, веселия — геенны.
Во мраке погребов, где извивался пленный,
Любуясь пыткой, ты пред жертвой ел и пил.
Из этой камеры ты шагу не ступил.
День поздно рассветал, ночь рано приходила,
Казалось палачу. Кончина утолила*

Его желание медлительно пытаться.
Суровая, она является как тать.
И огонь к его ступне подходит в наказанье.
Бесчувственный к слезам, сам чувствует страданье
Он молит об одном: чтоб огонь, жестокий змей,
От ног до сердца путь закончил поскорей.
Сей путь медлительней работы трибунала.
И огненная смерть все члены покарала.
Убийств желавший, сам неспешно умерщвлен,
Сожжений жаждавший, сам медленно сожжен.

За тот же грех пришел такой же час расплаты.
Огнем пылал Пониэр, вождь Огненной палаты*.
Отмщение дымит горящей головней.
Изобретательно, меж сердцем и ступней,
Смерть строит семь жилищ, ведет свою осаду,
Окопы роет в нем, и вот предстали взгляду
Куски и части ног, семь диких крепостей.
Мучитель претерпел семь огненных смертей.

Епископ Шателэн, под холодом почтенным
Скрывал дух бешеный, в пыланьи неизменном.
Без гнева он пытал огнем, зубцами пил,
Он десять тысяч жертв бесстрастно умертвил.
Смиранный на словах, гордец с лицом тихони
Судил перед костром, жрец хладных беззаконий.
Полтела у него обледенело льдом,
Полтела у него обуглено костром.

Суда и мщенья суровые скрижали,
Погрязшим в мерзости вы, наконец, предстали.

Кресценций Кардинал! чернее всех угроз,
Казалось, за тобой шел погребальный пес.
Его прогнать нельзя. Его узнал ты скоро.
В твоей душе, во дни Тридентского Собора*,
Он лаял бешено. Пес, черный демон твой,
Тебе неведомый, с лукавою душой,
Пес возвестил тебе час казни неизбежной.
И вот недуг в тебе открылся безнадежный.
С тех пор не покидал тебя тот пес лихой.
Недуг стал смертью, смерть — отчаянной тоской.*

Отзвуки Ювенала*, Данта и библейских пророков раздаются в «Трагических поэмах» Агриппы. Они повторяются в испанских «Славословиях».

Не без однообразия, некоторые стихи звенят, как цепи. Тюрьмы, темницы, застенки, подземелья, трибуналы, пытки и казни составляют длинную вереницу мучений в дантовской панораме, которую открывает нам Агриппа. Тюрьмы, дыбы, костры появляются в испанских, португальских и латинских стихах марранов.

Так, задушенные и заживо сожженные, друзья и родственники воспеваются в славословиях, одах, панегириках и элегиях оставшимися в живых.

Заклученные в тюрьму, подвергнутые пыткам, вынужденные бежать, некоторые поэты едва не погибли сами. Новые Лазари, они выходят из гроба и возвращаются к жизни. Но в каком виде!

*Не узнаю себя сам,
Глядясь в мои отраженья,*

говорит Давид Абенатар Мэло, чудом выйдя из подземелий инквизиции.

В этом веке в Испании, как припев, раздается четверостишие из знаменитой кальдероновской драмы «Жизнь есть сон»:

Эта глушь, где всем конец,
Где в печали гробовой
Я живу, скелет живой,
Я дышу, живой мертвец.¹*

Душевное напряжение этого времени слишком велико, чтобы не разрядиться крупным событием. В этот век, когда люди всех исповеданий так легко верят в своих богов и умирают за них, некий восторженный юноша, Саббатай Цеви, объявляет себя «Мессией». Этот смириот, обладавший, по словам историков, необыкновенным очарованием и слагавший еврейско-испанские песнопения, выпускает манифест, в котором обещает всем евреям освобождение от страданий. Он уничтожает посты. «Возрадуйтесь!» — приказывает он. И вот общие пляски, празднества, пиры, оргии охватывают Голландию, Турцию, Египет, Италию, Германию, Марокко. Наступает апокалиптический год: христиане тоже начинают верить в близость невероятных событий и в приход сверхчеловеческого существа. Сам Спиноза интересуется саббатеянством.

¹ Este rústico desierto,
Donde miserable vivo,
Siendo un esqueleto vivo,
Siendo un animado muerto.

Новый «мессия» хочет свергнуть турецкого султана с престола. Но султан не так глуп. Остерегаясь выставить Саббатая мучеником, он объявляет, что готов уступить ему трон, если претендент действительно окажется сверхчеловеческим существом, нечувствительным к стрелам и пулям. В противном случае Саббатай должен отречься от своей веры и перейти в Ислам. Тогда он получит хороший пост турецкого чиновника. Поиграв немного в Христа, лже-Мессия принимает мусульманство. Его пламенные последователи говорят, что турком стала только его тень, а сам он невидимкой спасся, другие заявляют, что он изменил только для того, чтобы пасть возможно ниже и затем встать с торжеством победителя. Но их Мессия не побеждает. Поклонники Саббатая брошены на произвол судьбы. Некоторые из них следуют примеру своего главы и переходят в ислам. Потомки этих нео-мусульман, известные под именем саббатеянцев или денмэ, в наше время еще живут в Салониках, Смирне* и Константинополе. Они сохранили свои обряды и песни.

XVII

Между тем в Португалии машина инквизиции пожирала тела, захваченные ее зубцами.

И здесь, хоть и меньше, чем в Испании, мы находим писателей среди жертв инквизиции.

Родом из Лиссабона, Иегуда Абарбанель, по прозвищу Леон-Еврей или Леон-Врач, представляет тип еврейского ученого времен Возрождения. Врач, философ, советник королей, сочинивший по-итальянски свои знаменитые «Диалоги о любви»*, а по-древнееврейски — стихи, этот двуязыкий писатель интересуется нас скорее как человек,

брошенный в ужасы инквизиции, которая наносила сильнейшие удары евреям именно в эту эпоху. Изгнание иудеев из Испании и Португалии, насильственное крещение «еретических» детей непосредственно затронули этого эрудита, который в другое время спокойно занимался бы неоплатоновской философией.

Сын Исаака Абарбанеля, знаменитого еврейского ученого и министра, возведенного в княжеское достоинство при португальском короле Альфонсе V, Иегуда родился между 1460 и 1465 годами, незадолго до установления инквизиции. Как и отец, он получил превосходное для того времени образование и стал знатоком в области греческой и арабской философии, схоластики и медицины.

Среди заговоров и переворотов при королевских дворах, Абарбанели жили между славой и гибелью. После смерти Альфонса V, покровительствовавшего Исааку, новый король Жоан II стал их преследовать. Подозреваемый в участии в заговоре грандов против короля, Исаак вынужден был бежать из Лиссабона в Севилью, куда вскоре приехали к нему три его сына: Иегуда, Иосиф и Самуэль. Абарбанели поступили на службу к испанскому королю. В царствование Фердинанда Католического Исаак состоял советником, а Иегуда — врачом при короле и королеве. В эти годы Иегуду уже звали Леон: это имя было не так ненавистно благочестивым католикам, как Иуда. К тому же в библии символом колена Иудина являлся Лев, латыни Лео (Leo), по-испански Леон (León).

За год до изгнания иудеев из Испании у Иегуды родился сын. В роковой 1492 год, «когда сыны рассеяния изгнались из Сепарада*», Фердинанд старался удержать при

себе своего врача-еврея, знаниями которого он дорожил. Он готов был сделать для Иегуды исключение, даровать ему жизнь, оставить его в Испании, сохранить за ним высокий пост, но при одном условии: ребенок Иегуды должен быть окрещен.

Абарбанель решительно отверг это предложение. Между тем, чтобы Иегуда не бежал, король решил похитить его сына. Иегуда узнал об этом. Глухой ночью он отослал ребенка с няней в Португалию, как будто его сын — «украденная им вещь». Сам же, спасаясь от погони, прорвавшись сквозь заставы, он бежал в Неаполь, где уже находились его отец и братья. В королевстве Неаполитанском его отец получил звание советника при короле Фердинанде II, а сам он сделался придворным врачом. Наперекор всем преследованиям и бедствиям, слава Абарбанелей еще не закатилась. Иегуда посещал итальянские академии, участвовал в диспутах и, по его словам, торжествовал над всеми христианскими учеными.

Но жестокая печаль терзала сердце великого Иегуды: чтобы спасти ребенка от кастильского короля, он отправил его в Португалию; и вот португальский король, узнав о бегстве Иегуды, задержал ребенка, обрекая отца на разлуку с сыном. После смерти этого португальского фанатика его наследник, по примеру своего испанского собрата, издав декрет об изгнании евреев из Португалии, приказал насильственно крестить евреев и их детей. Маленький Абарбанель не избег общей участи: его окрестили (а крещение часто было равносильно вечной разлуке между некрещеными родителями и крещеными детьми). Он остался в плену у португальцев.

Разлученный с сыном, мудрец Леон-Врач, князь Иегуда, в своей «Элегии о Времени» испускает стоны и вопли, как животное, лишенное своего детеныша. «В смятении моем, дал я ему попасть в сети, из огня бросил я его в пламя костра!» — отчаянно восклицает он. Время обратило его в наемника и кочевника, «заставило его бродить на краю земли». Двадцать лет уже не отдыхают его «кони и колесницы». Время рассеяло дорогих ему людей «по Северу, Востоку и Западу». Его сыну уже двенадцать лет, и до сих пор он не свиделся с ним. Он мечтает не только увидеть его, но и передать ему в наследство свои знания и мудрость предков,

Как влюбленный Соломон тоскует по Суламифи, Иегуда изнывает по своему сыне. Как евреи в вавилонском плену, он отказывается в своей скорби от пения и хочет повесить свою арфу на ивы. Как «Ночь» Микельанджело*, он спит, и сон ему сладок: во сне он видит своего ребенка. Мы не знаем, удалось ли ему увидаться с ним наяву.

«Я хотел бы жить в пустыне!» — восклицает он, изнеможенный своей блистательной жизнью.

Между тем в Неаполе Абарбанели тоже не обрели покоя. После падения арагонской династии они опять вынуждены были бежать, но Иегуда все же возвратился в этот город.

Старый Исаак поселился в Венеции, где продолжал работать над своими сочинениями. Его книги на древнееврейском языке печатались в Константинополе. Иегуда помогал ему, истолковывая его тексты: он писал по-древнееврейски к ним предисловия в стихах.

Его «Элегия о Времени» построена на своеобразном сложном ритме с несколькими цезурами в каждой строке,

характерном не для библейского, а для средневекового периода еврейской поэзии. В ней несколько сот строк, и все они связаны сквозной мужской рифмой на би. Эта «Элегия» напоминает нам «Tristia» Овидия, который в изгнании тосковал по Риму, как Абарбанель — по сыну. В ней вызваны образы библейских пророков и слышатся отголоски псалмов, книги Иова и «Песни песней». В ней много длинот, но много и подлинной поэзии.

Эта автобиография в стихах является своего рода историей «треволнений Израиля».

В ту же эпоху Самуэль Ускэ подвел итоги этих «треволнений» за много веков и посвятил ряд страниц событиям в Испании и Португалии. Эти трагедии, естественно, привели к «утешению», которое и послужило заглавием этого труда.

В XVII веке марран Антонио Серран де Крasto писал сатирические и вольнодумные стихи. Как свободный мыслитель, он осмелился даже высмеять некоторых святых. К нашему удивлению, до шестидесяти лет он жил благополучно: инквизиция почему-то его не беспокоила.

Но вот он брошен в тюрьму. Чтобы забыть свои страдания в застенке, он развлекается игрою слов: сочиняя длинную поэму «Крысы инквизиции», он жонглирует в десятистишиях этими «крысами», которые, по-видимому, беспокоят его в тюрьме.

После десятилетнего тюремного заключения Серран выходит на свободу, что не часто случается с узниками инквизиции. Его имущество конфисковано. Он нищий. Ему приходится жить подаванием от своих друзей.

Но что это в сравнении с другими его бедами? Он почти ослеп. А до того, как он потерял зрение, священный три-

бунал заставил его присутствовать при казни сына, удушенного и сожженного в аутодафе. Когда-то весельчак и насмешник, Серран кончил свою жизнь в печали Иова.

Его стихи в письме к одному другу сообщают нам об этом существовании:

*Для веселья был я мертв,
Жив — для одного страданья.*

Старая тема — жизнь в смерти, смерть в жизни, ни жизнь, ни смерть — появляется в послании этого живого трупа.

В аутодафе, в котором погиб сын Серрана, в числе четырех «отпущенных» значился юрист и ученый богослов Мигэль Энрикес да Фонсэка. Обвиненный в иудействе, он сначала был подвергнут пыткам. Едва его вывихнутые кости были вправлены, как он отрекся от всего, в чем «сознался». Он письменно изложил основы своего «еретического» мировоззрения и даже вступил в спор на богословские темы с ошеломленными инквизиторами. Опять его подвергли пыткам, опять муки вынудили его «сознаться». Показания и опровержения, стоны и доводы против инквизиции чередовались в этом процессе. Обвиняемый отказался от защитников. Он хотел бороться с инквизиторами, убедить и обратить их. Это был опасный спорщик. Наконец, чиновники подвесили его на дыбу и бросили с высоты, чтобы переломать ему кости. Перенесенный из застенка обратно в тюремную камеру, обвиняемый опять опроверг свои показания и заявил, что, если инквизиторы хотят сделать из него христианина, они должны представить ему более убедительные и веские доводы. Когда ему дали подписать

Пытка колесованием

бумагу с печатями «Святейшей инквизиции», он отказался подписываться, пока слово «Святейшая» не будет вычеркнуто. Мигэля Энрикеса сожгли заживо*.

Еще значительней судьба Антонио Жозэ да Сильва. Автор комедий-оперетт, этот потомок марранов невольно стал героем трагедии собственной слишком короткой жизни. За пятьдесят лет до Великой французской революции, тридцати четырех лет от роду, он погиб в аутодафе.

Серран и Сильва — оба любили смешное. Сильва следовал традициям Плавта, Мольера, Жюлья Висенте* и отличался вкусом к музыкальному зрелищу, в котором речитатив сменяется пением, жест — танцем.

Возможно, что в своих комедиях Антонио Жозэ да Сильва хотел, между прочим, высмеять изощренных и манерных поэтов. Не с этой ли целью он сложил сонет, названный в нашем переводе «Живой мертвец», — объяснение в любви, начинающееся словами:

*О Тарамелла, я живой мертвец,
Ради тебя, я мертвый и живой,
Но не подумай, что живу, живой,
Нет, хоть я жив, но я живой мертвец.*

Ироническая или нет, построенная от начала до конца на чередовании слов «живой» и «мертвец», эта серенада восходит к испанским и португальским первоисточникам.

XVIII

В XVIII веке, когда Антонио Жозэ да Сильва забавлял своих современников, инквизиция все еще действовала.

В договорах между Англией и Испанией имелся особый пункт, по которому британские подданные не католического вероисповедания не должны подвергаться преследованиям со стороны инквизиции. Тем не менее инквизиция совершала вооруженные нападения на иностранные корабли, захватывала грузы, арестовывала, заключала в тюрьму и приговаривала к различным наказаниям — «неверных». Чтобы захватить ценный груз, священному трибуналу достаточно было обвинить какого-нибудь иностранного моряка в том, что он «иудействовал». Происходил общественный скандал, по терминологии инквизиции. Сколько бы иностранные правительства и посольства ни требовали освобождения подданных своей страны, арестованные погибали в тюрьмах.

Таким образом, в стремлении наложить лапу на иностранные товары, инквизиция вела себя по-пиратски. Обвиняя кого-нибудь в ереси, она не теряла случая обогатиться за его счет.

В этот же век в Испании некий француз по имени Фогаз однажды в разговоре упомянул: «Мы достаточно проходим сквозь чистилище в этом мире. Мы не должны страдать еще в другом».

Это слова Лукреция*:

Надо из наших сердец изгнать боязнь Ахеронта!

За подобные «еретические» слова Фогаза заключили в тюрьму Мадридской инквизиции.

XIX

Есть место для вас
В этих смутных звучаньях,
Замкнувших в одно
И жизнь и смерть.

*Жюль Сюпервьель**

Мало-помалу костры исчезали, но в так называемое новое время инквизиция все еще пользовалась пытками при допросах обвиняемых.

Официально и окончательно инквизиция была отменена в Испании только около 1834 года. Но папской властью формально она не отменена и по сей час.

В наши дни, после падения Испанской монархии, архивы монастырей смогли бы открыть хранимые в течение веков тайны. Следовало бы ознакомиться с документами, часть которых, может быть, относится к «еретическим» писателям.

Кроме Луиса де Леона, эти поэты неизвестны даже у себя на родине.

При жизни некоторых из них вздергивали и подвешивали на дыбу. После смерти их стихи все еще висят в пустоте.

Вот уж поистине «прóклятые поэты»!

Инквизиция хотела принудить их молчать. Но сквозь стены тюрем, из глуши изгнаний, из гробов — их голос доходит до нашего века. Их стихи вырваны из забвения. Новые Лазари, эти люди вызваны к жизни.

Валентин Парнах

Аутодафе. Приготовление к сожжению на костре

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЭТОЙ КНИГИ

В царской России, в частности в годы империалистической войны, положение евреев заставляло вспоминать времена испанской инквизиции.

Уже тогда я стал искать следы испанских и португальских поэтов, преследуемых инквизицией. Впервые я пробовал найти их в Париже, где долго жил. В библиотеке Сорбонны, в редкостном собрании старинных испанских стихов, я нашел трехстишие неизвестного автора XIV или XV века. Это была глухая жалоба или мрачное признание: «Мое сердце черно, как колонны Соломонова храма». Я не записал этих строк, но, запомнив их, через двенадцать лет перевел их в стихах на французский язык.

Есть отрывки стихов, как бы вырезанные гвоздем на стене тюремной камеры. Подобно этому трехстишию какая-нибудь испанская *carcelera**, тюремная песня неизвестного автора, могла бы служить эпиграфом к собранию повествований о жизни и гибели узников инквизиции.

Одним из первых текстов, найденных мною в Париже, были отрывки из редкостной в наше время книги Давида Абенатара Мэло, помещенные в исторических, социологических и литературных исследованиях об евреях Испании

испанского историка Амадора де лос Риоса. Меня поразили только стихи, повествующие о перенесенных Абенатаром пытках. В 1920 году я перевел одно из приводимых мною стихотворений Мало. На новые поиски я отправился в Испанию.

Немецкие и французские исследования и заметки Меира Кайзерлинга по истории литературы испанских и португальских евреев, а еще раньше «Еврейская энциклопедия» на русском языке, послужили мне первыми путеводителями по этим мало исследованным областям. Мало-помалу я узнал главнейшие элементы, по которым мог еще только воображать целую стихию. Но все определенной я обнаруживал, что многие редкие книги найти чрезвычайно трудно. Я заглянул в узкое окно тюремного мира, но проникнуть туда, казалось, было невозможно.

После перерыва в несколько лет в моей исследовательской работе я перевел около семисот строк стихов из «Трагических поэм» Агриппы д'Обинье и таким образом опять вернулся в мир тюрем, пыток и казней, созданный этим французским современником многих жертв испанской инквизиции.

Наконец, через несколько лет, опять во Франции, в английском издании испанских стихов XV века я нашел маленькую «Песню заключенного»*, которую затем перевел, а в Парижской национальной библиотеке, в каталоге анонимов, обнаружил четыре тома «Португальского комического театра», где появились комедии Антонио Жозэ да Сильва. До этой находки о замечательной жизни этого автора я прочел, вероятно, все, что появилось на французском, португальском, испанском, немецком и английском языках.

Пять стихотворений Сильвы, «Песню заключенного» неизвестного автора XV века и терцет «Мое сердце черно» я перевел на французский язык. Эти французские стихи появились в журналах «Bifur» и «Eugore» в 1930 году, а моя статья о Давиде Абенатаре Мэло с отрывком из его стихотворения — в «Nouvelles Littéraires» в 1928 году. В 1930 году парижское издательство Rieder, впервые выпустившее во французских переводах книги Гамсуна, Горького, Бабея, решило издать мою книгу «L'Inquisition».

Через посредство Парижской национальной библиотеки я получил из университетских библиотек Амстердама и Лейдена книгу Давида Абенатара Мэло, несколько книг Даниэля Лови де Баррьоса и др. В Париже ни в Национальной библиотеке, ни в других их не было.

Наконец-то в моем распоряжении находились книги, известные мне до тех пор только по заманчивым названиям! Как всегда в таких случаях, меня ждало некоторое разочарование. Но среди множества слабых, трескучих и непомерно растянутых стихов, копии которых и сейчас находятся в моем распоряжении, мне удалось найти образцы подлинной поэзии.

Я безжалостно отбросил тысячи строк и значительно сократил некоторые выбранные мною стихотворения. Таким образом, я дал им зазвучать во всей их силе. Я перевел на французский еще целый ряд стихов. Многие из них появились в журнале «La Courte Paille» и других. В то же время, пробиваясь сквозь заросли этой области, я находил новые и новые произведения. Кстати, в Париже я обнаружил, что даже известнейшие французские испанисты, как директор Испанского института проф. Мартинанш и автор

«Панорамы испанской литературы», знаток испанской старины Жан Кассу, не имеют понятия о поэтах-марранах.

В Париже впервые я нашел и каталог дел, извлеченных из архивов мадридской инквизиции. Много лет спустя, в ходе моей работы над моей книгой «L'Inquisition», я разыскал в Парижской национальной библиотеке целый ряд протоколов, приговоров и хроник. Из них я извлек выразительные страницы.

В своем трагическом однообразии эти протоколы звучат как своего рода поэмы. Они являются ключом к дознанию этой эпохи и дополнением к переведенным мною стихам.

В Испании, Португалии, Франции, Голландии и других странах много залежей в этой области еще не разработано и, может быть, даже не открыто. Их можно и надо открыть и разработать.

Книга «Испанские и португальские поэты, жертвы инквизиции» не является механическим повторением моей французской книги «L'Inquisition». На русский язык я перевел некоторые стихотворения, не переведенные мною на французский, как «Панегирик во славу доблестного Авраама Нуньеса Берналя», «Странник», «На смерть Диэго де ла Асенсьон, заживо сожженного в аутодафе в Лиссабоне» и др. Кроме того, в эту книгу я включил сонет Камозэнса и отрывки из «Трагических норм» Агриппы д'Обинье, а также значительно расширил вступление и примечания.

Валентин Парнах

БИОГРАФИИ
и
ИСПАНСКИЕ
ТЕКСТЫ

*Неизвестные авторы
XV века*

ПЕСНЯ ЗАКЛЮЧЕННОГО

Это было в мае месяце, жаркие стояли дни,
Заливались в небе жаворонки, рокотали соловьи,
Уходили все влюбленные славить таинства любви,
Только я жил в горькой муке, заточен в глухой острог.
День ли, ночь ли за стеною, я бы сам узнать не мог,
Только птичка возвещала песенкой мне каждый срок.
Арбалетчик* застрелил ее, пусть его накажет бог!

АЛЬБОРАДА

Испано-еврейская песня*

— «Цветок мой апельсиновый! Вставайте от сна скорей!

Вы слышите, как сладко поет сирена морей?»

— «Нет, это не сирена, нет, не сирена морей:

Это мой милый хочет доплыть до груди моей.

Но волны сильно бьются, он далеко от камней.

Хоть день и ночь страдай он, не доплывет он ко мне!»

Услышал эхо мальчик, бросается плыть скорей.

— «Нет, не бросайся, мальчик: то воля звезды моей!»

Она бросает косы, по ним он взлетает к ней.

Семья Картахэна

(Cartagena)

XV век

В те времена, когда духовенство играло одну из главных ролей в политической и культурной жизни Европы, еще до установления инквизиции в Испании, некий Соломон Галеви, эрудит в талмудических науках и знаток богословия, добровольно принял католичество. Окрещенный Пабло де Санта Мария*, он был назначен епископом города Карфагена, откуда и происходит его фамилия де Картахэна. Одно за другим он получил различные почетные звания, стал канцлером королевства кастильского и опекуном испанского инфанта. К концу жизни он вошел в Совет регентства и был архиепископом своего родного города Бургоса. Он обратил в католичество свою жену и четырех сыновей. Но не он интересуется нас.

После его смерти второй сын его, Алонсо де Картахэна, в свою очередь был назначен епископом карфагенским и бургосским; отличился как крупный прелат и дипломат*.

Он ли является автором интереснейших любовных стихотворений или его брат Педро, которому приписываются многие из них в собраниях испанских произведений XV века?

Как бы то ни было, при некоторой искусственности эти стихи не лишены своеобразной силы. Изощренный анализ противоречивых чувств и блестящий дар казуистики сказываются в антитезах и гиперболах, столь характерных для испанской поэзии. Лучшими образцами этих стихотворений являются стансы, которые я назвал бы «Ни жизнь, ни смерть» и «Я — это вы, вы — это я».

Упомянутый в посвящении этого последнего стихотворения виконт де Альтамира — поэт, произведения которого также включены в собрания испанских авторов его века.

Судьбу семьи Картахэна, сделавшей блестящую карьеру князей церкви, любопытно сопоставить с судьбой поэтов, которые подверглись преследованиям со стороны инквизиции.

Педро де Картахэна

СТАНСЫ К ВИКОНТУ ДЕ АЛЬТАМИРА,
сопернику автора на службе у одной дамы,
от любви к которой оба погибли

Я — это вы, вы — это я.
Ведь наши души, наши взоры —
Одна душа, единый взор.
Страсть ваша — это страсть моя.
И нашей страсти приговоры —
Единый смертный приговор.

Одна замкнула нас ограда,
Где смертию умрет отрада
Отчаянно и неизбежно,
И путь к спасению преграда
Отрезала нам безнадежно.

Умрете вы, умру и я.
Ведь вас убьет моя беда,
Меня же ваша убивает.
Ведь страсть и ваша, и моя
Вся нами отдана туда,
Где только вечность пребывает.

Мы умерли: ведь мы желаем
Той, от которой умираем.
Невыполнимое желанье!
Раз умирает упованье,
Еще живя, мы погибаем!

К о н е ц

Так, наша слава умерла.
Наш рок для нас изобретает
Такое долгое страданье,
Что нам ясна причина зла:
Не смерть сама нас убивает,
А нашей смерти опозданье.

Луис де Леон
(Luis de León)
1528—1591

Поэт и ученый, профессор Саламанкского университета, Луис де Леон* был обвинен инквизицией в том, что толковал Библию еретическим образом, произносил дурно звучащие для католического уха слова и перевел на испанский язык «Песнь песней»*.

К тому же в обвинительном акте по его делу упоминается его еврейское происхождение. Арестованный по проискам своих ученых собратьев, он был заключен в тюрьму, откуда вышел только через пять лет. При возобновлении его курса собравшиеся на первую лекцию студенты надеялись, что он заговорит о тюрьме. Но Луис де Леон, продолжая то, о чем говорил пять лет назад, спокойно начал: «Dicebamus hesternum die...» («Вчера мы сказали...»).

Этот поэт оставил ряд знаменитых и поныне стихотворений. Он перевел на испанский книгу Иова и оды Горация*. Его стихи появились в печати только через сорок лет после его смерти*.

ТЮРЬМА

Здесь ложь и зависть пять лет
Держат меня в заточеньи.
Но есть отрада в смиреньи
Тому, кто покинул свет,
Уйдя от злого волненья.

И в этом доме убогом,
Как в поле блаженства, он
Равняется только с богом
И мыслит в покое строгом,
Не прельщая, не прельщен.

Давид Абенатар Мэло
(David Abenatar Melo)

XVI—XVII век

Когда и где он родился, неизвестно. Как он упоминает в предисловии к своей книге, его родиной была не Испания, его родным языком был не испанский язык.

Фамилия Мэло происходит от португальского городка того же названия. Может быть, Абенатар родился в Португалии или на Ближнем Востоке, или в Африке, куда его предки могли бежать от инквизиции. Он упоминает, что несколько раз побывал в Испании и в странах, где говорят по-испански. Как и зачем приближался он к этому очагу инквизиции, неизвестно.

Судя по его стихам, его родной язык скорее испано-еврейский диалект: мы находим в них типичные словообразования, как *meldar* — читать, *ladinar* — переводить на испанский, а также много португальских форм и окончаний.

В своем предисловии Абенатар сожалеет, что испанские евреи его времени больше не знают древнееврейского языка, и противопоставляет им морисков, обучающих своих детей арабскому.

Мы не знаем, за что Абенатар был арестован инквизицией. Может быть, за то, что перевел несколько псалмов

Давида, был он обвинен в иудействе, брошен в тюрьму и подвергнут пытке дыбой. Инквизиция хотела заставить Абенатара назвать других иудействующих. Он не выдал их и под пыткой. Как же он не погиб? Много лет он оставался в заточении. Каким же чудом он спасся? Во всяком случае, он вышел из тюрьмы. Был ли он выпущен на свободу или бежал? Об этом он не говорит. Но указывает год своего освобождения: 1611. Выйдя из тюрьмы, он спасается в Голландию.

Там или в другой стране Абенатар заканчивает перевод своих псалмов, и в 1626 году во Франкфурте выходит испанская книга под заглавием:

«СЛ псалмов Давида, на испанском языке, в различных стихах, сложенных Давидом Абенатаром Мэло, согласно подлинному ферраровскому переводу, с некоторыми аллегориями автора. Посвящается св. общине Израиля и Иуды, рассеянной по всему миру, в сем долгом плену, а в конце Баракá (Благословение) того же Давида и Песнопение Моисея. Во Франкфурте, года 5386 (1626), Элула месяца» (август—сентябрь).

Само собой разумеется, эти стихи не могли появиться в печати в стране инквизиции. По какой же случайности изгнаннической жизни автора они были напечатаны во Франкфурте? Был ли Абенатар проездом в этом городе, или, как предполагают некоторые исследователи, эту книгу сдал в печать какой-нибудь протестант, бежавший от инквизиции?

Напечатанные в Германии, эти испанские тексты кишат опечатками, ошибками и нелепостями. То одно слово расчленено на две части, то два слова соединены в одно, в какой-

то абракадабре, то некоторые слоги одного слова насильственно связаны со слогами другого, стоящего перед ним или за ним. Чтобы найти несколько ценных строф, приходится расшифровывать эти беспорядочные буквы.

Шовинист и фанатик, Абенатар слагал религиозные гимны. Я бы не перевел ни одного из них, если бы в некоторые из них он не включил незаурядной повести о перенесенных им пытках и о своем избавлении из тюрьмы.

Если Баррьос слишком ловок в стихотворчестве, Абенатару не хватает умения орудовать словами. В своем предисловии он скромно и честно признается в этом:

«Знаю, что эти стихи не могут называться стихами. Хоть я и сложил их, но не умею укладывать их в размеры, не знаю, есть ли в них требуемое количество слогов».

«...Не знаю правописания и не умею расставлять требуемые запятые и точки в конце слов».

«...Предупреждаю тебя, друг читатель, что в книге этой ты найдешь одно и то же слово, повторенное два раза в одном стихе, и другие слова, повторенные много раз в одном псалме».

«...Яснейший, уверенный в себе ум погибает в лабиринте...»

Затем Абенатар поучает:

«Оставим суетность других произведений, комедий и романсов чужим народам; найдем то, что соответствует нам, ибо подчас в горьких пилюлях заключено исцеление больного...»

Так и Агриппа д'Обинье проповедует духовный аскетизм:

*Проказу наших тел питает летний зной,
Проказу наших душ — довольство и покой.
Зима нас исцелит от ядовитых токов,
Беда здоровая избавит от пороков.*

Конечно, и Агриппа не заботился о безукоризненном стиле, но Абенатар уж слишком грешит против него. Одну и ту же мысль он переворачивает на все лады. Лишь безжалостно сокращая его стихотворения, переводчик может показать их силу. Но как только Абенатар касается инквизиции, во власти которой едва не погиб, он находит подлинные и мощные слова. Как у всякого поэта, в заточении у него возникают исключительно сильные стихи.

Он слагает вариации на следующие темы псалма XXIX:

«2. Превознесу тебя, господи, за то, что ты поднял меня и не дал врагам моим восторжествовать надо мной.

3. Господи! боже мой! я воззвал к тебе, и ты исцелил меня.

4. Господи! ты вывел из ада душу мою и оживил меня, чтобы я не сошел в могилу.

5. Пойте господу, святые его, славьте память святыни его!

6. Ибо на мгновение гнев его, на всю жизнь благоволение его: вечером водворяется плач, а наутро радость.

.....

10. Что пользы в крови моей, когда я сойду в могилу? Будет ли прах славить тебя? Будет ли возвещать истину твою?

11. Услышь, господи, и помилуй меня! господи! будь мне помощником!

12. И ты обратил сетование мое в ликование; снял с меня вретисце и препоясал меня веселием.

13. Да славит тебя душа моя, и да не умолкает. Господи, боже мой! буду славить тебя вечно!»

Этим мощным стилем Абенатар пользуется для повествования о перенесенных им пытках.

Это «*De profundis clamavi*»* возвышается над всеми догмами. Этот дневник в стихах заключенного, оставшегося верным своему делу, доходит до нас. В своем мучительном рассказе, богатом интонациями, Абенатар хорошо отмечает и соблюдает все акценты и повышения голоса. Он орудует секстинами, пятистишиями и дистихами, соединенными в благородном чередовании. Он не злоупотребляет образами. Строгость и скудость Абенатара являются полной противоположностью изощренности и сложности его современников-гонгористов. Здесь отвесно встает перед нами тюремная стена.

LOS CL. PSALMOS
DE DAVID · IN LENGUA ESPAN-

nola, en uarias rimas, compu-
estos por Dauid ABenatar melo, conforme ala
uerdadera Traduccion ferraresqua : con algunas
aleguorias Del Autor.

DE DICADOS AL D.B. Y á SU SANTA
companha De Jssrael y Jcudad: es parzida por el
mundo en este largo cautiuerio, y alcabo lá Baraká
Del mismo Dauid y Cantico
De Moyzes.

EN FRANQA FORTe ANHO De

5 3 8 6.

Ens de elul.

Фронтиспис книги испанских псалмов Давида Абенатара
Мэдо, изданной в 1626 году.

Сто пятьдесят псалмов Давида, на испанском языке, в раз-
личных стихах, сложенных Давидом Абенатаром Мэло,
согласно подлинному феррарскому переводу, с некоторыми
аллегориями автора

Посвящается Б. Б. (благословенному богу) и святой общине
Израиля и Иуды, рассеянной по всему миру, в сем долгом
плени, а в конце Баракá (Благословение) того же Давида и
песнопение Моисея. Во Франкфурте, год 5386, месяц Элул.

ПОСВЯЩЕНИЕ

На волю я из тюрьмы,
Из гроба вышел разбитым:
Мои палачи меня
Подвергли жестоким пыткам.

Никто меня не узнал:
Худ и дряхл, отныне тень я.
Не узнаю себя сам,
Глядясь в мои отраженья...

Неумело, но со страстью,
Чтоб пристыдить рифмачей,
Мое перо обмакнул я
В чернила моих скорбей.

Я вывел бедный рисунок
На маленьком полотне,
Сей образ черных печалей
И пыток, сужденных мне.

К тебе я их направляю,
В дар отдаю их тебе.
Ты знаешь: меня подвигла
Преданность только тебе.

ПЫТКА

Когда, под пыткой лютой,
Меня держали связанным, без сил,
Чтоб эту верность мука поборола, —
Хладея с каждой минутой,
Подвешенный, я попросил
Дать, наконец, коснуться пола.

Пусть занесут в пункт протокола,
Что я открою сам
Гораздо больше, чем хотели,
Так пусть начнут допрос о деле,
Чего потребуют, все дам.

Но только спущен я на землю, —
Как с новым жаром зов к тебе подьемлю

Сбежались мастера.
Надеются, что рыбы —
Уже добыча их улова.
Развязан узел дыбы,

Мне говорить пора.
Но я молчу, в ответ на всё — ни слова.

И, задыхаясь, снова
Они кричат мне: «Что ж!
Скажи!» И ринулись гурьбою.
Но, укреплен тобою,
Я безбоязненно ответил: «Ложь!»

И снова я веревкой скручен,
Подобно воску на огне, замучен...
Из этих мраков подземелья
Меня со славою ты спас,
Преобразив мне душу, дар твой правый,
Мое отчаянье в веселье
Ты обратил, мой господин, потряс
Меня величием твоей управы!

Сей псалом применил я к себе, ибо в некий благо-
словенный день — хоть израненный и разбитый —
освободился я, выйдя из инквизиции, где я видел,
как погибли сожженные одиннадцать отрицавших
(negativos), да будет кровь их отомщена!

Авраам Кастаньо и И. Аб

XVII век

Авраам Кастаньо

ПАНЕГИРИК ВО СЛАВУ ДОБЛЕСТНОГО
АВРААМА НУНЬЕСА БЕРНАЛЯ*,
претерпевшего казнь, заживо сожженного
в Кордове 3 мая 5415 (1655) года

В закоренелый Вавилон смешений,
В непроходимый лабиринт ходов,
Во львиный ров, где погибает гений,
В тот край, где сфинкс пожрать людей готов,
В центр безрассудств, бессмыслиц, заблуждений,
В ад наказаний, пыток и костров
Суд Радаманта* властью злодеянья
Вверг мужа истины, дитя сиянья.

Грозней и бдительней, чем пес треглавый*,
Оберегает черный Баратрон*
Привратник наглый, в бешенстве расправы,
В обличье адских фурий облачен.
Не ведая ее грядущей славы,
На жертву новую со всех сторон

Бросается и гневно оскорбляет,
Но каждым оскорбленьем прославляет.

Грохочут кандалы, гремит ограда,
Визжат затворы сих железных врат,
Уже потряс приговоренных стадо
Внезапный лязг, и некий смертных хлад
Оледенил в их жилах кровь, и рада
Та сволочь, что обслуживает ад.
По-разному в этот миг неотвратимый
Взволнованы казнящий и казимый.

По гробовой палестре*, под конвоем,
На муку доблестного повели
Борца, чье появление перед строем
Приветствуют стенанием вдали
Отверженные, чуждые обоим
Мирам, забыв и неба и земли
Далекий свет в изгнании тюремном,
Упрятанные в сумраке подземном.

И. Аб

Два полюса, Атланты небосвода*,
Обрушатся всей тяжестью высот,
Кров мирозданья и колонны входа
Низринутся во прах и в бездну вод;
Сиявшей Сферы светоч, вся природа
Во мраке туч теряют свой оплот,
Завоет море, и стада тритонов
Прочь бросятся от гнева сих Неронов.

Во мрачной яме, в мерзостной темнице,
В земном аду неисчислимых бед,
Где мертвецы еще живут в гробнице,
Где даже ясный ум впадает в бред, —
Жизнь горестно идет к своей границе,
Но стойкость тем сильней, чем злей запрет,
И противостоит всех волн прибою
Скала, упершись в небосвод главою.

В пергаменты перо уже вписало
Безвинной жертве смертный приговор,
По дьявольским уставам трибунала,
По праву сих тупых и темных свор.

Но кровь пролить святошам не пристало.
И, чтоб прикрыть безумство и позор,
Они отпустят жертву* без боязни
И светской власти выдадут для казни.

О трибунал, виновник преступленья!
Да поразит тебя небесный гром!
Свои подлоги и свои решенья
Подписываешь ты чужим пером,
Из яда хладного творишь каменья
И лицемерно прячешь свой сором,
Под рясой руки всех твоих Неронов,
Законников без правды и законов.

Приходит день и с пышным ритуалом
Тиранство выставляют напоказ,
И всех на праздник радостным сигналом
Сзывает труб громоподобный глас,
А чтобы весь народ рукоплескал им,
Чтобы триумф восторгом всех потряс,
Даруют отпущенье прегрешений
Собравшимся на торжество сожжений.

Театр богатый должен здесь открыться:
Здесь погребение погибших слав,
Великих дел позорная гробница,
Языческой жестокости устав.
Войска выводит Марс, их вереница
Идет, всю площадь блеском лат убрав,

Дабы придать ей роскоши дешевой
В слепых очах сей черни бестолковой.

Сквозь путаницу переходов длинных
В театр великой смерти он вступил,
Где безнадежно вся толпа невинных
Стояла, будто выходцы могил.
Там восседал синклит монахов чинных,
Среди своих вооруженных сил,
А там, на троне, вся гордыня Рима,
Тупую чернию боготворима.

Медь высшей пробы, твердости мерило,
На медленном огне испытан он,
Как медный бык жестокого Перила*.
Страшнейшей казнью будет он казнен.
Дивясь, луна свой взор в него вперила,
Затмился перед чудом небосклон,
Исчез и свет под черным покрывалом.
Мир погребен во мраке небывалом.

Но чье перо, чей голос лебединый,
Рисунок, стих и цвет, и звук, и строй, —
Хотя бы Апеллесовы* картины
Или Орфея* плектрон* золотой, —
Не осквернят алмазной сей вершины*
Бессмертию ненужной похвалой?
Напрасен будет труд земных стремлений,
Когда их не внушит небесный гений.

Антонио Энрикес Гомес
(Antonio Enriquez Gomez)

1600—1662

«А! Сеньор Энрикес! Я видел, как вас сожгли в изображении, в Севилье».

Разговор происходил в Амстердаме.

Энрикес расхохотался. Ему удалось бежать от инквизиции, из Севильи во Францию: в 1636 году он отрекся от католичества, в 1660 году был заочно приговорен к сожжению.

Капитан испанского флота, королевский советник, сын маррана, Антонио Энрикес Гомес или Энрикес Пас вынужден был прожить часть жизни в изгнании, главным образом во Франции, где и вышло большинство его сочинений.

«Ты наверно удивишься, что сия книга отпечатана в чужой стране, — упоминает он в своих “Моральных академиях муз”. — Объяснит это тебе элегия, сочиненная мною о моем скитании, если не добровольном, то вынужденном, и если не вынужденном, то вызванном теми, кто, отравляя государство, продает вместо противоядия — яд. Не хочу оправдываться, затемняя уверенность моего разума, — хочу быть уверенным, что живу в оправдании моей истины; если кровь Сенеки обессмертила добродетель его,

уверяю тебя, что и моя, не взывая о мщении, обессмертит меня, наперекор всем Неронам».

Перегруженные отвлеченными терминами, стихи Энрикеса, образцы философической поэзии, свидетельствуют об эрудиции автора. Как философ эпохи Возрождения он восходит к грекам. Как поэт он находится под прямым влиянием своих современников — Кальдерона де ла Барка и Гонгоры. Отзвуки Кальдерона слышатся и в переведенном нами отрывке из «Странника», напоминающем монолог Сехизмундо из драмы «Жизнь есть сон». Отзвуки Гонгоры — в сонетах и эпических поэмах. Основное чувство Энрикеса — спокойное разочарование, строгая горечь. Он не чужд и сатиры.

«Если в тебе вызовет смех нелепость сего дурно управляемого века, — говорит он, — плачь в моей элегии с Гераклитом; а если опечалит тебя нищета, беспомощная в своей добродетели, и богатство, без оной царящее на троне, — смейся в моей элегии с Демокритом!» Исходя опять-таки из греческой философии в своем «Пифагоровом веке», Энрикес создает превращения одной души в разные тела, показывая целую галерею типов: честолюбца, клеветника, лицемера, гордеца, жулика, дворянина. Кроме того, ему принадлежат двадцать две комедии*.

Хотя Франция приняла его с почетом, он не переставал тосковать по Испании и по свободе. По-видимому, он умер в Амстердаме, не увидев родины.

СТРАННИК

(отрывок)

Я получил в наследство лишь одно —
Лишение, и вот чем быть мне суждено:
Моя душа — раскол,
А тело — произвол,
Взор — слепота алчбы,
Слух — бешенство трубы,
Вкус — налетающий циклон,
Язык — надменный Вавилон,
Речь — бреда несуразней,
А память — злейшая из казней,
И воля — зыбкий поплавок,
И вместо мыслей — путаный клубок,
Людские суетные упражненья,
Поистине, лишь ложные сужденья.

Даниэль Леви де Баррьос

(Daniel Levi de Barrios)

1625—1701

I

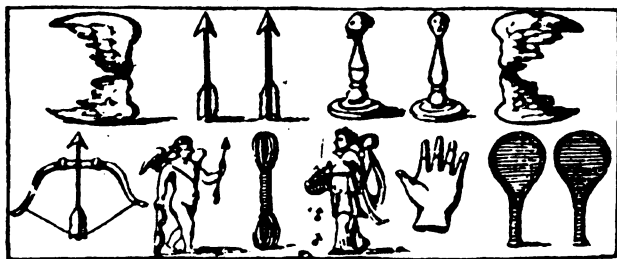
Сын маррана, он родился в Монтилье, близ Кордовы, родины Луиса де Гонгора. Его звали Мигель де Баррьос.

В своей бродячей юности он жил то в Оране*, то в Ницце, то в Ливорно*, то в Брюсселе. Он отправился в Вест-Индию, но, не сходя с корабля, возвратился в Европу: его жена умерла во время плавания.

В Брюсселе, капитан испанской армии, он находился под покровительством дона Франсиско Мэло, португальского посланника.

«Испаннейший» поэт из всех марранов, Мигэль де Баррьос сложил множество стихов: поэмы на мифологические темы, в духе «Одиночеств» («Soledades») Гóнгоры, аллегорические пьесы, сонеты, десятистишия, октавы. Самый светский из всех своих еврейских собратьев, он посвящал мадригалы красавицам и оды великим мира сего, среди них — испанским королям. В эту эпоху он мог бы стать хорошим придворным поэтом.

Он банально назвал одну свою книгу «Цветок Аполлона» («Flor de Apolo»), а в своей книге «Хор Муз» («Cogo de las Musas») воспел в сонетах Париж, Лондон, Рим, Лиссабон, Амстердам и Флоренцию.

Significa

**A-LAS FLECHAS DA-MAS ALAS
ARCO AMOR CVERDA FLORA. MANO PALAS**

*A Flora cifrando el Hierogliphico en las letras
del margen.*

A-LAS almas que te ven,
FLECHAS con la luz que bella
DA-MAS lumbré al Sol en ella,
ALAS en mi al mayor bien:
ARCO previene también
AMOR, y toda esplendores
CVERDA enlaça sus primores
FLORA, produziendo Mayos,
MANO de Jove con rayos,
PALAS del Pindo con flores.

Ребус в стихах из редкостной книги «Хор муз»

Мигэля де Баррьоса, изданной в Брюсселе.

Непереводимая игра слов: *A-las*, запечатанные как два слова, означают член женского рода множественного числа в дательном падеже: *A las almas* — душам. *Alas*, напечатанное как одно слово, означает: крылья. *Flechas* — стрелы. *Da-mas* — дает больше. *Damas* — дамы. *Arco* — лук. *Amor* — Амур. *Cuerda* — веревка. *Flora* — Флора (богиня цветов, плодов и весны в латинской мифологии). *Mano* — рука. *Palas* — Паллада (богиня войны в греческой мифологии) и множественное число от слова: лапта.

Поклонник и последователь Гонгоры, которого он считал новым Гомером, ученый поэт, он орудует антитезами и метафорами, злоупотребляет изощренными образами, любит играть слов и секретами поэтической кухни. Слишком часто он болтлив и напыщенно важен.

Но вдруг в своем «Цветке Аполлона» этот поэт XVII века говорит: «Эти очи — два балкона». И вот пленительной свежестью веет на нас от этого стиха. Наши современники могут позавидовать этому образу Баррьоса.

II

Все как будто шло хорошо в жизни этого поэта. А между тем... Потрясен ли он был преследованиями и казнями марранов (Альмейда Берналь, его родственник*, был заживо сожжен в аутодафе)? Страдал ли он от антисемитизма в армии или в дворянских кругах, с которыми был связан? Или даже в спокойной жизни он, как и всякий поэт, испытывал трагические чувства? Как бы то ни было, он вышел в отставку. И вот, долго скрывавшийся, появляется как бы другой Баррьос, его двойник.

Когда-то в Ливорно Баррьос, родившийся католиком, перешел в иудейство.

Он попадает в Амстердам, куда спасались марраны, избежавшие тюрьмы и костра. С тех пор он больше уже не Мигель де Баррьос, все его книги выходят под именем Даниэля Леви де Баррьоса.

Даниэль Леви хочет служить пером еврейству. Все больше и больше работает он для еврейских объединений и академий и становится своего рода непременным секретарем их.

Само собой разумеется, приемов творчества он почти не меняет. Испанская поэзия по-прежнему дороже ему, чем всем другим марранам.

Его старые любовные стихотворения служат ему для восхвалений сожженных марранок. Его славословия сожженным и аллегорические пьесы напоминают по стилю католические ауто-сакраменталес, в частности стихи Кальдерона де ла Барка.

За свою долгую жизнь Даниэль Леви написал немало небольших сочинений в прозе. Ему принадлежат хроники, отчеты об установлениях еврейской общины в Амстердаме, «Сообщение об испанских писателях и поэтах еврейского племени»* и краткая «Всеобщая еврейская история»*.

В этой последней книге, отнюдь не притязающей на научность, поэт отмечает положение евреев во всех странах, перечисляет посланников и министров еврейского происхождения и между прочим сообщает следующий трагикомический факт:

«Все евреи были изгнаны из Вены императором Леопольдом, по наущению императрицы Маргариты, считавшей, что она не может родить, оттого что ко двору допущены евреи. После чего она умерла от родов».

Баррьос слагает еще панегирики в стихах во славу старейшин общины. Если верить ему, в Голландии жило немало ученых, благородных и блистательных марранов. В сущности, в нормальных условиях (не будь Даниэль Леви де Баррьос евреем) он стал бы «национальным поэтом».

В эту эпоху религиозного остервенения наш гонгорист сам шовинистически настроен. Между тем в кругах богачей он прозябает в нищете. Если он сумел ускользнуть от инк-

визии, он не избежал власти денег. Он вынужден сочинять стишки на случай: оды на смерть богачей и славословия в честь рождения их счастливых наследников.

Наконец наступает небывалый год: так называемый «мессия» Саббатай Цеви возвещает освобождение и радость. От Гамбурга до Марокко, от Амстердама до Каира, последователи Саббатая плачут, ликуют и пляшут.

При появлении Саббатая, вдвойне потрясенный, как поэт и как еврей, Баррьос трепещет в простодушном ожидании чуда и спасения. Он бросает всякую работу, забывает свою семью, отказывается от пищи и совершает какие-то «эксцентрические» поступки.

Как некогда племянница Дон-Кихота, Абигаиль, вторая жена дона Леви, приходит в ужас. Она бежит к раввину Хакобу Саспортасу и умоляет его успокоить ее мужа.

Между тем Саббатай, конечно, не спасает мира. Амстердам, Голландия, Европа, Азия, Африка — весь мир пребывает в своем подлом порядке. Нищета Баррьоса остается неизменной. Он умирает в нищете.

ПОРТРЕТ*

Прелесть юная Марины
Так пленяет нас, что все
Мы бросаем сердце в море,
Чтоб достичь этой марины.

Эти очи — два балкона,
Эти два зрачка — девчонки*.
О, как мечете вы стрелы
В тех, кто мимо вас проходит!

Этот рот, гранат Гренады,
Открывается улыбкой.
Это Дарро* сквозь рубины
Бьет в нас радостью великой.

НА СМЕРТЬ ДИЭГО ДЕ ЛА АСЕНСЬОН,
заживо сожженного в аутодафе
в Лиссабоне

День третий августа, в весельи звона,
В шестьсот втором году был возвещен.
Чудовищный костер сооружен
На площади великой Лиссабона.

Но даже пытка не исторгнет стона
Из уст Диэго де ла Асенсьон:
На высь единой правды вознесен,
Он встал на страже своего закона.

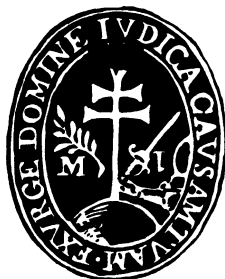
Прорвав цепь заблуждений, сбросив гнет,
Он погибает в огненном затворе,
Но воскресает Фениксом — и нам,

Позоря церковь, в славе предстает.
Прах в этом пепле исчезает в море,
Дух в озареньи всходит к небесам.

НАДГРОБНЫЙ АКРОСТИХ,
В КОТОРОМ ГОВОРIT МОЙ ТРУП

*Д*несь, разложившись, пребываю я,
*А*лкаявший блеска, образцом закона:
*Н*едавно был я светом Аполлона*,
И вот я даже и не тень моя.
И в этом черном центре бытия
*Л*ежу свободный от себя, от славы
*Л*юбезных лавров, от земной забавы.
*Е*два ли *Ф*еб согреет этот прах,
*В*чера я жил, как *Баррьос* величавый.
*И*стлев, живу в одних моих трудах.

БИОГРАФИИ
и
ПОРТУГАЛЬСКИЕ
ТЕКСТЫ

Самуэль Ускэ (Samuel Usque)

XVI век

Фамилия этого потомка испанских евреев, родившегося в Лиссабоне, происходит, по-видимому, от имени арагонского города Уэска (Huesca), называвшегося в римской древности Оска, а в наше время известного тем, что здесь произошло восстание против Альфонса XIII незадолго до ниспровержения испанской монархии 14 апреля 1931 года.

Бежав от инквизиции, Самуэль Ускэ попал в Сафед. В Ферраре, в типографии Авраама Абена Ускэ, в 1553 году были отпечатаны его книги, написанные на архаическом португальском языке. В трех маленьких томах своего «Утешения в треволнениях Израиля», в форме длинных диалогов, автор истолковывает события еврейской истории, от библейской древности до наших лет. Все бедствия, по мнению Ускэ, были неизбежны и предсказаны. Но неизбежно и спасение, и надеждой на освобождение еврейства он заканчивает лирический обзор «треволнений Израиля».

Это «Утешение» значится в списке книг, запрещенных инквизицией, в частности в «Указателе», составленном Антонио де Сотто Майор и появившемся в Мадриде в 1640 году. (*Librorum expurgandorum luculenter ac vigilantissime recognitus novissimus index*). Книга Ускэ была запрещена не только в подлиннике, но и в переводах «на какой бы то ни было язык».

Из «УТЕШЕНИЯ В ТРЕВОЛНЕНИЯХ ИЗРАИЛЯ»

ИНКВИЗИЦИЯ В ИСПАНИИ Год 5251

Те, кто после брата Висенте остались в живых в Испании, под именем обращенных, столь благоденствовали в королевстве сем, что вошли в число грандов* и знатнейших господ, а потом и породнились с высшей знатью, достигли великих должностей при дворе, получили титулы графов, маркизов, епископов и другие почести, воздаваемые миром тому, кто следует его законам; а другие, всю жизнь остававшиеся иудеями, будучи тайно покровительствуемы первыми, также благоденствовали и процветали. И продолжалось сие до восшествия на престол короля Дона Фердинанда и королевы Доньи Изабеллы, супруги его...

Между тем король, а еще более королева вознамерились воздвигнуть гонения на евреев, замыслили истребить обращенных. Немного надо было, чтобы осквернить душу государей сих, ибо по рождению своему они были злейшими в мире врагами сего племени.

ИНКВИЗИЦИЯ

Год 5248

Из Рима привезли они дикое чудище*, строения столь небывалого и облика столь ужасающего, что одно имя его уже вызывало содрогание во всей Европе. Тело его было выковано из мощного железа; чудище с ядом смертоносным, с броней непроницаемой, покрыто оно было чешуей жесткою, выделанной из металла; тысячи крыл с черными ядовитыми перьями поднимали его над землей, тысячи ног гибельных приводили его в движение; морда его принимала частью облик морды львиной, частью — облик грозных змиев, рожденных в пустынях африканских; зубы его огромные подобны были клыкам сокрушительнейших слонов; глас его, свист его убивали быстрее, чем ядовитый Василиск; очи его, пасть его извергали безостановочно пламя всепожирающее; пищей, коей насыщалось оно, были тела человеческие; в быстроте передвижения превосходило оно орла; где появлялось оно со своей тенью могильной, возникали туманы; где солнце показывалось во всем блеске своем, — след, оставляемый сим чудищем, претворялся во мрак стынущий, подобный тьме, посланной на египтян, как одна из казней египетских; где пролетало оно, зелень, коей оно касалось, древо, где ставило оно ступни свои, высыхали и погибали; своим клювом всепожирающим вырывало оно их с корнем; ядом своим опустошало оно все области, где только появлялось, превращая их в пустыни Сирии безотрадной, где ни одно растение не может произрасти, где ни одна трава не может пробиться.

Аутодафе в Испании

Пламенем очес своих зажгло оно многих из тех, кто скрывался под именем христиан; землю усеяло бесчисленными вдовами и сиротами; пастью своей поглотило, зубами своими разодрало богатства и сокровища; тяжелыми стопами своими попрано и уничтожило величие и славу; безобразным обликом своим обезобразило румяные лица; крылами своими омрачило сердца и души...

Обязанный сказать вам правду, не премину прибавить, что в те времена, кроме врагов, нашлись и евреи, кои предавали братьев своих во власть жестокого сего чудовища. Нищета толкала их на сии бесчестные деяния. Они являлись в дом какого-нибудь крещеного богача и, рассказывая ему о нужде своей, просили его дать им займы пятьдесят или сто крузадов. Если богач сей отказывал им, они выдавали его, обвиняя его в том, что он иудействовал.

БЕДСТВИЕ ГОДА 5252

Бедствия сии продолжались четыре года. Решившись повсеместно истребить, вырвать отовсюду с корнем существование новообращенных евреев, государи изгнали из своих королевств всех тех, кого не постиг гнев брата Висенте, и тех, кто пребывал верным Моисееву закону. И те и другие вынуждены были скитаться по многим различным землям среди великих треволнений и великих испытаний. Одни пробрались в королевство Португальское, другие — в земли Мавританские; некоторые рассеялись по королевству Неаполитанскому и по другим государствам Европы.

Так исполнились решения (говорит Израиль), кои провозгласил ты, господи, против меня устами пророков твоих.

О свирепом чудище сем и о чудище португальском сказал Иеремия:

«Нашлю на вас Змиев и Василисков, коих нельзя заклясть, да искусают они вас укусами неисцелимыми».

Антонио Серран де Красто

(Antonio Serrão de Crasto)

XVII век

В годы, когда инквизиция свирепствовала, преследуя «новых христиан», в Португалии жили поколения рода Серранов, потомков крещеных евреев, по роду занятий, большей частью, врачей. Сын врача Педро Серрана, написавшего трактат «О свойствах и породах моллюсков», Антонио родился в 1610 году, вероятно, в Лиссабоне. Аптекарь по ремеслу, филолог по своим вкусам, он сочинял макаронические стихи и непристойные поэмы. Общительный и веселый, он жил легко и беззаботно, среди кутежей и любовных приключений.

Член литературного кружка «Академия чудаков» («Academia dos Singulares»), он не отказывал себе в удовольствии высмеивать своих «собратьев по перу». В то время как многие литераторы сочиняли напыщенные стихи на мифологические темы, он представлял героев и влюбленных на опереточный лад. Более того, в эту эпоху инквизиции он осмелился выставить в смешном виде католические чудеса и канонизации: они послужили ему материалом для шутовских стихов.

В пятьдесят пять лет он отличался такою же насмешливостью и живостью, как в молодости. Заметив, что

Аутодафе. Препровождение осужденного к месту казни. Судя по одежанию, он обвиняется в колдовстве (на это указывает бумажный колпак «сарочас») и в упорном отрицании истинной веры (наплечник «самата»).

инквизиция следит за ним, он начал сочинять лицемерные стишки, покаянные романсы с двояким смыслом. Так, его богохульные произведения появились до «Орлеанской девственницы» Вольтера и до «Гаврилиады» Пушкина, а сатиры — до сатир Гейне, значительно уступая им во всех отношениях.

Его сын Педро, студент-медик Коимбрского университета, также отличался вкусом к сатире. Сначала он в стихах высмеивал тупых профессоров. Пока он не касался духовенства, он безнаказанно пользовался успехом у своих товарищей по учению. Но, когда в одном стихотворении он выставил в смешном виде не только профессоров и рогоносцев, но еще и священников и монахов, в том числе доминиканцев города Коимбры, — на него набросилась инквизиция.

8 мая 1672 года шестидесятидвухлетний Антонио Серран де Крasto, его сын Педро и еще другой его сын, также студент-медик, были арестованы.

Через год папа Климент X предписал закрыть инквизиционные трибуналы и приостановить судебные дела, впрочем, не освобождая уже заточенных обвиняемых. Таким образом, Серраны остались в тюрьме.

Чтобы забыться в застенке, как мы уже упоминали во вступлении к этой книге, Антонио сочинил длинную поэму «Крысы инквизиции», играя словом «крысы» в различных комбинациях. Копии этой рукописи ходили по рукам среди заключенных. По поводу этой поэмы какой-то член какой-то академии с дикой злобой разразился ругательствами в десятистишиях, называя Серрана лающим и кусающимся щенком, собакой, псом и выражая надежду

*Видеть, как его зажарят,
Чтоб он дерзко не роптал
На священный трибунал.*

Этот «собрат по перу» видит в «крысах» лукавые намеки на инквизицию; этот правоверный католик негодует против Серрана и, не подозревая, что льстит смелому «еретику», восклицает:

*Прóклятый! Ты был бы рад
Из позора сан-бенито
Сделать праздничный наряд.*

В 1681 году, когда папа Иннокентий XI восстановил священный трибунал во всех правах, процесс Серранов возобновился. Один из сыновей Антонио, — имя его нам неизвестно, — умер под пытками или покончил самоубийством в тюрьме. Другой, Педро, был удушен гарротой и сожжен в аутодафе.

После десятилетнего тюремного заключения сам Антонио был выпущен на свободу. После конфискации имущества, когда-то состоятельный горожанин, он обратился в нищего. Семидесятитрехлетний старик, видевший казнь сына, он к тому же почти ослеп. Впервые он взялся за трагические сюжеты. В своих последних стихах он вспоминает свою тюрьму и подводит итоги своего существования как человек, имевший несчастье пережить крушение всей своей жизни. Эти стихи являются документами человеческих бед. В них говорит живой мертвец: выходец из тюрьмы, он вышел из гроба. Свободный мыслитель, Антонио Серран де Красто родился слишком рано.

ВОСПОМИНАНИЕ О ТЮРЬМЕ

Если день один страданья
Длится, словно годы бед,
Как же для меня тянулись
Без двух дней те десять лет!

Ведь на этот срок, сеньор,
Заживо был погребен я.
Для веселья был я мертв,
Жив — для одного страданья

Этот долгий срок, сеньор,
Я в темнице задыхался,
Но не жалеюсь на мир, —
Только на мои деянья.

Всех детей лишился Иов.
О моих двух сыновьях
Я не говорю: есть муки,
О которых лишь молчат.

Антонио Жозэ да Сильва

(Antonio José da Silva)

1705—1739

I

Бразилия была еще португальской колонией, когда в Рио-де-Жанейро, в семье адвоката, потомка марранов, родился Антонио Жозэ да Сильва.

Ему было только семь лет, когда, по обвинению в иудействе, его мать была арестована инквизицией и перевезена в Лиссабон, где ее бросили в один из застенков, известных под звучным именем *passoegas*.

Чтобы жить поближе к своей жене, Жоан Мендес да Сильва со всеми детьми поселился в Лиссабоне.

Через несколько лет, «примиренная с церковью», мать Антонио была выпущена на свободу.

Но вскоре ее опять арестовали. А вместе с ней и Антонио, которому исполнился уже двадцать один год. Студент канонического права Коимбрского университета, он приехал к родителям в Лиссабон на каникулы. Как и мать, он был обвинен в иудействе и заключен в тюрьму.

На допросах, увещевая и угрожая, инквизиторы требовали, чтобы он выдал своих родных. Как водится, нотариус инквизиции заставил его дать расписку: подсудимый признает, что, если произойдет членовредительство или смерть под пытками, вина будет его, подсудимого, а не

инквизиторов и служителей, исполняющих свой долг, ибо он заслужил наказание. Его ждало неизбежное: он был вздернут на дыбу.

Долго после этого он не мог даже подписываться: ему вывихнули руку. Наконец его вывели в аутодафе, и в присутствии короля Жоана V, одетый в сан-бенито, он дал обещание никогда не выдавать тайн священного трибунала, после чего его объявили «примиренным с церковью» и освободили.

Через два года его мать перевели в тайные застенки, подвергли пытке на кобыле, потом объявили покаявшейся и выпустили на свободу.

II

Антонио Жозэ да Сильва быстро приобрел известность как автор пьес, прозванных публикой «операми еврея». Вернее, это были оперетты: в свои комедии в прозе автор ввел монологи в стихах, шансонетки, любовные сонеты, романсы, серенады, дуэты и речитативы. В этих комедийных сценах шутовские действующие лица говорили на уличном жаргоне, пели и плясали. Едкие диалоги чередовались с музыкальными интермедиями и шутовскими менуэтами. Сильва создал своего рода музыкальное зрелище.

Возможно, что в бразильских песенках (*modinhas*), которые он слышал в детстве, звучало очарование португальских *saudades*, песен сожаления, тоски и разлуки, в свое время повлиявших на яванскую музыку (остров Ява принадлежал португальцам).

В некоторых комедиях Сильва дает театральные вариации на темы из греческой мифологии. В область театра

он перевел и жизнь Дон-Кихота. В других пьесах он высмеивает врачей, лжеученых, педантов, ломак, снобов. Он выводит на сцену любовные похождения короля Жоана. По догадкам некоторых ученых, кое-где он язвительно намекает на инквизиторов*. Как предполагают некоторые исследователи, в переведенном нами речитативе Амфитриона автор вспоминает свое пребывание в тюрьме и негодует против инквизиции. Нам бы хотелось, чтобы это было так, но скептический испанский филолог Менендес-и-Пелайо отвергает подобное предположение.

III

Публика рукоплескала «операм еврея», слава Антонио возрастала. Женатый на своей кузине Леоноре-Марии Карвальо, когда-то сидевшей в тюрьме вальядолидской инквизиции, он жил благополучно, когда внезапно, вместе с матерью и беременной женой, был опять арестован. По доносу их служанки, все трое были обвинены, конечно, в иудействе. Разлученный с семьей, в своем застенке Антонио ничего не знал о судьбе родных.

Между тем его новая пьеса «Гибель Фаэтона» с успехом шла в театре.

К своей жизни, разделенной между опереттой и тюрьмой, Антонио мог бы применить слова Бальзака*: «Левой ногой отбивал я ход музыки, а правой, казалось мне, стоял в гробу».

Вероятней всего, он не больше был привязан к еврейским обрядам, чем к христианским. Был ли он подозрителен инквизиции как сатирический писатель? Считался ли он богатым как адвокат и драматург? Или, как предпола-

гают некоторые исследователи, ему и его жене мстил один португалец, отвергнутый Леонорой-Марией?

Сосед Антонио в тюрьме, мнимый товарищ по несчастью, был сыщиком, тайно служившим при священном трибунале: он неотступно следил за поэтом.

В тюрьме его жена разрешилась от бремени. Нам неизвестна судьба ребенка. Вероятно, отец ни разу не видел его.

В сущности, у инквизиции не было никаких улик против Антонио. Тем не менее после двухлетнего тюремного заключения его объявили еретиком, отступником, отрицающим, упорствующим, отлученным от церкви, а его жену — еретичкой, отступницей, отрицающей, упорствующей, нераскаявшейся и вновь впавшей в ересь.

Приговор держался в тайне в продолжение семи месяцев. Следовало выполнение целого ряда формальностей.

Затем инквизиторы выдали осужденного светской власти, с обычной просьбой поступить с ним милосердно и не подвергать его смертной казни.

Этой развязке Анастасио да Кунья*, португальский ученый и поэт, посвятил следующие стихи:

*Антонио Жозэ, веселый гений,
Ты первый в Португалии прошел
По луситанской сцене мерным шагом,
Но лиссабонцы больше поддавались
Твоим забавным шуткам на театре,
Чем жалости к тебе на месте казней.
Что за позорный, что за страшный праздник
Готовит инквизиция тебе!*

Наконец 19 октября 1739 года Антонио вывели на площадь, в аутодафе. Тридцатичетырехлетний драматург, прозванный «португальским Плавтом», был приговорен к смертной казни. Последняя милость: он был сначала удушен, потом сожжен.

В тот же вечер одна из его оперетт весело разыгрывалась в театре Байрро-Альто. Ей рукоплескали те же зрители, которые с неменьшим удовольствием присутствовали при казни автора.

IV

В XIX веке жизнь и смерть Антонио Жозе да Сильва послужили португальскому писателю Камиллу Каstellо Бранко материалом для двухтомного романа «Еврей», а бразильскому поэту Гонсальво де Магальяншу* — для драмы «Поэт и инквизиция», исполнявшейся в Рио-де-Жанейро в 1838 году. Главным действующим лицом является Антонио. Его существование определено следующим стихом Магальянша: «Одной ногою в инквизиции, другою в жизни».

Какова же была судьба матери и жены Антонио?

Инквизиторы не преминули заставить их присутствовать при казни сына и мужа. Обе они были приговорены к «тюремному заключению по усмотрению» (*carcere a arbitrio*), т. е. на неопределенный срок, зависевший от прихоти судей. Мать сошла с ума и умерла через несколько месяцев после казни сына. Жена, по-видимому, тоже погибла в тюрьме.

Комедии Сильвы — «Жизнь великого Дон-Кихота и толстого Санчо Панса»*, «Критский лабиринт», «Амфирион», «Войны Розмарина и Майорана», «Гибель Фаэтона» и другие — были собраны и напечатаны под заглавием «Португальский комический театр».

Под угрозой инквизиционной цензуры, они появились анонимно. Имя автора было скрыто в акростихе, обращенном к читателю.

После казни Сильвы один португальский епископ досадовал, что эти произведения не сожжены вместе с их автором.

Свои комедии Антонио Жозэ да Сильва насмешливо посвятил благороднейшей госпоже Серебрине Деньжищевой (*Pecunia Argentina*), перед которой лебезили благочестивые и правоверные современники «еретического» поэта.

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦ*

О Тарамелла, я живой мертвец,
Ради тебя я мертвый и живой,
Но не подумай, что живу, живой,
Нет, хоть я жив, но я живой мертвец.

Твоей враждой я погребен, мертвец,
Улыбкою я воскрешен, живой.
Ты благосклонна, — я дышу, живой,
Ты неприступна, — стыну, как мертвец.

В этой борьбе, то мертвый, то живой,
Улыбкой к жизни вызван я, мертвец,
Враждою на смерть ранен я, живой.

Итак, я мертв и жив, живой мертвец.
Из пепла Фениксом встаю, живой,
Сгораю мотыльком в огне, мертвец.

ЛАБИРИНТ ЛЮБВИ

(Из комедии «Критский лабиринт»*)

Сей лабиринт без выхода и входа
В моей груди воздвигнут, как громада,
Любовью, созидательницей ада,
Где стоны множатся в отгулах свода.

На стенах памяти моя свобода
Начертана, как черная преграда.
В смешеньи мук потеряна отрада,
И счастья больше не вернет природа.

Строенье сей мыслительной машины
Украсили злой параллелью тени,
Глубины сна и ужаса вершины.

Колонны — строй бессонниц и мучений,
Бык* — ревность, нить — предчувствие кончины,
И статуя — символ разуверений.

РЕЧИТАТИВ И АРИЯ АМФИТРИОНА

Речитатив

Лукавая, нещадная звезда,
За что ты насылаешь черным светом
Беду на неповинного ни в чем?
Какое преступленье я содеял,
Чтобы терзаться в этих кандалах,
Среди угроз проклятого застенка,
Во мраке скорбном, в доме гробовом,
Где смерть живет и пребывает ужас?
О, если, беспощадная звезда,
Вина́ — быть невиновным, — я виновен,
Но, если нет вины в моей вине,
За что же у меня ты отнимаешь
Мою свободу, славу и любовь?

Ария

Какие пытки варваров
Так раздирают мне сердце?
Страна меня отвергает,
Любовь меня ненавидит,

И, кажется, само небо
На обреченного бедам
Глядит бесстрастным палачом.
О боги, если вы — боги,
Скажите мне, как же, за что же
Караете вы, тираны,
Не виноватого ни в чем?

АМФИТРИОН
или ЮПИТЕР И АЛКМЕНА*

Акт I, сцена 3

НИ ЧЕЛОВЕК, НИ ТЕНЬ

*При появлении Сарамago выходит Меркурий
под видом Сарамago*

М е р к у р и й. Это — слуга Амфитриона! Надо помешать ему войти в дом. Эй, кто там?

С а р а м а г о. Кто? А вам какое дело? Я вхожу в мою дверь.

М е р к у р и й. Дверь эта моя, и в нее никто не может войти, пока не скажет, кто он такой. Итак, либо пусть скажет, кто он такой, либо пусть убирается к черту. А не уберется, выброшу его в помойку.

С а р а м а г о. Нечего сказать, сеньор, учтивые, по-моему, помои! Спрашивать, чего я хочу в моем собственном доме!

М е р к у р и й. В каком доме?

С а р а м а г о. Да в этом! Сверху донизу он мой, по милости моего хозяина, сеньора Амфитриона.

М е р к у р и й. Какого Амфитриона? Того самого, который вернулся с войны?

С а р а м а г о. Да я и не знаю другого на этом свете.

М е р к у р и й. Да разве он твой хозяин?

С а р а м а г о. Он самый, во плоти.

М е р к у р и й. Э, да ты, кажется, бредишь!

С а р а м а г о. Верно, я всегда брежу, исполняя волю моего хозяина, сеньора Амфитриона.

М е р к у р и й. Болван! Знаешь ли ты, что говоришь? Разве ты не видишь, что этот Амфитрион мой хозяин, мой?

С а р а м а г о. Сейчас я слуга вашей милости. Но как же Амфитрион может быть вашим хозяином, если у него только один слуга, я? Но лучше скажите мне: как вас зовут?

М е р к у р и й. Меня зовут Сарاماго.

С а р а м а г о. Сарاماго? Еще лучше! А я-то после этого, я-то кто?

М е р к у р и й. Все, что ты хочешь.

С а р а м а г о. Да я хочу быть Сарاماго, если бы вы этого и не хотели.

М е р к у р и й. Так вот же тебе, плут, вот тебе две оплеухи за то, что ты так нагло украл мое имя.

С а р а м а г о. Придержите руки, сеньор, рассудите сами: *do das** не дается в *именительных* падежах.

М е р к у р и й. Так скажи мне правду, кто ты такой, а не то отвешу тебе еще оплеуху.

С а р а м а г о. Что вы хотите, чтобы я вам сказал? Скажу, что я Сарاماго, вы скажете, что это враки,

скажу, что я не Сарамого, будет то же самое. И так, я не хочу, чтобы мне сказали: *Inter ambobus errasti*.

Меркурий. Значит, ты считаешь, что ты — Сарамого?

Сарамого. Если бы я и не хотел им быть, то только чтобы доставить вам удовольствие.

Меркурий. Так скажи, не бойся!

Сарамого. Я скажу, если вы установите перемирие в войне оплеух.

Меркурий. Хорошо! Обещаю. Скажи! Кто ты?

Сарамого. Вы знаете Амфитриона?

Меркурий. Как же не знать мне моего хозяина?

Сарамого. Знаете ли вы в доме Амфитриона его слугу, жулика, худого, как вошь? Тело у него — винт, а ляжки — плети бичующихся монахов, одна нога — здесь, другая — там. Знаете?

Меркурий. Что-то не помню.

Сарамого. Этого слугу, прескверного слугу, зовут Сарамого.

Меркурий. Ах ты, наглец, негодяй, называть меня такими словами!

Сарамого. Да нет, сеньор, ведь это — я.

Меркурий. Здесь нет другого меня, кроме меня. Теперь я понял, кто ты такой. Эй, держите этого вора! Он хотел ограбить дом Амфитриона!

Сарамого. Не кричите! Подумают, что это — правда. Вор — вы сами: вы украли мое имя.

Меркурий. Как? Ты еще возражаешь? Получишь в морду.

С а р а м а г о. Теперь, сеньор, я понял, что я — ничто в этой жизни.

М е р к у р и й. А мне-то что!

С а р а м а г о. Итак, сеньор, раз недостаточно быть Сарамого, родившимся от хрена, чтобы позволить отнять свое имя, прошу вас, по крайней мере, позволить мне быть вашей *тенью*. Я и этим удовольствуюсь.

М е р к у р и й. Не хочу: мне не надо *оттеньяться*.

С а р а м а г о. Неужели, сеньор, моя рожа так мало ценится и так мало *тениста*, что я не заслуживаю быть даже вашей *тенью*!*

М е р к у р и й. Кто так вороват, что крадет мое имя, украдет и мою *тень*!

С а р а м а г о. Ну, это хорошо для черта Саламанкской пещеры.

М е р к у р и й. Без зубоскальства! Что нам остается сделать?

С а р а м а г о. Что нам остается? Я остаюсь с моими оплеухами, а вы с моим именем.

М е р к у р и й. Ну, убирайся, пока я не пролил на тебя дождь ударов!

С а р а м а г о. Значит, прощайте, сеньор Сарамого!

М е р к у р и й. Прощайте, сеньор Ничто!

Удушение гарротой женщины, уличенной в колдовстве

КРИТСКИЙ ЛАБИРИНТ*

Акт II, сцена 7

Т а р а м е л л а. Что же будет с вами, тетушка?

С а н г и ш у г а. Что же будет с тобой, племянница?

О б е. Что будет с нами?

Т а р а м е л л а. Хуже всего то, что господин Тезей убежит с Ариадной и женится на ней. Ах, жестокий Тезей! Обманул меня и бросил!

С а н г и ш у г а. Боюсь, что он женится на Федре: однажды она поручила мне передать ему шарф.

Т а р а м е л л а. Женится ли он на той или на другой, мне остается только сосать палец.

С а н г и ш у г а. Ая, за мои грехи, осталась без посланника.

Т а р а м е л л а. Как! Не жениться на мне да еще похитить у меня драгоценность, которую дал мне Лидор! В ней ведь было все мое приданое.

С а н г и ш у г а. Как! Похитить у меня драгоценность, которую дал мне Фебандр!

Т а р а м е л л а. О, Принц Внезапной Страсти, черт бы тебя побрал!

С а н г и ш у г а. О, Принц Фиги, разрази тебя гром!

Т а р а м е л л а. Вот я и без Ариадны и без драгоценности.

С а н г и ш у г а. Вот я и без драгоценности и без Феды.

О б е. Что со мной будет?

Сангшуга уходит. Появляется Эсфузиоте крылатый и начинает летать.

Э с ф у з и о т е. Ни один сутенер не достигал еще подобных высот. Честное слово! Захочу — смогу мочиться отсюда на весь мир!

Т а р а м е л л а. Как подумаю об этом наглеце, удивляюсь, что я еще не лопнула от ярости.

Э с ф у з и о т е. Ну-с! Спустимся немного! Как велик мир! Э, да это Тарамелла, она стала светской женщиной. Сейчас поболтаю с ней. Гоп!

Он немного спускается.

Т а р а м е л л а. Что это за змей? Я слышу, он где-то летает.

Э с ф у з и о т е. Трр! Трр!

Т а р а м е л л а. Прочь, проклятый змей!

Э с ф у з и о т е. Прощай, Тарамелла! Трр!

Т а р а м е л л а. Да кто это говорит со мной? Ведь здесь никого нет...

Неизвестный автор XVIII века
или
Антонио Жозэ да Сильва

ДИАЛОГ О СМЕРТИ

А б д о л о н и м

Смерть всегда страшна. По мне,
Лучше, если боль мгновенна.
Но из казней несравненна
Смерть на медленном огне:
Злейший путь в своей длине,
Всех путей однообразней,
С позднею развязкой казней,
Смерть во множестве скорбей,
Чем замедленной, тем злей,
Чем длинней, тем безобразней!

П и м е н т а н

(шут, слуга Абдолонима)

Заметьте, сеньор Абдолоним, что наши театры освобождены от десятин и от десятистиший, но, раз вы так шикарны, я тоже хочу уплатить свой налог и облегчить совесть:

Может статься, любит вся
Публика другой род смерти.
Я же кончить так, поверьте,
Никогда бы не взялся:
Сдохнуть, в воздухе вися,
Будто гроздь винограда?
Нечего сказать, награда!
Нет, смертишка, нет, ни в жисть
Не повисну, будто кисть,
Глоткой вниз*, о нет, не надо!

ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ АКТЫ,
ПРИГОВОРЫ, ПРОТОКОЛЫ
ОПИСАНИЯ АУТОДАФЕ

Вальядолидская инквизиция

XVI век

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ ПО ДЕЛУ ЛУИСА ДЕ ЛЕОНА*

Достославные сеньоры, я, лицензиат Диего де Аэдо, прокурор при сем Священном трибунале, как надлежит по закону, предстаю пред Вашей Милостью и обвиняю маэстро брата Луиса де Леона, ордена св. Августина, профессора богословия при Саламанкском университете, потомка поколений евреев, содержащегося в тюрьме при сем Священном трибунале и присутствующего здесь. Излагая данное дело, с соблюдением правил судопроизводства, я заявляю, что вышеупомянутый подсудимый, учитель и священник, тем самым обязанный преподавать святое католическое вероучение, высказывал, утверждал и поддерживал множество еретических, предосудительных и скандальных мыслей и мнений. В частности, я обвиняю его в преступлениях по следующим пунктам:

1. Во-первых, с душой, обреченной отпасть от истины и от непререкаемого значения священного писания, подсудимый говорил и утверждал, что в издании Вульгаты* якобы содержится множество подделок и что можно предпринять новое, лучшее издание.

2. Item*, в одном собрании богословов, — где некоторые лица утверждали, что выдержки из пророков, приведенные в евангелиях нашим господом и его апостолами, должны пониматься в ином смысле, т. е. согласно тому, как их истолковывают евреи и раввины, — вышеупомянутый брат Луис де Леон одобрил сии заявления и сказал, что хотя толкования и учения евангелистов и верны, но толкования тех же слов евреями и раввинами также могут быть верны, если даже смысл их будет другой, причем подсудимый утверждал, что возможны новые объяснения священного писания. От сего произошел великий *скандал*.

3. Item, когда одно лицо публично заявило, что в Ветхом завете не содержится обещания вечной жизни, вышеупомянутый брат Луис де Леон поддержал это мнение в споре против тех, кто утверждал обратное, т. е. истинное.

4. Item, вместе с некоторыми другими лицами, подсудимый предпочел Ватабло, Панино, раввинов и евреев — Вульгате и учению святых, в частности в передаче псалмов и книги Иова.

5. Item, подсудимый дурно отзывался о семидесяти толковниках, утверждая, что они не понимали еврейского языка и скверно переводили с еврейского на греческий. От сего произошел *скандал*. Кроме того, он утверждал, что Тридентский собор не объявил Вульгату священной книгой, а только одобрил ее.

6. Item, следуя вышеуказанным заблуждениям, вышеупомянутый брат Луис де Леон говорил и

утверждал, что Соломонова «Песнь песней»* есть *carmen amatorium ad suam uxorem* (любовная песня к супруге) и, кощунствуя над сей «Песнью», перевел ее на разговорный язык.

Списки сего перевода находятся во владении многих лиц, коим подсудимый дал их, и ходят по рукам.

7. Item, в разговоре с одним лицом, подсудимый высказал по некоему поводу некое мнение, из которого неизбежно следует, что только вера оправдывает человека и что только через смертный грех вера теряется. А когда сие лицо заявило, чтобы он сего не говорил, ибо последствия сего опасны, подсудимый замолчал.

8. Item, подсудимый и другие лица, кои *alternatim** сменяли и поддерживали друг друга, осмеивали учения святых о священном писании, заявляя, что они сего не знают. Среди других святых упоминали они и св. Августина.

9. Item, подсудимый знает, что другие лица высказывали, утверждали и внушали множество еретических, предосудительных и скандальных мыслей и мнений, вопреки тому, что проповедует и преподает наша святая мать Римско-католическая церковь. Подсудимый отрицает, утаивает и лжесвидетельствует.

10. Item, подсудимый высказывал и утверждал другие еретические мысли, кои я не премину привести в ходе разбирательства дела и в коих я вообще его обвиняю. Через сие и по сему подсудимый достоин великих и тяжких наказаний, согласно уставу, святым канонам, соборным постановлениям, законам, прагма-

тикам сих королевств и решениям Священного трибунала, установленным против подобных преступников; через сие и посему подсудимого надлежит подвергнуть великому отлучению.

Итак, прошу и умоляю Вашу Милость объявить подсудимого виновным в вышеупомянутых преступлениях, приговорить его к вышеупомянутым наказаниям, привести приговор в исполнение в отношении личности подсудимого, его книг и бумаг, дабы он был наказан и послужил предостережением для других. Принимаю его слова в том, в чем он сознался против себя, но не больше того, а по тем показаниям, кои мне представляются преуменьшенными, прошу подвергнуть его допросу и пытке, пока он не скажет всей правды. О чем умоляю вашу милость и Священный трибунал.

Лиценциат Диего де Аэдо

Мексиканская инквизиция*

ВЫДЕРЖКИ

из приговора и протокола пыток, извлеченные из дела Родриго Франко Тавареса, уроженца Фондона, деревни близ городка Кубилланы, в Португалии, торговца-разносчика, иудействующего еретика, судимого Священным трибуналом в городе Мексико, от 1597 г. до 1601 г.

Мексико. 7 февраля 1601 г.

Christi nomine invocato (Призвав имя Христово)

Постановление о пытке*

Принимая во внимание документы и доказательства по сему делу, улики и подозрения, им порожденные, против вышеупомянутого Родриго Франко, долженствуя осудить и осуждая, постановляем, чтобы он был подвергнут пытке при допросе по всем обсужденным пунктам, а ввиду того, что он пребывает *отрицающим*, приказываем, чтобы пытка сия продолжалась, пока будет нам угодно и пока он не сознается и не скажет всей правды, будучи предупрежден, что, если при вышеупомянутой пытке он умрет или будет ранен

и если за нею последует кровотечение или членовредительство, сие произойдет по его вине, ибо он не хотел сознаться и сказать правду. Сим постановляем.

Лиценциат

Дон Алонсо де Перальта

Лиценциат

Гутьерре Бернардо де Кирос

Доктор Дон Хуан де Сервантес

Оглашение

Вышеупомянутый приговор был вынесен и оглашен вышеупомянутыми господами инквизиторами и ординарием, подписавшими его, заседав утром вышеупомянутого дня, месяца и года, в присутствии доктора Матоса де Бооркеса, прокурора сего священного трибунала, и вышеупомянутого Родриго Тавареса, причем свидетелями были Педро де Фонсека, нотариус тайных дел, и Хуан де Леон Пласа, алькад* тайных застенков при сем Священном трибунале.

Объявление приговора

По прочтении и объявлении приговора вышеупомянутому Родриго Таваресу, подсудимый сказал: «В добрый час!»

Палата пыток

За сим приказано было ввести подсудимого в Палату Пыток, где находились вышеупомянутые господа

инквизиторы и ординарии, и он был введен в десять с половиной часов утра.

Введенного снова начали увещевать, чтобы, из почтения к богу, он сказал правду и не подвергал себя столь тяжким страданиям, кои ему придется претерпеть, как он сие сам может понять. Он же сказал, что уже сказал правду во имя отчета, который имеет дать богу.

П р и с т а в

За сим приказано было войти приставу (каковой вошел) и раздеть подсудимого.

Раздетого, полуголого, в одних полотняных подштанниках, подсудимого снова стали увещевать, чтобы он сказал правду, не давая повода для применения пытки.

Он сказал, что уже ее сказал.

Приказано было слегка связать ему руки. Со связанными руками, увещиваемый сказать правду,

Он сказал: «Я уже ее сказал. Да будет она мне в помощь!»

Обороты веревок

После увещивания, чтобы он сказал правду, приказано было вывернуть, и вывернули ему веревками руки.

Громко, многократно он произнес: «Добрый Иисусе, пресвятая дева, помогите мне!» И не сказал больше ничего.

После увещевания, чтобы он сказал правду, вторично вывернули ему руки. И он не сказал больше ничего.

После увещевания, чтобы он сказал правду, в третий раз вывернули ему руки. Он произнес те же слова и сказал, что уже сказал *ее*.

После увещевания, чтобы он сказал правду, в четвертый раз вывернули ему руки. Он сказал, что уже сказал *ее* и произнес вышеупомянутые слова.

После увещевания, чтобы он сказал правду, в пятый раз вывернули ему руки. Он сказал, что уже сказал *ее* и произнес то же самое.

После увещевания, чтобы он сказал правду, в шестой раз вывернули ему руки. Он многократно произнес: «Добрый Иисусе, не оставь мою душу! Я уже *ее* сказал».

И, проделав вышеупомянутые шесть оборотов, приказали разложить его, привязать к *кобыле* и надеть ему гарроты на мускулы, голени и икры. Разложив, связав и придерживая его, много увещевали его сказать правду и предупредили, что пытка будет продолжаться.

Жалобным голосом, многократно взывая к богу, он сказал, что уже сказал правду.

Г а р р о т а

После увещевания, чтобы он сказал правду, ему надели гарроту на правую икру. Он тихо сказал, что уже сказал *ее*.

После увещевания, чтобы он сказал правду, ему надели гарроту на левую икру. Тихим голосом он сказал, что уже сказал *ее*.

После увещевания, чтобы он сказал правду, ему надели гарроту на левый мускул. Он сказал то же самое.

После увещевания, чтобы он сказал правду, ему надели гарроту на левую голень. Он сказал то же самое.

После увещевания, чтобы он сказал правду, ему надели гарроту на правый мускул. Он сказал то же самое.

После увещевания, чтобы он сказал правду, ему надели гарроту на правую голень. Он тихонько произнес: «Ах, господи, в тебя верую, на тебя надеюсь, на тебя полагаюсь» и сказал, что уже сказал *ее*.

Применить снова все вышеупомянутые гарроты

После увещевания, чтобы он сказал правду, приказано было возобновить надевание всех вышеупомянутых гаррот. И по возобновлении пытки он сказал: «Господин инквизитор, я уже сказал *ее*».

Кувшины воды

После увещевания, чтобы он сказал правду, приказано было вложить ему в рот кляп и влить кувшин воды, приблизительно четверть. Вода была влита и тряпка вынута. Он сказал, что уже сказал *ее* во имя отчета, который имеет дать богу.

После увещевания, чтобы он сказал правду, ему влили еще кувшин воды, и после снятия кляпа он сказал то же самое.

После снятия ошейника и увещевания, чтобы он сказал правду, он сказал: «Я уже сказал ее во имя отчета, который должен дать Иисусу Христу».

Приказано было снять с него вышеупомянутые гарроты и отвязать его от кобылы. Подняв его, много увещевали сказать правду. С жаром он сказал то же самое.

Приказано было разложить его еще раз на кобыле. Разложив, увещевали его сказать правду. С жаром он сказал, что уже сказал ее.

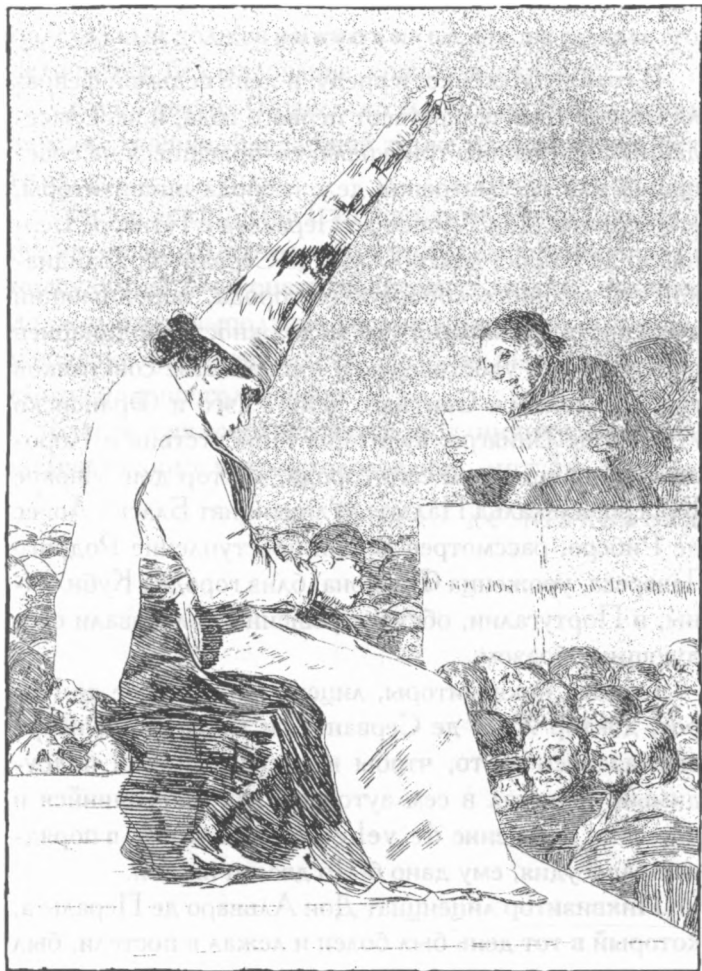
Ввиду всего этого вышеупомянутые господа инквизиторы и ординарий*, недостаточно пытав подсудимого, приказали приостановить пытку с предупреждением, что возобновят ее, когда только им будет угодно. Сие было ему указано, и он сказал: »В добрый час! Продолжайте!»

За сим его развязали и перенесли в камеру, близ Палаты пыток, где его осмотрели и ухаживали за ним весьма заботливо. И, по-видимому, хоть он был весьма изнурен, у него не было никаких переломов и увечий.

Допрос сей был закончен к десяти с половиной часам утра.

С подлинным верно:

Педро де Маньоска

Ф. Гойя. «Из той пыли...» (Капричос, № 23). Название офорта — начало пословицы «Из той пыли получилась эта грязь». Здесь это можно понимать так: ничтожные поступки влекут за собой тяжелые последствия. Слово «пыль» означает также «по-рошки», в том числе знахарские снадобья

Голосование

В городе Мексико, в среду, в день седьмой февраля месяца тысяча шестьсот первого года, в зале заседаний Священного трибунала, собравшиеся на совещание для рассмотрения дел, господа инквизиторы, лиценциаты Дон Алонсо де Перальта и Гутьерре Бернардо де Кирос, доктор Хуан де Сервантес, архидиакон св. великого собора сего города, исполняющий должность ординария его и должность ординариев округа (что я удостоверяю); и в качестве советников господа доктора Сантьяго дель Риэго и Франсиско Алонсо де Вийягра, аудиторы Присутствия и Королевской канцелярии сего города, доктор дон Маркос Герреро, алькальд Палаты, и лиценциат Бласко Лопес де Рибера, рассмотрев дело и преступление Родриго Тавареса, уроженца Фондона, близ городка Кубилланы, в Португалии, обсудив решение, голосовали следующим образом:

Господа инквизиторы, лиценциат Гутьерре де Кирос, доктор Хуан де Сервантес и лиценциат Рибера высказались за то, чтобы вышеупомянутый подсудимый предстал в сем аутодафе как покаявшийся и произнес отречение *de vehementi*; и чтобы, в порядке правосудия, ему дано было двести плетей.

Инквизитор лиценциат Дон Альваро де Перальта, который в тот день был болен и лежал в постели, был того же мнения во всем и голосовал за то же.

Сеньор алькальд доктор Маркос Герреро был того же мнения и голосовал за то же, прибавив еще, что

подсудимый должен работать на веслах, на галерах его величества, без жалованья, сроком десять лет.

Сеньор доктор Франсиско Алонсо де Вийягра был того же мнения, предложив то же наказание, но без галер.

Сеньор доктор Дон Сантьяго дель Риэго был того же мнения и голосовал за то, чтобы вышеупомянутый подсудимый был опять подвергнут пытке, каковая должна быть выполнена весьма тщательно, и чтобы, в порядке судопроизводства, дело сие было снова рассмотрено и проголосовано.

Копия сия соответствует подлиннику, находящемуся в книге второй голосований, лист 34.

Педро де Маньоска

Мексиканская инквизиция

1646—1648

ЗА ЛОЖНОЕ ПОКАЗАНИЕ ПРОТИВ САМОГО СЕБЯ

Франсиско Родригес, сорока трех лет; мулат-самбо*, сын Антона, свободного мулата и Августины де Вийегас, индианки; уроженец города Антекеры, в долине Оашака, или сего города, ибо он в точности не знает; по роду занятий возчик и коровник.

Будучи продан на восемь лет на фабрику в Атапанео, в провинцию Мечоакан, за свои проступки, светским правосудием города Вальядолида, в названной провинции, он, через посредство двух приходских священников, донес комиссару Священного трибунала вышеупомянутого города Вальядолида, что заключил особый договор с дьяволом, поклонился ему и подписал грамоту о продаже себя ему в рабство на девять лет, с тем чтобы, по прошествии сего срока, дьявол унес его с собой во ад; что подписал он сие кровью жил своих, отрекшись от святейшей троицы и всех святых неба; что дьявол дал ему свое изображение, отпечатанное на пергаменте, благодаря каковому подсудимый вышел свободным из тюрем, застен-

ков и засад; что диавол даровал ему силу бороться с тысячью человек, овладевать женщинами, каких только пожелает, хоть самыми неприступными, торреадорствовать и скакать верхом, безо всякой для себя опасности, уезжать и приезжать обратно в одну и ту же ночь в сей город и в иные, хотя бы отдаленнейшие области; что он, подсудимый, во всякие часы и сроки произносил другие гнуснейшие и страшнейшие речи, недостойные быть повторенными, как оскорбительные для слуха католиков.

Донеся на себя еще лично, он сознался перед вышеупомянутым комиссаром во всем вышеприведенном, сообщил еще о других редкостных случаях и посему был заключен в тайные застенки при сем Священном трибунале. И при разбирательстве сего дела, — с бесчисленными обманами и запутываниями, — отрицал, сознавался и вновь отрицал, что содеял то, что от его имени донесли два вышеупомянутых приходских священника, и заявил, что всё, что он показал против себя, есть неправда, ибо сделал он сие, чтобы избавиться от нестерпимых работ и страданий, претерпеваемых им, на вышеупомянутой фабрике, от одного метиса, надсмотрщика его.

Был приговорен в аутодафе, как покаявшийся, — с зеленой свечой в руках, веревкой на шее, белой коросой на голове, отречением *de levi*, — за совершенное преступление и сношения с заключенными, к двумстам ударам плетью и четырем в точности годам тернатских галер, на веслах, без жалованья.

ПО ПОДОЗРЕНИЮ В ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
К СЕКТЕ ПРОКЛЯТОГО МАГОМЕТА
(1648 г.)

А л е х о д е К а с т р о, восьмидесяти двух лет, уроженец города Тидора, на острове Тернате, в Молуккском архипелаге; житель города Манилы, на Филиппинских островах; по роду занятий солдат; женатый на Инесе де Лима, уроженке названного города Манилы, индианке-бенгальке или другого подобного племени; метис; сын Хуана де Кастро, по национальности галисийца или, что кажется вернее, португальца, и доньи Фелипы Дэса, по национальности мавританки, хоть и христианки.

За то, что он сказал, что кровосмесительный блуд или какой-нибудь иной разврат, кроме как между кумовьями, не есть грех; за то, что, как подозревается, он есть колдун и мавр; за то, что несколько лиц видели, как он творил селям по пятницам, а в десять часов вечера вешал на стропило перекрещенные веревки, а на них шпагу и ключ и обеими руками подносил их ко рту, наподобие креста и возводил очи к небу; а в другие дни, перед деревянным столбом, где висел ключ, становился на колени и клал обе руки на стену и за сим склонял голову, в знак благоговения и поклонения, вытягивая руки наподобие креста и проделывал сии обряды в продолжение целого часа с лишним; за то, что дурно жил и не выполнял обязанностей христианина, не давая своей жене посещать церковные

службы, исповедоваться и поститься, ища в таковые дни повода к ссорам с ней; за то, что подавал дурной пример соседям, не слушая месс, не исповедуясь, не причащаясь; за то, что поддерживал тесную связь с тернатскими маврами и не слушал советов ходить в церковь в годовщины и пасхальные праздники, дабы заслужить отпущение грехов и милости, даруемые в таковые дни, причем говорил, чтобы его оставили в покое, что он даст отчет о своей душе богу и что не надо давать ему подобные советы; считался всеми больше мавром, чем христианином; употреблял травы и могильную землю для своих суеверий и травы сии вкладывал себе в левую руку, между кожей и мясом, не разрывая его, и говорил, что они хороши для того, чтобы враги не поранили его на войне и чтобы правосудие не схватило его или не могло схватить и чтобы женщины влюблялись в него.

У него нашли отличительный знак *отпущенною* св. инквизицией, а на двух руках шестнадцать опухлей, куда с вышеупомянутыми целями он клал сии травы.

Был приговорен в аутодафе, — как покаявшийся, с зеленой свечой в руке, — к отречению *de levi* и к определенному пожизненному изгнанию со всех Филиппинских островов; и да служит он при одном из монастырей сего города, по указанию Священного трибунала, пока будет жив, принимая во внимание его преклонный возраст, дабы просветили его и наставили его учению святой нашей католической веры.

«ПРИМИРЕННЫЕ С ЦЕРКОВЬЮ»,
В САН-БЕНИТАХ, ИУДЕИ,
СОБЛЮДАВШИЕ МОИСЕЕВ ЗАКОН

Антонио Лопес де Ордунья, со следом обрезания, двадцати семи лет, уроженец г. Севильи; по роду занятий купец, а когда был арестован, заместитель старшего алькальда Чичикапских рудников; холостой; сын Фернанда Ваэса де Торреса, уроженца Каstellобланко, в Португалии, умершего в местечке Утрере, в Королевствах Испанских, и Исабели Родригес, уроженки вышеупомянутого г. Севильи, умершей там же, — евреев, новых христиан.

Был арестован как еврей, соблюдавший Моисеев закон, с секвестрацией имущества. Сознался в том, что он есть иудействующий еврей, и попросил милосердия. Евреи, родственники Симона Ваэса Севильи и донья Хуана Энрикес, жена его, послали подсудимого к воротам монастыря босых кармелитов сего города, дабы проследить, не вырыт ли по приказу св. инквизиции труп матери вышеупомянутой доньи Хуаны, доньи Бланки Энрикес, погребенной в ту же ночь нового 1642 г., по иудейскому обряду, причем в могилу были брошены зубы, выпавшие у нее при жизни; испуганный и устрешенный, пустился он бежать и сообщил им, что все спокойно.

Был допущен к примирению с церковью и предстал как покаявшийся; зеленая свеча в руках; конфискация имущества, какового не оказалось; формаль-

ное отречение; сан-бенито; тюремное заключение сроком на один год и определенное пожизненное изгнание из всей Вест-Индии, из города Севильи и из Мадрида, двора его величества. И да отправится он на первом же корабле, готовом к отплытию из порта Сан-Хуана де Илуа — в королевства Испанские и, по прибытии в вышеупомянутые королевства, в течение одного месяца, явится в Священный трибунал св. инквизиции в Севилье, дабы дать ознакомиться с собой и отметить себя в протоколах и получить указание, в какой местности он должен отбыть оставшийся срок ношения покаянной одежды и срок тюремного заключения; а чтобы, в случае правонарушения, можно было принять меры против него как против нераскаявшегося, список сего решения и приговора с указанием примет и возраста подсудимого должен быть послан достославному и досточтимому сеньору епископу пласенскому, генеральному инквизитору и господам из Совета его величества, св. генеральной инквизиции и трибуналам вышеупомянутой севильской инквизиции и трибуналам городов Лимы и Карфагена, в Вест-Индии.

Педро де Эспиноса, со следом обрезания пятидесяти лет; уроженец сего города; работает по поручениям и комиссионным делам при разных трибуналах и по управлению мясными лавками поселка Сайулы, в Авалосской провинции, в Новой Испании; женат на Донье Иса-бэле де Сильва или Энрикес, уроженке города Севильи, заточенной при сем Свя-

щенном трибунале за соблюдение Моисеева закона; сын умерших в вышеупомянутом городе: Симона Родригеса, португальца, примиренного с церковью, при сей инквизиции, как иудействующий, и Бернардины де Эспиноса, уроженки города Бургоса, в королевствах Кастильских.

Был арестован как еврей, соблюдавший Моисеев закон, с секвестрацией имущества. Сознался, что он иудействующий еврей, и попросил милосердия.

Увидев, что он с увлечением читал книгу, именуемую «Зерцало утешения», в коей повествуется о патриархах и пророках древнего закона, некоторые еврейки воспользовались случаем, чтобы заставить его отречься от нашей святой католической веры.

В разговорах с евреями он язвительно называл Священный трибунал жадным, утверждая, что инквизиция не любит бедных евреев, а любит богатых и что таким образом все наиболее подозрительные евреи, заточенные и наказуемые инквизицией, — люди крайне бедные и жалкие.

Переговариваясь с другими заключенными, пользовался двумя выдрессированными кошками, находившимися в сей тюрьме, называя их своими товарищами, привязывая им к шее то, что посылал другим, лаская их и приманивая к окну своей камеры. Однажды весьма огорчился, увидя, что вещь, которую он привязал им к шее, была столь больших размеров, что не проходила через окошко, — отчего и другие заключенные горевали.

Они же говорили о сан-бенитах, кои им предстояло надеть, будет ли их три, одно на груди и два на плечах, вроде дорожного плаща, будут ли они доходить до пят или до колен, ни в грош не ставя подобный позор.

Подсудимый был допущен к примирению и предстал приговоренный как покаявшийся; зеленая свеча в руках; конфискация имущества, какового не оказалось; формальное отречение; сан-бенито, пожизненное тюремное заключение и определенное пожизненное изгнание из всей Вест-Индии, из города Севильи и из Мадрида, двора его величества, в порядке, изложенном в приговоре первого примиренного с церковью.

Эсперанса Родригес, мулатка, шестидесяти четырех лет, уроженка города Севильи, проживающая в городе Мексико; вдова Хуана Баптиста, немецкой национальности, по роду занятий резчика по дереву и столяра, умершего в городке Гвадалахаре, в Королевстве Новой Галисии; свободная, а ранее рабыня доньи Каталины Энрикес, заключенной при сем Священном трибунале за иудейство; дочь Исабели, негритянки из Гвинеи, умершей в Севилье, и Франсиско Родригеса, еврея, нового христианина; по роду занятий швея.

Была арестована как еврейка, соблюдавшая Моисеев закон, с секвестрацией имущества. Долго пребывала *отрицающей*, а увидя себя в затруднительном положении, притворилась сумасшедшей, пожирая вшей, намеренно произнося слова и совершая определенные поступки, чтобы ее признали таковой: разорвала свою

сорочку, сшила большую куклу с мантильей, поясом и шляпой; целовала ее, делала вид, что кормит ее грудью, называла ее своим ребенком, повторяла, чтобы на него только смотрели и не убивали его; или нарочно прятала его, плакала и требовала, чтобы ей его вернули. Сим путем, столь далеким от истинного, думала избежать необходимости сознаться в своих тяжких преступлениях и дать показания против многочисленных сообщников, кои, как она знала, соблюдали вышеупомянутый Моисеев закон. Наконец, приняв лучшее решение, созналась, что она иудействующая еврейка, и попросила милосердия. Была допущена к примирению и предстала, приговоренная как покающаяся; зеленая свеча в руках; конфискация имущества, какового не оказалось; формальное отречение; сан-бенито и пожизненное заключение, и всенародное бесчестие и определенное пожизненное изгнание из всей Вест-Индии, из города Севильи и Мадрида, двора его величества, в порядке, изложенном в приговоре первого примиренного.

Хуана дель Боске, мулатка, двадцати девяти лет, уроженка города Карфагена, на материке, в Вест-Индии, пребывающая в сем городе; жена Бласа Лопеса, португальца, отсутствующего, бежавшего; дочь Эсперансы Родригес, мулатки, примиренной по сему делу, и Хуана Баптиста дель Боске, немецкой национальности, по роду занятий резчика по дереву и столяра, умершего в городе Гвадалахаре, в Новой Галисии; по роду занятий швея, еврейка, новая христи-

анка — со стороны Франсиско Родригеса, португальца, деда своего по матери.

Была арестована как еврейка, соблюдавшая Моисеев закон, с секвестрацией имущества. Созналась, что она иудействующая еврейка, и попросила милосердия. До заключения в тюрьму сговорилась с некоторыми евреями, матерью своей и братьями, ничего не говорить в инквизиции против сообщников, а после ареста переговаривалась в тюрьме со многими заключенными, чтобы узнать, что они показали против нее и противоречат ли их показания тому, в чем она созналась, причем они обсуждали вещи весьма важные и весьма зазорные.

Была допущена к примирению с церковью и предстала, приговоренная как покающаяся; зеленая свеча в руках; веревка на шее; конфискация имущества, какового не оказалось; формальное отречение; сан-бенито и тюремное заключение на шесть месяцев и сто ударов плетью и определенное пожизненное изгнание из всей Вест-Индии и из города Севильи и Мадрида, двора его величества, в порядке, изложенном в приговоре первого примиренного с церковью.

Капитан Франсиско Гóмес Техосо, со следом обрезания; пятидесяти восьми лет, уроженец города Валенсии дель Сид, в Королевствах Испанских; холостой; по роду занятий купец; проживавший в городе Нуэва Веракрус, в Новой Испании, где был пехотным капитаном; сын Педро Гомеса Техосо, уроженца города Севильи, умершего в Лиме, в Королев-

ствах Перу, где был торговым маклером, и доньи Виоланты Родригес, уроженки города Лиссабона, в Португалии, умершей в вышеупомянутом городе Нуэва Веракрус, — евреев, новых христиан. Со значительными оговорками и увертками сознался, что он иудействующий еврей, и попросил милосердия.

Был допущен к примирению с церковью и предстал, приговоренный как покаявшийся; зеленая свеча в руках; конфискация имущества; формальное отречение; сан-бенито; пожизненное заключение и определенное пожизненное изгнание из всей Вест-Индии, из города Севильи и из Мадрида, двора его величества, в порядке, изложенном в приговоре первого примиренного с церковью.

К л а р а А н т у н е с, девятнадцати лет; уроженка и жительница сего города; помолвленная за несколько дней до ареста с Мануэлем Карраско, примиренным с церковью в сем аутодафе, за соблюдение, подобно ей, Моисеева закона; дочь Доньи Исабелы Дуарте, уроженки города Севильи, примиренной здесь же, в сем вышеупомянутом аутодафе, и дона Диэго Антунеса, умершего в сем вышеупомянутом городе, по роду занятий купца, — евреев, новых христиан.

Была арестована как еврейка, соблюдавшая Моисеев закон, с секвестрацией имущества. Созналась, что она иудействующая еврейка, и попросила милосердия. Была уличена в переговорах с заключенными.

Была допущена к примирению и предстала, приговоренная как покаявшаяся; зеленая свеча в руках; кон-

фискация имущества, какого не оказалось; формальное отречение; сан-бенито; тюремное заключение на один год и определенное пожизненное изгнание из всей Вест-Индии, из города Севильи и из Мадрида, двора его величества, в порядке, изложенном в приговоре первого примиренного с церковью.

Леонора Мартинес, четырнадцать лет, уроженка и жительница сего города; девственница; дочь Томаса Требиньо де Собремонте, уроженца города Рио Секо, в Старой Кастилии, и Марии Гомес, его жены, уроженки сего города, примиренных с церковью как иудействующие в общих аутодафе*, отпразднованных сей инквизицией; племянница и внучка примиренных, кои в настоящее время вновь заключены в тюрьму как вновь впавшие в ересь.

Кроме одного раза, никогда она не присутствовала на мессе, ибо, хотя в праздничные дни ее бабушка и кричала ей (нарочно, для соседей-католиков): «Пойдем к мессе, Леонорочка!» и уходила с ней, — они проходили мимо церквей, никогда не заходя ни в одну из них, и бабушка приводила подсудимую в дом тетки ее, примиренной с церковью.

При первых допросах, хотя сначала отрицала во всем свои проступки, обнаружила в своих отрицаниях лукавство, сказав, что, может быть, бабушка лишила ее всяких доказательств того, что она верила в Моисея, называя его Мессией. Впоследствии созналась в соблюдении названного закона и попросила милосердия.

Была допущена к примирению с церковью и предстала, приговоренная как покаявшаяся; зеленая свеча в руках; конфискация имущества, какового не оказалось; формальное отречение; сан-бенито, каковое да будет снято с нее по прочтении приговора, и определенное пожизненное изгнание из всей Вест-Индии, из города Севильи и Мадрида, двора его величества; а пока найдется возможность отправить ее в изгнание, да будет она помещена в дом одного из служителей сего Священного трибунала, дабы быть приобщенной учению святой нашей католической веры.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СООБЩЕНИЯ ОБ АУТОДАФЕ, отпразднованном в г. Мексико в 1649 г.

Были отпущены на костер во плоти тринадцать иудействующих, каковые из милости были удушены гарротой, прежде чем сожжены; кроме Томаса Требиньо де Собремонте, за его дерзостное сопротивление и дьявольскую ярость, с каковой он, хотя ему дали почувствовать у подбородка огонь, его ожидавший, — разразился мерзостными богохульствами и притянул к себе ногами дрова костра, где горели сорок семь скелетов с их статуями и десять статуй бежавших.

Мадридская инквизиция

ГЕНЕРАЛЬНОЕ АУТОДАФЕ,
отпразднованное в Мадриде, в сем 1680 году,
в присутствии Короля Господина Нашего
Карлоса II и Их Величеств Королевы Гос-
пожи Нашей и Августейшей Королевы-
Матери, в бытность Генеральным Инквизи-
тором Достославного Сеньора Дона Диэго
Сармьенто де Вайярес, при участии Хосэ
дель Ольмо, алькада и чиновника Св. Трибу-
нала, помощника дворцового коменданта Его
Величества и управителя парка Буэн Ретиро
и Мадридского Дворца*

О шествии крестов зеленого и белого

102. Все великолепии сие выступило в достойном
восхищения порядке, так что не дрогнул ни один чело-
век, не образовалось ни одного пустого места, не вы-
делился никто в толпе. И, казалось, небо и земля со-
говорились способствовать тому, чтобы шествие сие
появилось во всем своем блеске, небо — даруя ясный
день, без оскорбительной пыли, без изнурительной
жары, а земля — почтительно предоставляя про-
странство столь великому стечению народа; итак, безо

всяких препятствий шествие следовало по своему пути, а поклонение и благочестие находили себе достойнейшее применение в созерцании всего величия Испании, считая для себя честью служить св. Трибуналу* и сопровождая хоругвь с достоинством и уважением, подобающим высокому званию столь важных особ и вместе с тем столь великому и столь согласованному множеству монахов и лиц духовных и светских, каковые, в количестве семисот, проходили со свечами в руках, со сдержанностью, в коей отражалась умеренность, соблюдаемая св. Трибуналом во всех его действиях.

О ШЕСТВИИ И О СВИТЕ ДОСТОСЛАВНОГО СЕНЬОРА ГЕНЕРАЛЬНОГО ИНКВИЗИТОРА

Сеньоры члены Королевского совета сопровождают членов Верховного совета инквизиции

107. Венцом всей славы сей и в чем, собственно, заключается торжество генерального аутодафе, являлась величественная пышность, с коей выступил Трибунал, появившись пред обвиняемыми, дабы судить их у светлейшего трона, на великолепнейшем театре, и сумев привлечь к себе людские взоры, дабы заставить бояться и почитать себя, ибо зрелище сие можно было сравнить с тем, каковое предстанет в великий день всеобщего страшного суда: если, с одной стороны,

будет внушать ужас — мерзость виновных, запечатленная в отличительных знаках их преступлений и наказаний, то с другой, будет веселить — слава праведных и верховное величие Христа и апостолов, кои, следуя за хоругвию, в сопровождении ангельских хоров, направятся к долине Иосафата, где верховный судия воссядет на свой высокий трон, а те, кто за ним следовал, — на обетованные места, и пред лицом всего мира прочтены будут улики и дела, и, лишая силы всякое ходатайство и заступничество, приговоры будут приведены в исполнение.

Обвиняемые уводятся
в тайные застенки

109. Для соблюдения столь великого порядка необходимо было, чтобы ночью стража была весьма бдительной, и посему преступники, кои раньше были размещены по домам добровольных помощников инквизиции, были уведены в тайные застенки ввиду большого скопления их при Трибунале, а равно, дабы держать каждого из них в отдельности, так, чтобы они не могли сообщаться и переговариваться; и, собрав всех их к десяти часам вечера, дав им сначала поужинать, сеньор дон Антонио Самбрана де Боланьос, старейший инквизитор двора, в сопровождении дона Фернандо Альвареса де Вальдеса, секретаря сицилийского трибунала, вошел в затворы, где содержались отпущенные преступники, и каждому в отдельности объявил приговор в следующей форме.

30 июня 1680 года в Мадриде было проведено аутодафе в присутствии испанского короля Карла II и его юной невесты. Заживо или символически был сожжен пятьдесят один человек

Объявление приговоров

110. «Брат, ваше дело было рассмотрено лицами весьма учеными и великих познаний; ваши преступления являются столь тяжкими и столь дурного свойства, что, в видах примерного наказания, решено и постановлено, что завтра вы должны умереть: вы предупреждены и приготовлены и, дабы вы могли исполнить сие, как подобает, здесь останутся два духовника». И, объяснив каждому сии слова, приказал он войти двум монахам и поставил двух служителей на страже, у дверей каждого застенка, и в сем порядке и последовательности выслушали двадцать три осужденных свои смертные приговоры; принимая же во внимание бессоницу и скорбь осужденных, а равно работу и усталость духовников и служителей, предусмотрительность Трибунала приготовила запасы печений и шоколада, пирожных и прохладительных напитков для подкрепления и ободрения тех, кои в сем нуждались.

Двое осужденных испрашивают аудиенцию

111. Всю ночь Трибунал готов был допустить к себе тех осужденных, кои испросят аудиенцию, и когда две женщины, осужденные как отпущенные, испросили ее, Трибунал, по обычному своему милосердию, допустил их к себе, причем принимал их заявления сеньор дон Антонио Самбрана, занятый этим большую часть ночи и утра.

112. Настал столь желанный для народа день 30 июня, и в три часа ночи осужденным начали раздавать одежду, с таким расчетом, чтобы до пяти часов утра закончить распределение завтраков. Тем временем алькадам Трибунала дону Педро Сантосу и дону Хосэ дель Ольмо вручили каждому два двойных пакета с именами осужденных. Первый заключал указание о порядке, в коем надо было вывести осужденных из их затворов и построить их для шествия, второй — список, по коему надо было вызывать их на помост, когда они должны будут выслушать приговор. Приказ, по коему шествие должно было начаться в шесть часов утра, был оглашен, и с того часа начали прибывать бесчисленные толпы как живущих при дворе, так и приезжих, привлеченных сюда сим известием; однако сей приказ не мог быть выполнен столь точно, как того хотели, ибо аудиенции продолжались так долго, что замедлили предустановленную быстроту.

Осужденные выходят из застенков

113. Промедление сие дало возможность народу разместиться на помостах и запастись едой на столь длинный день, и в семь часов утра начали выходить солдаты веры, а за ними вынесли крест приходской церкви св. Мартина, одетый в черный покров, и вышли двенадцать священнослужителей в стихарях и вслед за ними сто двадцать осужденных, каждый — между двух служителей.

Осужденные отпущенные в изображении

113. Тридцать четыре первых следовали в изображении, и мертвые, и бежавшие, из коих тридцать два были отпущены и как таковые шли с коросами на голове, отмеченными пламенем, а некоторые несли в руках ящички со своими костями. Другие две статуи шли в сан-бенитах, и у всех на груди начертаны были большими буквами имена тех, кого они представляли. Алькадам Трибунала надлежало идти во главе осужденных, порученных их присмотру, но, работая в тайных застенках, они не могли занять свои места вовремя.

Осужденные с отреченном de levi

114. Из осужденных, представших во плоти, следовали одиннадцать покаявшихся, с отречением de levi, одни — осужденные за двоеженство, другие — за суеверия, другие — за лицемерие и ложь: все с потушенными желтыми свечами в руках. Лжецы и двоеженцы — с коросами на голове, некоторые с веревками на шее и столькими узлами, сколько сотен плетей они должны были получить по приговору, дабы лучше можно было дать отчет о каждом осужденном в отдельности.

Осужденные за иудейство,
в сан-бенитах

115. За ними следовали пятьдесят четыре иудействующих, примиренных, все в сан-бенитах с андреевскими полукрестами, а другие с целыми крестами и со свечами, как предшествующие.

Осужденные отпущенные

116. Немедленно следовали двадцать один отпущенный, все с коросами на голове, в коротких плащах с пламенем, а упорствующие — с драконами среди пламени, и двенадцать из них с кляпами во рту и связанными руками. Все они шли в сопровождении монахов, увещевавших их, ободряя одних и приводя к вере других. Шествие осужденных замыкал толедский старший альгвазил* (*alguacil mayor*), дон Себастьян де Лара.

КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ДЕЛ И ПРИГОВОРОВ

(Выдержки)

Примиренные с церковью иудействующие

Педро Нуньес Маркес. — 14. Педро Нуньес Маркес, уроженец Виллафлоры, в Португалии, проживавший при сем дворе, по роду занятий продавец полотна, сорока четырех лет, сознавшийся иудействующий, предстал в аутодафе как покаявшийся, в сан-бенито; приговор был ему прочтен; отрекся от своих заблуждений и был примирен с церковью, по уставу, с конфискацией имущества, ношением покаянной одежды и тюремным заключением на один год, по истечении коего он будет изгнан из Мадрида, Пастраны, Алькалы, Верина и Сеговии и на восемь миль в округности, сроком на два года.

Доктор Херóнимо Нуньес. — 15. Доктор Херóнимо, брат его, уроженец названного города Виллафлоры, проживавший при сем дворе врач семьи его величества, тридцати шести лет, сознавшийся иудействующий, предстал в аутодафе как покаявшийся, в *сан-бенито*; приговор был ему прочтен; отрекся от своих заблуждений и был примирен с церковью, по уставу, с конфискацией имущества, ношением покаянной одежды и тюремным заключением на два года, по истечении коего он будет изгнан из Мадрида, Верина, Алькалы де Энарес и Сеговии и на восемь миль в окружности, на два года.

Леонора Нуньес Маркес. — 16. Леонора Нуньес Маркес, сестра названных Педро и Херóнимо, вдова Родриго да Сильва, уроженка названного города Виллафлоры, державшая табачную лавку при сем дворе, сорока лет, сознавшаяся иудействующая, предстала в аутодафе как покаявшаяся, в *сан-бенито*; приговор был ей прочтен с указанием улик; отреклась от своих заблуждений и была примирена с церковью, по уставу, с конфискацией имущества и приговорена к пожизненному ношению покаянной одежды и к пожизненному тюремному заключению.

Анхела Нуньес Маркес. — 17. Анхела Нуньес Маркес, сестра их, вдова Франсиско Корреа, уроженка Виллафлоры, проживавшая в Пастране, тридцати девяти лет, сознавшаяся иудействующая, предстала в аутодафе как покаявшаяся, в *сан-бенито*; приговор был ей прочтен с указанием улик; отреклась

от своих заблуждений и была примирена с церковью, по уставу, с конфискацией имущества, ношением покаянной одежды и пожизненным тюремным заключением.

Б л а н к а К о р р е а. — 18. Бланка Корреа, дочь ее, уроженка и жительница Пастраны, незамужняя, предстала в аутодафе как покаявшаяся, в *сан-бенито*; приговор был ей прочтен с указанием улики; отреклась от своих заблуждений, была примирена с церковью, по уставу, с конфискацией имущества и приговорена к ношению покаянной одежды и пожизненному тюремному заключению.

П р и м и р е н н ы е в и з о б р а ж е н и и

Ф р а н с и с к о д е М е д и н а. — 66. Франсиско де Медина, *alias* Франсиско Луис Бартоломэ, *alias* Абрам Хакоб де Медина, *alias* дон Франсиско Диаманте, уроженец города Венеции, житель города Ливорно, проживавший при сем Дворе, тридцати лет, иудействующий, умер в тайных застенках инквизиции, покаявшийся, а ранее отрекся от своих заблуждений; был примирен с церковью и получил отпущение грехов при соборовании, был допущен к таинству предсмертного причастия и погребен в церковной могиле; предстал в аутодафе в изображении, с отличительными знаками примиренного; приговор был ему прочтен с указанием улики, и был он приговорен к конфискации имущества, какового не оказалось.

Отпущенные в изображении
как иудействующие,
бежавшие из сих королевств

Доктор Антонио де Вергара. — 68. Доктор Антонио де Вергара, португалец, житель городка Ийоры, в Гренадском королевстве, по роду занятий врач, иудействующий, отсутствующий беглец, предстал в аутодафе в изображении, с отличительными знаками осужденного; приговор был ему прочтен, и был он отпущен и выдан светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества, какового не оказалось.

Умершие, отпущенные
как иудействующие

Диэго Гомес де Саласар. — 92. Диэго Гомес де Саласар, *alias* Абрам Гомес де Саласар, по национальности португалец, купец при сем дворе, примиренный толедской инквизицией 20 февраля 1667 года, отсутствующий беглец, вновь впавший в ересь, иудействующий, умерший в квартале св. духа, в Байонне, во Франции; дело возбуждено было против его памяти и имени, и был он отпущен в изображении и выдан светскому правосудию и власти с конфискацией имущества.

Дон Педро де Саласар. — 93. Дон Педро де Саласар, *alias* Моисес де Саласар, умерший сын его, иудействующий, отсутствующий беглец, отпущенный в изображении и выданный светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества.

Каталина Родригес. — 95. Каталина Родригес, *alias* Паскíна, уроженка и жительница местечка Буаркоса, в Португалии, жена Гаспара де Сэса, пребывавшая в местечке Кангасе, в Галисии, примиренная Священным трибуналом толедской инквизиции, иудействующая, сознавшаяся, вновь впавшая в ересь, умерла в тюрьме инквизиции, в Сантьяго, предстала в аутодафе в изображении и в костях, с отличительными знаками осужденной: приговор был ей прочтен с указанием улик, и была она отпущена (она и ее кости) и выдана светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества, какового не оказалось.

Каталина Антониа. — 96. Каталина Антониа, вдова Мануэля Нъето, жительница и уроженка Буаркоса, в Португалии, примиренная Священным трибуналом конмбрской инквизиции, проживавшая в названном местечке Кангасе; умерла в тайных застенках инквизиции в Сантьяго, иудействующая, вновь впавшая в ересь, уличенная, отрицающая; была отпущена, она и ее кости, и выдана светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества, какового не оказалось.

Альбин Лопес. — 97. Альбин Лопес, португалец, житель местечка Коина, в Малагском епископстве, тридцати девяти лет, иудействующий, умерший в тайных застенках гренадской инквизиции, уличенный; дело было возбуждено против его памяти и имени; он был отпущен, он и его кости, и выдан светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества, какового не оказалось.

Исабель Лопес. — 99. Исабель Лопес, жена Гаспара Лопеса, уроженка города Опорто, жительница Оренсе, иудействующая, упорствующая, умершая в тюрьме инквизиции в Сантьяго, сорока лет, непокаявшаяся, была отпущена в изображении, она и ее кости, и выдана светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества, какого не оказалось.

Отпущенные во плоти

Франсиско де Салинас. — 100. Франсиско де Салинас, *alias* Франсиско де Леон, уроженец Сан-Мартино де ла Вега, сего архиепископства, португальского происхождения, проживавший при сем дворе, двадцати шести лет, примиренный с церковью толедской инквизицией, 6 сентября 1671 года; предстал в аутодафе с отличительными знаками осужденного как иудействующий, вновь впавший в ересь, сознавшийся; приговор был ему прочтен с указанием улик, и был он отпущен и выдан светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества.

Франсиско Энрикес дель Вайе. — 102. Франсиско Энрикес дель Вайе, *alias* Виварон, уроженец Виллафлоры, в Португалии, владелец табачной лавки при сем дворе, шестидесяти шести лет, примиренный с церковью еренской инквизицией, 23 апреля 1662 года; предстал в аутодафе с отличительными знаками осужденного как иудействующий, вновь впавший в ересь, сознавшийся; приговор был ему прочтен с указанием улик, и был он отпущен и вы-

дан светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества.

Мария Энрикес. — 103. Мария Энрикес, *alias* Мария Лопес, жена его, уроженка местечка Часина, проживавшая при сем дворе, сорока трех лет, примиренная с церковью еренской инквизицией, в генеральном аутодафе, отпразднованном 23 апреля 1662 года; предстала в аутодафе с отличительными знаками осужденной как иудействующая, вновь впадшая в ересь, сознавшаяся; приговор был ей прочтен с указанием улик, и была она отпущена и выдана светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества, какового не оказалось.

Виоланта Энрикес. — 104. Виоланта Энрикес, сестра вышеупомянутой Марии Энрикес, незамужняя, уроженка Часина, проживавшая при сем дворе, сорока одного года, примиренная с церковью вышеупомянутой еренской инквизицией, в вышеупомянутый день 23 апреля 1662 года, предстала в аутодафе с отличительными знаками осужденной как иудействующая; приговор был ей прочтен с указанием улик, и была она отпущена и выдана светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества, какового не оказалось.

Фелиппа Лопес де Редондо. — 105. Фелиппа Лопес де Редондо, вдова Матео де Сильва, мать вышеупомянутых Марии и Виоланты Энрикес, уроженка Часина, жительница Мадрида, шестидесяти с лишком лет, примиренная с церковью еренской

инквизицией, в вышеупомянутый день 23 апреля 1662 года; предстала в аутодафе с отличительными знаками осужденной как иудействующая, вновь впавшая в ересь, сознавшаяся; приговор был ей прочтен с указанием улик, и была она отпущена и выдана светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества, какового не оказалось.

Антонио Висенте. — 109. Антонио Висенте, *alias* Хакоб Габай, уроженец города Пизы, по роду занятий путешествующий купец, тридцати пяти лет, отступник, вновь окрещенный, вновь впавший в иудейство, изменяющий и преуменьшающий свои показания; предстал в аутодафе с отличительными знаками отпущенного; приговор был ему прочтен с указанием улик, и был он отпущен и выдан светскому правосудию и власти с конфискацией имущества, какового не оказалось.

Франсиско Феррёр. — 110. Франсиско Феррёр, *alias* Франсиско де Монторо, *alias* Франсиско Пьямонте, *alias* Абрам Пенья и Хосэ Коутиньо, уроженец города Ливорно, по роду занятий золотых дел мастер, путешествовавший, сорока четырех лет, еретик-отступник, вновь окрещенный, вновь впавший в иудейство, изменяющий, преуменьшающий и отрицающий свои показания; предстал в аутодафе с отличительными знаками отпущенного; приговор был ему прочтен с указанием улик, и был он отпущен и выдан светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества, какового не оказалось.

Мануэль Луис Гутьеррес де Эбора или Родригес. — 111. Мануэль Луис Гутьеррес де Эбора или Родригес, уроженец местечка Кабры, проживавший в городе Кордове, солдат, тридцати шести лет, примиренный кордовской инквизицией в генеральном аутодафе 29 июня 1665 года как иудействующий, вновь впавший в ересь, сознавшийся; предстал в аутодафе с отличительными знаками отпущенного, приговор был ему прочтен с указанием улик, и был он отпущен и выдан светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества.

Симон Диэго де Моралес. — 112. Симон Диэго де Моралес, уроженец Бисео, в королевстве Португальском, житель Кордовы, продававший платки на улицах, тридцати восьми лет, иудействующий, упорствующий, предстал в аутодафе с отличительными знаками отпущенного и кляпом; приговор был ему прочтен с указанием улик, и был он отпущен и выдан светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества.

Бальтасар Лопес Кардосо. — 113. Бальтасар Лопес Кардосо, уроженец местечка Верина, житель Селановы, в Галисии, тридцати трех лет, португальской национальности, владелец табачной лавки, иудействующий, упорствующий, предстал в аутодафе с отличительными знаками отпущенного и с кляпом; приговор был ему прочтен с указанием улик, и был он отпущен и выдан светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества, какового не оказалось.

Фелиппа Лопес. — 114. Фелиппа Лопес, двоюродная сестра его, жена Антонио Лопеса Арройо, уроженка и жительница местечка Верина, дочь португальцев, тридцати лет, иудействующая, упорствующая; предстала в аутодафе с отличительными знаками отпущенной и с кляпом; приговор с указанием улик был ей прочтен, и была она отпущена и выдана светскому правосудию и власти, с конфискацией имущества, какового не оказалось.

Луис Сарáбья. — 115. Луис Сарáбья, *alias* Аррайя, португалец, уроженец города Бордо, проживавший в местечке Понтеведра, двадцати семи лет, путешествовавший, иудействующий, упорствующий; предстал в аутодафе с отличительными знаками отпущенного и с кляпом; приговор с указанием улик был ему прочтен, и был он отпущен и выдан светскому правосудию и власти с конфискацией имущества.

Магометанин Лáсаро Фернандес. — 118. Лáсаро Фернандес, *alias* Мостафа, уроженец города Кадикса, отступник, ходивший в набеги с корсарами, двадцати восьми лет, упорно пребывающий в секте Магомета; предстал в аутодафе с отличительными знаками отпущенного и с кляпом; приговор с указанием улик был ему прочтен, и был он отпущен и выдан светскому правосудию и власти с конфискацией имущества, какового не оказалось.

О приведении в исполнение приговоров
в отношении отпущенных и других
осужденных

Объяснение костра. — 187. Костер был шестидесяти футов в окружности и высотой — семи, и поднимались к нему по лестнице шириной в семь футов, сооруженной с таким расчетом, чтобы на соответственном расстоянии друг от друга можно было водрузить столбы и в то же время беспрепятственно отправлять правосудие, оставив соответственное место, дабы служители и священнослужители могли без затруднений пребывать при всех осужденных.

188. Костер увенчивали солдаты веры, коих часть стояла на лестнице, на страже, дабы не поднималось больше определенного необходимого числа лиц; но скопление народа столь увеличилось, что порядок не мог быть соблюден во всем, и, таким образом, выполнено было если не то, что надлежало, то хотя бы то, что возможно было выполнить.

189. Для людей сего племени довлет голос крови и высокомерное желание противопоставить слепоту их предков мудрости христианских ученых: безумие сие, вскормленное плотским началом и алчностью (первоисточником всех зол), ослепляет очи их рассудка, и должны они возносить многие хвалы бесконечной милости божьей за то, что, несмотря на столь великую неблагодарность, оказывается им столь мощная помощь, возвращающая их в любвеобильное лоно матери нашей, церкви, оставляя нам в утешение мысль, что

Брошенные в испанскую тюрьму.
Иллюстрация к «Истории инквизиции» М. В. де Ферала.
XIX в.

таково было их предназначение. И поистине, если судить по внешним признакам, на каковые обратили внимание все присутствовавшие, многое можно сказать о благочестии, ибо со всеобщим восхищением замечено было великое различие между *возвращенными* и упорствующими, как между избранными и отверженными. Сии последние шли со страшной бледностью в лице, с очами помраченными и как бы извергающими пламя и с таковым видом, что казались одержимыми бесом. Между тем обращенные шли со столь великим смирением, утешением, покорностью и веселием духовным, что, казалось, сквозь них сияла благодать божия. Можно было думать, что они уже были вознесены на небеса, благодаря многим молитвам, кои благочестивые люди творили за их души.

190. За сим приступлено было к казням: сначала удушены были гарротою *возвращенные*, за сим преданы огню упорствующие, кои были сожжены заживо, с немалыми признаками нетерпения, досады и отчаяния. И, бросив все трупы в огонь, палачи поддерживали его дровами, пока окончательно не обратили трупы в пепел, что совершилось часам к девяти утра.

Лиссабонская инквизиция

XVII век

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ ПЕДРО СЕРРАНА, сына Антонио Серрана де Крasto*

Принимая во внимание общий приговор Инквизиторов, ординариев и депутатов св. инквизиции, принимая во внимание, что обвиняемый Педро Серран, как доказано, является еретиком и отступником от нашей Св. Католической Веры, уличенным в преступлении иудейства, и что за сие он отпущен и выдан светскому правосудию, — согласно закону и порядку судопроизводства, применяемым в подобных случаях, обвиняемый, с веревкой на шее, предшествуемый провозглашением приговора, должен пройти по люднейшим улицам сего града, к Рибейре, где, удушенный (гарротой), он умрет естественной смертью, и мертвый будет сожжен и огнем обращен в пепел, дабы никогда не сохранилось никакого воспоминания ни о его теле, ни о его могиле. Кроме того, по приговору, он лишается своего имущества, конфискованного в пользу казны и Королевской палаты, если даже у него есть родители или потомки, каковые объявляются лишенными прав состояния, неспособными, недействительными и ошельмованными, по закону и в порядке судопроизводства. И да заплатит он судебные издержки по сему делу.

Панглосс в одеянии еретика.
Иллюстрация к повести Вольтера
«Кандид, или Оптимизм». XVIII в.

ДЕЛО ЛОПЕСА 1712—1720

28 апреля 1712 года корабль «Счастливая галера» французского торгового флота, под командой капитана Лопеса де Паса, подвергся в Карфагенском порту нападению со стороны четырех испанских кораблей, причем испанцы арестовали французского капитана и захватили груз.

Обвиненный в том, что он публично «иудействовал» и тем самым вызвал «общественный скандал», капитан (кстати, не сшедший с корабля) был заключен в тюрьму инквизиции.

По приказанию правительства Людовика XIV, французский посланник в Мадриде потребовал освобождения Лопеса, считая этот арест оскорблением, нанесенным французскому флагу.

Франция и Испания обменивались нотами, а Лопеса все еще держали в тюрьме. Французское правительство ссылалось на то, что капитан является бордоским горожанином, штурманом дальнего плавания французского торгового флота, признанным при парламенте переводчиком с испанского и португальского языков. Но испанское правительство возражало, подчеркивая, что Лопес не является французом по рождению, а лицом иудейского вероисповедания, и что за иудейство он уже подвергался судебным преследованиям в Испании.

В 1714 году, после двух с половиной лет предварительного заключения, Лопес был приговорен к двумстам ударам плетью, семи годам галер и пожизненному изгнанию из Испанского королевства.

Приговор был приведен в исполнение. В 1715 году, когда испанский флот должен был усмирить восстание на острове Майорке, Лопес находился в числе каторжан на галерах карательной экспедиции. Каторжанин вынужден был убивать таких же подневольных людей, как и он сам.

За несколько лет сменились инквизиторы и посланники. Ходатайства и требования французского правительства не имели успеха: инквизиция показала себя сильнее испанского короля Филиппа V, внука французского короля Людовика XIV. Лопес все еще не был освобожден. В 1720 году его дело значилось в числе «нерешенных». Потом след его теряется.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 7. *Инквизиция* — точное значение этого слова — розыск, следствие.

С. 8. *Марран* (*maḡḡano*) — собственно означает: свинья. — *Мориск* (*morisco*) — от того (мавр).

Главнейшие даты из истории инквизиции на Пиренейском полуострове:

1473 г. — особая булла папы Сикста IV, разрешающая католическим королям установить инквизицию в Испании.

1478 г. — установление инквизиции в Испании.

1480 г. — первый трибунал в Севилье.

1492 г. — изгнание евреев из Испании.

1497 г. — изгнание евреев из Португалии.

1502 г. — изгнание мавров из Испании.

1609—1615 гг. — изгнание морисков из Испании.

С. 10. *Педро де Арбуэс* (1442—1485) — преподавал в Болонье нравственную философию. Был назначен инквизитором на своей родине, в Арагонии, предал сожжению целые толпы евреев и мавров. Его закололи в церкви, когда перед алтарем он читал молитвы. Католическая церковь торжественно объявила его мучеником,

папа Александр VII в 1661 г. признал его праведником, а папа Пий IX в 1867 г. (!) причислил к лику святых.

С. 10. ...восстания морисков... — Связанная с историей этих восстаний кальдероновская драма «Любовь после смерти» начинается сценой, в которой мориски пляшут запрещенные инквизицией *самбры*, свои национальные танцы, пока их не обнаруживает облава священного трибунала. Любопытно сопоставить с этой сценой одно из дел о морисках, осужденных толедской инквизицией:

	Приговор	Год	№ связки	№ серии
Бургос (Хуан де) и жена его Хулия; Франсиско, раб Диэго де Борха; Диэго де Акафи; Каталина, рабыня Мануэля Мелендеса; мориски, жители Гвадалахары. Собирались по ночам, чтобы играть и плясать <i>самбры</i> и есть <i>кус-кус</i> .	Покаяние	1538	191	25

В наше время *самбры* больше не исполняются в Испании. Однако их прекрасная музыка сохранилась в испанских граммофонных пластинках. *Кус-кус* — род рагу или пилава с кашей.

— ...евреи, марраны, отчасти и мориски стали испанцами и португальцами... — При владычестве мавров в Испании многие евреи носили древне-еврейские и арабские

имена (напр., Ибн-Габироль, Ибн-Эзра, Иегуда Галеви). У многих крещеных евреев были уже испанские имена и фамилии (напр., Антон де Монторо, Хуан де Мэна, Родриго Кота, Хуан Вальядолид), причем фамилиями часто являлись названия городов и деревень, откуда происходили эти лица или их предки (Монторо, Вальядолид). За несколько веков в Испании и Португалии насчитывалось большое количество марранов с обычными испанскими и португальскими именами и фамилиями (напр., Фернандес, Эрнандес, Нуньес, Родригес, Мартинес, Эспиноса, Баррьос, Мэло, Кастро, Крasto, Сильва, Коутиньо). Некоторые из них втайне сохраняли еврейские имена. При отпадении от католичества и обращении в веру отцов марраны принимали библейские имена, а мориски — мусульманские. Так, сожженный марран Томас Требиньо де Собремонте в посвященных ему поэмах славословиях называется Исхак Израэль, и под этими именами в книге «Славословий» мы находим латинские стихи на смерть Авраама Нуньеса Бернала (вероятно, автор их — Требиньо де Собремонте). Так, поэт Мигэль де Баррьос, отрекшись от католичества, становится Даниэлем Леви де Баррьосом (его отца звали Симон Леви). В протоколах процессов мы находим множество подобных сопоставлений имен: так, маррана Франсиско де Сан-Антонио зовут еще Авраам Рубен, а мориска Мельчора Мегеси — Хамете Сама. В кальдероновской драме «Любовь после смерти» восставшие против христиан мориски, отрекшись от католичества, открыто принимают мусульманские имена.

С. 10. Потомки некоторых марранов живут на Пиренейском полуострове... — Среди министров последнего короля Альфонса XIII были и потомки марранов, как

Маура и др. Немало их и среди министров нынешней Испанской республики. На Балеарских островах еще живут так называемые «чуэтас» («свиноеды»), потомки марранов (см. роман Бласко Ибаньеса «Мертвые повелевают»), а в Гибралтаре — некрещенные испанские евреи (см. роман Бласко Ибаньеса «Луна Бенамор»). Эти гибралтарцы говорят на особом диалекте.

С. 10. *Ибн-Габироль, Ибн-Эзра, Иегуда Галеви* — поэты и философы XI и XII веков. В эту эпоху расцвета арабского халифата в Испании испанская наука и светская литература только нарождались. У мусульман медицина, математика, философия и поэзия уже процветали. Этой эпохе принадлежит философ Аверроэс из Кордовы. Испанские евреи были арабизованы и принимали деятельное участие в культурной жизни.

Соломон-бен-Иегуда-ибн-Габироль, или *Габирол* (1021—1058 или 1070) — по-арабски Абу-Айуб-Сулейман Ибн-Иахия, родом из Малаги или Кордовы. Жил в нищете, был болен чахоткой. Пессимистическая поэзия Габироля как бы предвещает бедствия евреев в Испании. Габироль считается первым проповедником пантеистического неоплатонизма в Европе, утверждающего единство материи в различных ее формах. Его книга «Источник жизни» написана по-арабски; она была переведена на древнееврейский и латинский языки («Fons vitae»). Другие его сочинения — «Этика» и «Отборные жемчужины». В свои стихи Габироль первый ввел арабские метры. Некоторые его песни вошли в еврейскую литургию, в Алжире, Триполитании, Италии, Греции и Южной Франции.

Жизнь Авраама бен-Меира Ибн-Эзры мало известна. Он вынужден был навсегда оставить Испанию и странствовать; побывал в Ломбардии, Провансе, Франции, Египте, Англии, Риме и на о. Родосе. Работал в области математики, астрономии, медицины, грамматики, поэзии и богословия. Считается одним из основателей библейской критики. Аверроэс старался освободиться от ярма казенного мусульманства; Ибн-Эзра также не был рабом казенного иудейства. Он оказал влияние и на Спинозу. Кроме толкований всего Ветхого завета и сочинений по еврейской грамматике, писал любовные стихи, похоронные песни, шутки, загадки.

Иегуда Галеви, или *Га-леви* (XII век) — по-арабски Абуль-Гассан аль-Лави, родом из Толедо. Писал стихи по-древнееврейски, а философские сочинения — по-арабски. Обучался медицине, греко-арабской философии, был врачом в Толедо и Кордове. Совершил плавание в Палестину, где, по преданию, был растоптан конем арабского всадника в ту минуту, когда произнес последний стих своей «Сионской элегии», которая до сих пор читается евреями в годовщину разрушения иерусалимского храма. Юношеские стихи Галеви, образцы светской поэзии, посвящены радости жизни; более поздние порождены страданиями евреев и надеждами на лучшую жизнь. Написал «Морские песни», сиониды, любовные и траурные стихи, гимны, шутки, загадки, эпиграммы. Считается классиком еврейской поэзии. Из его философских сочинений наиболее известна написанная по-арабски и переведенная на древнееврейский «Хазарская книга» в форме диалога между хазарским ханом и ученым евреем.

С. 11. *Педро I*, или *Педро Жестокий*. — Кальдерон де ла Барка выводит его в драме «Врач своей чести», а Море́то — в драме «Доблестный мститель».

— *Рабби Сантоб*, или *Шем Тоб де Каррион*. — Жизнь его нам неизвестна. Его «Советы королю Педро I» напечатаны в одном из томов «Библиотеки испанских авторов» среди произведений XIV века.

— *Маркиз де Сантйяна* — Иниго Лопес де Мендоса, маркиз де Сантйяна (1398—1458), сын адмирала, известный поэт XV века; в своих сонетах приближается к Петрарке; автор поэм во вкусе провансальских трубадуров; представитель «дворцовой школы» поэзии.

С. 12. *Св. Тереса* — монахиня и поэтесса Тереса де Хесу (1515—1582), прославившаяся своими восторженными стихами на мистические темы. Наиболее известны ее «Пребывания или Внутренний замок», «Путь совершенства» и «Книга моей жизни».

— *Педро де Картахэна* — см. Семья Картахэна, стр. 63. Из современников Педро де Картахэна следует отметить поэта Хорхе Манрике (1440—1478), известного своим стихотворением «Стансы на смерть отца», вошедшим в число классических произведений XV века.

С. 13. *Я сам — враг себе, я сам...* — см. стихотворение Шарля Бодлера «Heautonlimoroumenos» («Наказывающий сам себя»), в частности строку:

Я сам и жертва, и палач...

и стих из стансов Жана Мореаса:

Я буду до конца враг самому себе...

С. 13. С конца XIV века в Испании разражаются еврейские погромы. — В 1391 г. произошла знаменитая резня в Севилье и в других городах. В эти годы отличился фанатический проповедник Висенте Феррер из Валенсии (1355—1419). Он возбуждал народ, призывая его насильственно крестить неверных, и с крестом в руках рвался в бой. Ему приписывается обращение в католичество 80 000 мусульман и 35 000 иудеев, в Кастилии, в 1404 г. Среди обращенных им евреев был Соломон Га-Леви, впоследствии ставший архиепископом и канцлером под именем Пабло де Санта Мария, отец поэта Педро де Картахэна (см. Самья Картахэна, стр. 63). Проповедуя, Феррер обошел Испанию, Италию, Германию и Францию. Умер во французском городке Ванв. Католическая церковь признала его святым. Во Франции Сан-Висенте Феррер известен под именем Сен-Венсан Феррье.

— Антон де Монторо (1404—1480). — Фамилия его происходит от названия деревни Монторо, близ Кордовы, на Гвадалквивире.

С. 14. Родриго де Кота — по-видимому, подвергался преследованиям инквизиции. Его имя значится в списке «примиренных с церковью» в 1497 г.

С. 15. Хуан Руис — протопресвитеритский, сатирический поэт XIV века, автор «Книги доброй любви», в которой он язвительно изображает современное ему общество.

С. 16. Альфонсо Мартинес де Толедо — протопресвитер талаверский, писатель XV века.

— Хуан де Мэна — поэт XV века, автор «Лабиринта Фортуны».

С. 16. *Антонио Жозэ да Сильва* — см. его биографию (стр. 108).

С. 17. *Испанская народная песня* (эпиграф). — Это четверостишие сообщил мне в Париже один французский филолог родом из Алжирии. В детстве он слышал много испанских песенок от своей няни-испанки.

С. 19. *Коррехидор* — в точном переводе — исправитель, представитель светского правосудия, светской исполнительной власти.

— ...действующее лицо одной португальской комедии. — «Абдолоним в Сидоне», пьеса неизвестного автора XVIII века, приписывалась Антонио Жозэ да Сильва, появилась в IV томе «Португальского комического театра». Формулировкой казней эти стихи вполне соответствуют следующим стихам из «Трагических поэм» Агриппы д'Обинье:

*Дух с телом разлучить желая в пытках скорых,
Под подбородок жертв подкладывают порох,
И, выбирая казнь, суд строгих палачей
Знал: легче — быстрая, а медленная — злей.*

С. 20. *Гаррота* — см. биографию удушенного поэта Антонио Жозэ да Сильва (стр. 108). Это слово упоминается в «Ночном сонете» Тристана Корбьера, французского «проклятого» поэта (1845—1875):

Разве твой ворот — гаррота?

Удушение гарротой изобразил Гойя.

Ф. Гойя. Гарротированный.
Офорт (около 1778—1780)

Гойя — Франсиско Гойя-и-Лусьентес (1746—1828), испанский живописец и гравер. В офортах «Капризы» он заклеил знать, инквизицию и духовенство, в «Бедствиях войны» составил своего рода хронику ужасов наполеоновского нашествия; известны также его «Тореадорство» и «Пословицы». Работы Гойи являются выдающимися образцами социального искусства.

С. 20. ...появлялся в аутодафе в изображении. — Так был заочно сожжен в изображении поэт Антонио Энрикес Гомес (см. его биографию, стр. 84).

Аутодафе — в точном переводе это слово означает: акт веры. Известная под этим названием церемония шествия, удушения и сожжения осужденных приурочивалась обычно к крупным праздникам (см. Мадридская инквизиция. Генеральное аутодафе, стр. 155).

— Сан-бенито — в точном переводе это слово означает «святой благословенный» и «святой Бенедикт». Возможно, что название этого одеяния происходит от имени монахов ордена св. Бенедикта, т. е. бенедиктинцев.

С. 21. ...с кляпом во рту. — Этот кляп выразительно назывался mordaza и предназначался для «еретиков», произносивших «богохульные» речи против инквизиции: он не давал осужденным возможности говорить и тем предохранял народ в аутодафе от антикатолической пропаганды.

— Гугенот — протестант, кальвинист. Происхождение этого слова до сих пор точно не установлено. Предполагают, что «гугеноты» — исковерканное немецкое «Eidgenossen», сотоварищи, объединенные клятвой. Борьба между гуге-

нотами и численно превосходившими их католиками тянулась годами. После перемирий возникали новые гражданские войны, жесточайшим эпизодом которых явилась Варфоломеевская ночь (см. стр. 26). В числе гугенотов были принц Генрих Наваррский (будущий король Генрих IV), принц Кондэ, адмирал Колиньи и др. Многие из них были вынуждены бежать в Бельгию, Голландию, Германию и другие страны.

С. 21. *Д'Обинье*, Теодор-Агриппа (1552—1630) — гражданский поэт Франции. Его имя Агриппа происходит от латинского *aegre partus* — болезненно рожденный. Родом он был из знатной гугенотской семьи, ребенком видел повешенных гугенотов и поклялся отцу бороться с католиками. С детства в совершенстве знал древнееврейский, греческий и латинский языки. Начал свою поэтическую деятельность с любовных стихотворений в духе Ронсара. Но кровавые события, вместе с воспоминаниями детства, вызвали в нем перемену.

*Наш век — другой, теперь мы ждем другого стиля,
Нам — горькие плоды, мы лишь от них вкусили,*

— говорит он в «Трагических поэмах», порицая свое прежнее «легкомыслие». Рано вступив в армию, он деятельно участвовал в войнах против католических церковников. В Варфоломеевскую ночь 23—24 августа 1572 г., когда погибли тысячи гугенотов, он не был в Париже, но эта резня заставила его еще усиленнее бороться пером и мечом против ненавистных ему католиков. Четыре раза он заочно был приговорен к сожжению как «еретик». Последние

годы жил в Женеве, где и умер. Для Агриппы охваченная религиозными войнами Европа:

*Себе самой чужда, ужасна горожанам,
Покрыта ржой убийств, дымится углем рдяным.*

Он не только негодует, он издевается, клеймит королей, принцев, придворных, прелатов.

*Тот принц — лишь ученик и слишком безыскусный,
Кто только сутенер одной принцессы гнусной.
Тот принц — не кавалер, не мэтр любовных дел,
Кто всех придворных шлюх в борделях не имел, —*

язвительно замечает он. В галерее созданных им портретов выделяется карикатура на извращенного короля Генриха III:

*Другой ученей был и пристально глядел
На всех придворных шлюх, знаток любовных дел.
С лицом напудренным и с подбородком бритым,
С повадкой женщины, предстал он сибаритом.
Наш зверь сомнительный, француз Сарданапал,
Без лба и без мозгов явился раз на бал,
Сверкая знатными камнями в народе.
Он — в шляпе без полей, по итальянской моде.
Прическа — арками, вдоль губ его кайма
И на лице его белила и сурьма,
И в пудре голова явили нам старуху,
На месте короля — подкрашенную шлюху.
Весь день он щеголял обилием манжет,
В чудовищный, как блуд, костюм он был одет.
Чей лик вы видели? в недоуменьи все вы:
Старухи-короля? иль старца-королевы?*

В этих же «Трагических поэмах» он предсказывает правившим классам их судьбу:

*Вы, судьи, палачи, кюре, духовники,
Придет тот час, когда, простые батраки,
Преобразите вы в конюшню храм закона
И монастырь — во мразь последнего притона,
И в сброд преступников — седеющий сенат,
И в эшафот — дворец и замок — в каземат!*

Вся гражданская поэзия Франции обязана Агриппе д'Обинье. Им вдохновлялись Виктор Гюго, Огюст Барбье и Шарль Бодлер. Книга «Кары» Гюго носит такое же название, как одна глава из «Трагических поэм». Д'Обинье упоминается и в стихах Гюго. (См. отрывки из «Трагических поэм» в переводе Валентина Париаха, журнал «Молодая Гвардия», 1923, № 6.)

С. 21. *Изабелла I*, или Изабелла Католическая, королева кастильская (1451—1504) — жена Фердинанда V Католика, короля арагонского, кастильского, сицилийского и неаполитанского (1452—1516).

Этот брак способствовал объединению Кастилии и Арагонии. В царствование Фердинанда и Изабеллы произошло так называемое объединение Испании, завоевание испанцами мавританской Гренады, открытие Америки, установление инквизиции, изгнание евреев и мавров. Знаменитый фанатик, великий инквизитор Торквемада, вдохновитель преследований против

Томас де Торквемада

«неверных», был личным духовником королевы Изабеллы. Король и королева явились первыми покровителями инквизиции. (См. «Утешение в треволнениях Израиля» Самуэля Ускэ.)

С. 21. *Сикст IV* — папа (1471—1484), разрешивший буллой установление инквизиции в Испании, причислен к лику святых. При нем была построена в Ватикане Сикстинская капелла.

С. 24. *Луис де Гóngора-и-Аргóте* (1561—1627). — Учился в Саламанкском университете. Сорока восьми лет от роду стал священником, был капелланом короля Филиппа III. Как поэт создал целую школу «культизма», изощренной поэзии, соответствовавшей зрелости эпохи Возрождения, расцвету испанского империализма, гуманистическим вкусам образованнейшей части дворянства и буржуазии. Перенес в испанскую поэзию приемы поэзии греческой, латинской и итальянской, ввел новые словообразования. Один его сонет написан на латино-испано-итальяно-португальском языке: первая строка каждого четверостишия — испанская, вторая — латинская, третья — итальянская, четвертая — португальская. Как казалось современникам, в своих изысканных образах, метафорах и гиперболах Гонгора намеренно усложнял и затемнял то, что называется смыслом. Заслужил прозвание «ангела туманов» или «князя темноты». Как в жизни, так и в стихах сказывается гордость и замкнутость Гонгоры. Известны его «Одиночества», сонеты и «Полифем», поэма в октавах, смелая своими гиперболами и метафорами, звучащая острой тоской. Среди поэтов, писавших в том же

стиле, следует упомянуть Габриэля де Боканхеля. В числе врагов Гонгоры был знаменитый драматург Лопе де Вега, презрительно называвший его язык — *latiniparla* (латино-речь) и поэт Кеведо, осмеявший его в «*La Culta Latini-parla*». Стиль Гонгоры известен и в наши дни под именем «гонгоризм».

С. 25. *Мигель де Сервантес Сааведра* (1547—1616). — Кроме «Дон-Кихота», написал «Назидательные новеллы» и комедии. В свою прозу вводил и стихи, как лирический и повествовательный элемент. Солдатом участвуя в Лепантском сражении (1571 г.), завершившемся победой испанцев и венецианцев над турками, потерял левую руку. Взятый в плен пиратами (1575 г.), провел в Алжире пять лет. Выкупленный из плена (1580 г.), жил в большой бедности. В Севилье дважды (1597 и 1602 гг.) подвергался тюремному заключению по финансовым делам.

— *Педро Кальдерон де ла Барка* (1600—1681) — с девятнадцати лет посвятил себя театру, написал 120 драм и немало аутогосакраменталес (см. прим. на стр. 202).

— *Лопе Феликс де Вега Карпио* (1562—1635) — написал 2200 драм и аутогосакраменталес, из которых сохранилось 400. Говорил, что в 24 часа может сочинить сотню комедий. Современники прозвали его «фениксом гениев».

— *Гарсиласо де ла Вега* (1503—1536) — лирический поэт; ввел в испанскую поэзию приемы и формы поэзии итальянской; прославился своими эклогами. Стихи в итальянском вкусе сочинял и его современник Хуан Боскан Альмогавэр (1495—1542).

С. 25. Франсиско Гомес де Кеведо-и-Вийсгас (1580—1645). — Известны его сатирические стихи, сатирическая проза и нравоучительные произведения. За приписанную ему сатиру на короля был заключен в тюрьму и подвергнут изгнанию. Ему принадлежит стих:

Весь этот мир — тюрьма.

Из его сочинений инквизиция вычеркнула все страницы, противные ее понятиям о приличии.

— Камознс. — Как Сервантес и д'Обинье, Луис де Камознс (1525—1580) испытал много бед. В сражении в Марокко потерял глаз. Ранив одного аристократа, вызвал недовольство короля, был изгнан и отправлен в экспедицию в Индию. Это плавание послужило ему в его работе над «Лузиадами». Во время кораблекрушения ему удалось спастись вплавь и сохранить рукопись этой поэмы. Жил и умер в крайней нищете. Кроме «Лузиад», сочинил большое количество лирических стихотворений (сонетов, канцон и др.). В «Лузиады» входит эпopeя плавания Васко да Гамы, открывшего морской путь в Индию. Подобно Вергилию, создавшему в «Энеиде» своего рода поэтическую историю основания Рима, Камознс хотел соорудить памятник португальскому мореплаванию: «Лузиады» — поэма моря. Лузин — португальцы. Луз — легендарный предок и вождь португальцев, как Эней — вождь римлян.

— Маллармэ, Стефан (1842—1898) — французский поэт-символист. Некоторые его стихотворения считаются образцами «герметической» поэзии, своего рода поэтическими ребусами. Был учителем современных ему поэтов и оказал влияние на целый ряд известных во Франции

писателей. Продолжателем его традиций является наш современник Поль Валери. Влияние его сказалось также на немецких и русских символистах, в частности на Иннокентии Анненском и Вячеславе Иванове. На русский язык его переводили И. Анненский, В. Брюсов, В. Иванов, М. Волошин и др. В наше время влияние Маллармэ заметно еще на молодых французских поэтах.

С. 25. *Пикассо, Пабло (1881—1973)* — испанский художник, живший в Париже. Один из основателей кубистической школы. Его ранние работы представлены в московских музеях.

— *Верлен, Поль (1844—1898)* — французский лирический поэт. Создал образцы импрессионистской лирики. На русский язык его переводили И. Анненский, В. Брюсов, Ф. Сологуб и др. Любопытно отметить, что эпитафией к одному сонету Верлен взял один стих из Гонгора.

С. 26. *Варфоломеевская ночь* — с 23 на 24 августа (день св. Варфоломея) 1572 г. Среди гражданских войн между католиками и протестантами бывали периоды перемирия и сближения. Для укрепления мира при французском дворе отпраздновали свадьбу гугенота принца Генриха Наваррского (будущего французского короля Генриха IV) с католичкой принцессой Маргаритой де Валуа, сестрой правившего короля Карла IX. Вскоре после этой свадьбы, среди продолжавшихся увеселений при дворе короля, ударили в набат, и в Париже, в пять часов утра, католики приступили к избиению гугенотов, с которыми еще накануне вместе участвовали в празднествах. Резня продолжалась несколько дней как в столице, так и по всей Франции.

В Париже погибло до двух тысяч гугенотов, в провинции — около тридцати тысяч. Варфоломеевская ночь получила название «парижской кровавой свадьбы». В изложениях этих событий обычно отмечается, что мать Карла IX, Екатерина Медичи, стремившаяся удержать власть в своих руках, ревниво желала сохранить влияние на своего молодого слабохарактерного и неуравновешенного сына. Сначала она опасалась Гизов, католических предводителей, но, когда к власти пришел гугенотский вождь, адмирал Колиньи, советов которого слушался король, Екатерина решила натравить католиков на гугенотов. По преданию, она старалась внушить Карлу, что гугеноты вступили в заговор против него, что их замыслы необходимо предупредить. Ее нашептывания вывели Карла из себя. «Вы хотите их истребить, — воскликнул он, — так пусть же истребят их всех»!

С. 26. ...католики резали, топили и жгли протестантов-гугенотов. — Такого рода события происходили во Франции уже задолго до 1572 г. Один из первых погромов произошел в городке Васси за десять лет до Варфоломеевской ночи. Агриппа д'Обинье перечисляет в стихах побоища в Васси, Сансе, Ажане, Кагоре, Туре, Орлеане и других городах, называя предводителя католических фанатиков Шарля де Гиза «кровавым кардиналом», а город Санс, название которого означает по-французски рассудок, — «безрассудным»:

*Кровавый кардинал со свитой черев,
На площадях Васси побоище затеяв,
Убийца, криками он убивает сам,
Бегущих — выследит и выдаст палачам.*

Страшась, что голос жертв, их трепет и рыданье
Из душ безжалостных исторгнет состраданье, —
Как медным чудищем — лукавый Фаларид,
Он медною трубой все вопли заглушит.

.
Ты ж, безрассудный Санс, ты первый учишь Сену
Жрать жертвы и жиреть, на водах строить стену,
Мост новый воздвигать из груди этих тел.
Здесь первый ряд из тех, кто первым полетел,
Другие сброшены на них. Смерть удалая,
Ты терла головы о головы; играя,
Исследовала ты пронзенные тела:
Вода ль входила в них, иль кровь из них текла?

Но Тур затмил и Санс картиною позора.
Здесь мчала и гнала неистовая свора,
Звериною резней весь город осквернив.
Ей ужаснулся бы и оснеженный скиф.
Пылали небеса сияньем возмущенным,
В них руку видели с кинжалом занесенным.
Три сотни связанных и чуть живых, три дня
Не евших ничего, из крепости, кляня,
Толпа швырнула вон и тут же осудила:
На берегу реки их, наконец, добила.
Здесь в камень возгласы трагические бьют,
Здесь за одно экю — ребенка продают.

.
Была охвачена багрянцами пожара
Когда-то светлая и чистая Луара,
И Орлеан — сплошной пылающий дворец,
Зажженный пламенем пылающих сердец!

С. 27. Во Франции инквизиция официально не существовала в эту эпоху... — Как мы уже упоминали, в XII веке инквизиции боролась на юге Франции, в Лангедоке, против «ереси» альбигойцев, получивших свое название от городка Альби. Постепенно подвергаясь ограничениям, инквизиция вскоре официально перестала существовать. Однако элементы ее мы находим в установлении «Огненных палат», в XVI веке (см. стр. 41 и прим. на стр. 204).

Ронсар, Пьер де (1524—1595) — французский поэт эпохи Возрождения. «Плеяда» поэтов, в которую, кроме него, входили дю Беллэ, Реми Бэлло, Жодэаль, Дора, Баиф и Понтюс де Тиар, стремилась обогатить французскую поэзию греческими и латинским формами. В эпоху, когда итальянская литература еще первенствовала в Европе, эти поэты, в особенности Ронсар и дю Беллэ, придали французскому языку нежность греческих идиλλиков и итальянских лириков. Их поэтику излагает трактат дю Беллэ «Защита и восхваление французского языка». Их работа оказала влияние и на поэтов XVIII и XIX веков, в частности на Андрэ Шенье, Теофиля Готье и Шарля Бодлера.

— *Охотник, птицелов, рыбарь манил обманом... —* Резня гугенотов была приурочена ко времени празднеств в честь свадьбы Генриха Наваррского и Маргариты Валуа.

С. 28. Либитина — италийская богиня смерти.

— *Сена разделяет Париж на две части: «правый» и «левый» берег.*

— *Твоя добыча, мост... —* В Париже, на Сене множество параллельных друг другу мостов.

С. 28. *Лувр* — в то время королевский дворец в Париже, на берегу Сены.

С. 29. *Нерон* — римский император I века н. э. По преданию, из желания полюбоваться величественным зрелищем, велел зажечь Рим и, глядя на пожар, играл на лире и сочинял стихи. Имя Нерона Агриппа д'Обинье дает Карлу IX, опять намекая на гибель гугенотов среди увеселений католиков.

— *Рим* — в данном случае Франция.

— *Бар-ле-Дюк, Байонна, Блуа* — старинные города во Франции.

Тюильри — Тюильрийский дворец и Париже. Был построен на месте черепичных заводов, отсюда его название (Tuileries).

— *Карл IX (1550—1574)* — вступил на престол десяти лет от роду. За четырнадцать лет его царствования во Франции произошло четыре гражданских войны между католиками и гугенотами. Однако незадолго до Варфоломеевской ночи (1572 г.) он благосклонно относился к гугенотам и, приблизив к себе их вождя, адмирала Колиньи, как будто хотел последовать его совету начать войну против католической Испании, в союзе с Англией и другими протестантскими государствами. Агриппа д'Обинье изображает его страстным и жестоким охотником на зверей и охотником на людей: ему приписывалось личное участие в истреблении гугенотов в Варфоломеевскую ночь.

— *Двух принцев-пленников...* — Гугеноты Генрих Наваррский (впоследствии французский король Генрих IV) и Генрих I, принц Кондэ. Оба они отреклись от про-

тестантства в пользу католичества, и это спасло их в Варфоломеевскую ночь. Впоследствии Генрих Наваррский отрекся от католичества и, став во главе гугенотов, долго безуспешно осаждал Париж, притязая на французскую корону. Наконец, он произнес знаменитую фразу: «Париж стоит мессы» и опять стал католиком, после чего был признан королем. Предания изображают его благодетелем народа, но история установила многие его тиранические поступки. Однако в отношении гугенотов он вел себя либерально: издал Нантский эдикт о веротерпимости (1598 г.).

С. 30. *Екатерине — смех: притворщица черства...* — Екатерина Медичи (1519—1589), мать Карла IX, была регентшей, пока сын был малолетним. Эта католичка была так же равнодушна к религии, как гугенот Генрих Наваррский. Она всячески лавировала между католической и гугенотской партиями, боясь усиления и той и другой. Агриппа д'Обинье дает ей такие эпитеты, как «сомнительная мать» и «сводница» своих сыновей.

— *Елизавете — скорбь...* — Елизавета, жена Карла IX, дочь германского императора Максимилиана II, сочувствовавшего протестантам.

— *И совесть подлая владыку до кончины...* — Карл IX умер через два года после Варфоломеевской ночи. Ему было всего двадцать четыре года.

— *Мо (Меаух)* — старинный город к востоку от Парижа.

С. 31. *Орлеан* — старинный город в центре Франции, на реке Луаре.

— *Между тем католичество пыталось...* — К этой эпохе относится возникновение ордена иезуитов, основанного Лойолой. Иниго Лопес де Ренальдо Лойола (1491—1556) начал с военной карьеры. Раненный в сражении в обе ноги и охромевший, вынужден был отказаться от воинской славы и возмечтал создать «Христову милицию». Тридцати трех лет от роду он занялся изучением философии и богословия.

Вероятно, подозревая в нем реформатора, инквизиция следила за ним. Дважды он был арестован. Наконец, после многих неудач и скитаний, он достиг своих целей. Воинствующая церковь получила новое орудие: папа особой буллой утвердил устав ордена Иисуса (т. е. иезуитов). Проповедуя слепое повиновение церкви, иезуиты стремились опутать своими сетями не только Испанию, но и все страны. Об этом в своих «Трагических поэмах» сетует Агриппа д'Обинье:

*Когда бы мог ты знать, как это знаю я!
Повсюду короли и принцы и князья
Уже отравлены, запятнаны престолы
Глухими ядами поборников Лойолы.
О Польша, Австрия, Норвегия, Москва!
Что вас от гнусного избавит торжества?*

— *Аутос сакраменталес* — духовные пьесы символического и аллегорического характера, сопровождавшиеся народными шествиями. Исполнялись в дни больших празднеств и заказывались таким поэтам, как Кальдерон де ла Барка и Лопе де Вега. В течение 37 лет Кальдерон поставлял их к празднику тела Христова. Это был своего рода

социальный заказ эпохи католической государственности. В число действующих лиц этих пьес входили евангельские и библейские герои, а также олицетворения различных пороков и добродетелей.

С. 33. *Мануэль Фернандес де Вилла-Реаль* — экономист и драматург, друг поэта Антонио Энрикеса Гомеса.

С. 34. «*Odi et amo*» — «Ненавижу и люблю». Этими словами начинается известное двустишие Кая Валерия Катутла, латинского поэта I века до н. э., обращенное к его возлюбленной.

— *Св. Хуан де ла Крус* (1542—1591) — богослов и поэт, основавший, вместе со св. Тересой, монашеский орден босых кармелитов.

С. 35. *Спиноза* (вернее Эспиноса), Барух-Бенедикт (1632—1677) — философ, автор «Теолого-политического трактата» и «Этики», написанных по-латыни. Потомок португальских евреев, родившийся в Амстердаме в среде марранов, он подвергался упрекам в безбожии со стороны верующих иудеев. Фамилия Эспиноса до сих пор распространена в Испании. В числе жертв инквизиции мы находим под этой фамилией марранов: Педро Эспиноса, Фернандо Хилья де Эспиноса, Бернардину де Эспиноса и др.

С. 36. *24 автора*: Элиау Нуньес Берналь, двоюродный брат казненных; Исхак Абоаб, Даниэль де Рибера, Элиахим де Кастиэль, Йосеф Франсес де Амбурго, Альферес Хакоб Коэн, Давид Энрикес Фаро, Хонас Абарбанель, капитан Моссе Коэн Пэйхото, Бенхамин Диас Патто, Х. Аб, Хакоб де Пина, Исаке Нуньес, Давид Ан-

тунес, Давид Прадо, Неизвестный, Самуэль де Крasto, Авраам Гомес де Прадо, Моссе Есурун Лобо, Йосеф Буэно, Авраам Кастаньо, Исхак Израэль, доктор Даниэль Арансо, Хакоб Абендана.

С. 36. *Феникс* — греческое слово, означающее собственно «финиковая пальма». В другие языки оно перешло для обозначения легендарной птицы, сгорающей и возрождающейся из пепла. Фениксом греческие писатели называли священную птицу египтян.

— *Саламандра* — по каббале, обительница огня.

— *Атлас* — один из титанов древней Греции. За попытку завладеть небом был осужден Зевсом подпирать небосвод.

С. 38. *Иона Абарбанель* (по-испански Хона Абарбанель) — сын врача Иосифа Абарбанеля и потомок ученого Исаака Абарбанеля, не по прямой линии. Его жизнь нам неизвестна. Он посвятил сожженным Берналям множество стихотворений в сборнике «Славословий». Написал элегию на смерть Исхака де Кастро Тартаса. Перевел на испанский язык Псалмы Давида.

С. 39. *Томас Требиньо де Собремонте* — см. прим., стр. 181. Мексиканская инквизиция: *Леонора Мартинес* — см. выдержки из сообщения об аутодафе в г. Мексико (стр. 153).

— *Диэго де ла Асенсьон* (наст. имя — Дон Лопе де Вега-и-Аларкон) — дворянин и потомок «старых христиан», монах, известный под именем Диэго де ла Асенсьон, отрекся от католичества и перешел в иудейство, приняв имя

Иегуда Крейенте. Как Баррьос, так и поэт Давид Есурун, посвятивший Диэго португальский сонет, сравнивают его, конечно, с фениксом. Его смерти посвятил стихи и Антонио Энрикес Гомес. Жизнь других упоминаемых здесь марранов нам неизвестна.

С. 39. *Де Виньи*, Альфред, граф (1797—1863) — французский поэт, прозаик и драматург эпохи романтизма; для его творчества характерно чувство горечи и безнадежности.

С. 40. ...надо «свернуть шею красноречию»... — «Схвати красноречие и сверни ему шею», из стихотворения «L'art poétique» Верлена.

— *Авраам Кастаньо и И. Аб.* — Их жизнь нам неизвестна. По-видимому, они жили в Амстердаме. У первого — португальская фамилия. Фамилия второго обозначает месяц аб (по древнееврейскому летосчислению), в котором был разрушен соломонов храм. Есть ли это псевдоним или сокращение фамилии Абоаб?

С. 41. *Поншэр*, вождь *Огненной палаты*. — Поншэр — архиепископ Турский.

Огненные палаты (Chambres Ardentes) — учрежденные около 1536 г. чрезвычайные трибуналы, приговаривавшие еретиков к сожжению. Первоначально так назывались трибуналы, установленные для разбора дел государственных преступников знатного происхождения.

С. 42. *Кардинал Кресценций* — председатель Тридентского собора. Сошел с ума.

С. 42. *Триденский Собор (1545—1563)* — подтвердил и установил ряд догм католического вероисповедания. Целью его было поддержать единство католической церкви. Он назван по имени тирольского города Триента, где происходили заседания.

— *Деним Юний Ювенал* — латинский поэт-сатирик I—II века н. э., восстававший против пороков Рима времен упадка. Его гражданская поэзия служила образцом для поэтов до XIX века включительно.

С. 43. *Эта глушь, где всем конец...* — из монолога Сехисмундо, королевского сына, заточенного в пустынной местности отцом, которому астрологи предсказали жестокость его наследника.

С. 44. *Смирниот* (греч.) — уроженец турецкого города Смирны.

— *Диалоги о любви* — плод эрудиции и образец схоластики — в свое время имели большой успех. Это сочинение упоминали Монтэнь, Сервантес и Ронсар. У Абарбанеля были и поклонники и враги. В своих любовных стихах Ронсар высмеивает «Леона-Еврея» и намекает на еврейский обряд обрезания:

Хитрец, мошенник, враль, вы неустанно лжете;

Отрезав кожу от вашей крайней плоти.

Обрезали при сем вам сердце и любовь!

В «Дон Кихоте» Сервантес упоминает «Диалоги» как известное итальянское сочинение. По словам Сантино Карамелла, итальянского ученого нашего времени, испанские и португальские поэты, и среди них Камоэнс, также чита-

ли и любили Абарбанеля. Переведенные на испанский язык историком Гарсиласо де ла Вега эль-Инка «Диалоги» были запрещены цензурой инквизиции в Испании.

В наше время «Элегия о времени» волнует нас больше, чем длинные «Диалоги» между Филоном и Софией. «Диалоги» — только ловко сотканная мертвая паутина. «Элегия» — живая израненная плоть.

Впервые «Элегия» была напечатана по рукописи ученым Кармоли (Carmoly) в 1857 г. В вольном переводе на итальянский язык, белыми стихами, она появилась как дополнение к книге «Dialoghi di Amore», с предисловием и примечаниями Сантино Карамелла (Bari, 1929). Пользуясь этим итальянским текстом, я переложил «Элегию» на французский язык в моей книге «L'Inquisition» (Edition Rieder, Paris 1934), сократив поэму, но сохранив синонимические образы и анафоры. Подлинник перегружен повторениями мыслей и образов, вариациями на одну и ту же тему. Но его длинноты соответствуют как общевосточному стилю повествования (это своего рода арабские письмена), так и духу времени. Вспомним, что в XVI и XVII веках авторы и читатели любили длиннейшие поэмы. Камоэнс и Агриппа д'Обинье также злоупотребляли длиннотами.

С. 45. *Сефарад* — по-еврейски Испания. Сефардим или сефарды — испанцы. Отсюда это общее название для потомков испанских и португальских евреев в Европе, Африке и Азии.

С. 47. «Ночь» Микельанджело. — Знаменитый скульптор (1475—1564) известен еще своими стихотворениями. К «Ночи», одной из своих статуй, после пора-

жения его родной Флоренции, он написал четверостишие. Эта «Ночь» говорит: «Мне сладок сон, и еще сладостней быть камнем; пока длится беда и позор, — не видеть, не чувствовать — для меня счастье; так не буди меня, увы! говори тише!»

С. 51. *Мигеля Энрикеса сожгли заживо.* — В том же аутодафе предстало больше семидесяти осужденных мужчин и сорок женщин.

— *Жиль Висенте (1469—1536)* — испано-португальский драматург, автор многих комедий, из которых некоторые целиком или отчасти написаны по-испански. Основоположник португальского театра. Его пьесы были сильно урезаны инквизицией.

С. 52. *Тит Лукреций Кар* — латинский поэт I века до н. э., автор поэмы «О природе вещей» («De rerum natura»); по преданию, покончил самоубийством. Переведенный нами стих звучит по-латыни:

Et metus ille foras praeceps Acheruntis agendus.

С. 53. *Жюль Сюпервьелль* — современный французский поэт и прозаик, автор книг стихов «Тяготения» («Gravitations») и «Безвинный каторжник» («Le forçat innocent»). Переведенное нами четверостишие взято из второй книги.

— «*Проклятые поэты*» — так Верлен называл нескольких своих современников и самого себя. Под этим названием он написал ряд статей, посвященных Артуру Рэмбо, Тристану Корбьеру и другим поэтам. Некоторые из них бедствовали. Каждый поэт-марран мог бы сказать о себе словами Лермонтова: «Чужой в родном краю».

С. 55. *Carcelera* от *cárcel* — тюрьма. Испанское *cárcel* происходит от латинского *carcer*, которое перешло (вероятно, через немецкий) в русский язык, создав слово «карцер».

С. 56. «*Песня заключенного*». — Начало этого стихотворения звучит в стиле поэзии провансальских трубадуров.

С. 61. *Арбалетчик* — вооруженный арбалетом. *Арбалет* — самострел, стальной лук, натягивавшийся при помощи пружины. Употребление его было вытеснено изобретением огнестрельного оружия.

С. 62. *Альборада* — утренняя песня, от итальянского *alba* — заря.

— *Испано-еврейская песня*. — Диалог, с одной стороны, между няней и девушкой, с другой — между девушкой и влюбленным в нее юношей. Оба влюбленных проходят ряд испытаний и метаморфоз: убитые, по повелению матери или отца девушки, они последовательно превращаются в апельсинное и лимонное дерево, в голубку и сокола, и просят похоронить их вместе. Такого рода превращения изображались во всех фольклорах и мифологиях, в частности в Индии, Греции и Риме. Эта песня является и своеобразным отзвуком древнегреческого предания о жрице Геро и влюбленном в нее Леандре, ежедневно переплывавшем Геллеспонт, отправляясь с другого берега, где он жил, на свидание к своей возлюбленной. Леандр погиб во время бури. Целый ряд поэтов, в том числе Камюэнс, использовали это предание в своих стихах. Переведенная мною песня является одним из многих вариантов старинного романа из испано-португальского эпоса о «маленьком гра-

фе» Ниньо. Я нашел ее в «Испано-еврейском романсеро» (Rodolfo Gil. Romancero judeo-español. Madrid, 1911) и перевел с испано-еврейского диалекта.

В северной Африке и на Ближнем Востоке (в Танжере, Адрианополе, Салониках и других городах) старинные испано-еврейские стихи еще поются сефардами, потомками евреев, изгнанных из Испании и Португалии. Известный под именем *españolico*, *ladino* и *lengua sefardi*, испано-еврейский диалект еще существует в наше время. Сефарды сохранили архаические формы испанского языка, примешав к нему, в зависимости от страны, где они живут, арабские, турецкие, сербские, болгарские, греческие и другие слова. Они переделали на испанский лад некоторые древнееврейские слова, прибавив к библейскому корню испанское окончание. Так, неизвестный в Испании глагол *meldar* (читать, изучать) употребляется в сефардской речи и литературе. Его корень — библейский, окончание — испанское. В северной Африке сефарды соединяют арабские корни с испанскими окончаниями, а в балканских странах те же окончания они приставляют к славянским корням. В приводимой песне, являющейся своего рода альборадой провансальской нежности, среди архаических испанских форм появляется и древне-еврейское слово *masal* (звезда, планета, судьба). В образцах испано-еврейского романсеро, как и в архаическом испанском языке, член перед существительным часто опускается, таким образом испанский язык сближается с латинским; «море», — ставшее существительным мужского рода, в современном испанском языке (*el mar*), — прекрасно в своей архаической округлости в старо-испанских и сефардских текстах, где оно женского рода (*la mar*);

многочисленные нежные уменьшительные: *mañanita* (утречко), *sirenicá* (сиреночка), *mapcebico* (паренек) и др. также придают этим стихам особую выразительность.

С. 63. *Пабло де Санта Мария* (1345—1435). — По обычаю того времени, он в молодости отправился в Париж, где получил при Сорбонне звание доктора. Ревностный прозелит, он вступал в споры с евреями, обращал против них сатиры и заклинал их обратиться в католичество. В собрании испанских произведений XV века помещены католические стихи Пабло де Санта Мария. Он ли является автором их или кто-нибудь из его родных, неизвестно (см. P. Flórez, *España Sagrada*, t. XXVI).

— ...крупный прелат и дипломат. — Алонсо или Альфонсо де Картахэна (1384—1456) в дипломатических переговорах одержал верх над англичанами. Переводчик «Риторики» Цицерона, он прославился своими любовными стихотворениями при дворе короля — поэта Хуана II и был уважаемым арбитром на состязаниях поэтов. Энеас Сильвио, ставший впоследствии папой Пием II, называет его: «очарование испанцев... украшение прелатов... не менее красноречием, чем ученостью знаменитый... из всех первый советом и речью» («*deliciae hispanorum... decus prelatorum... non minus eloquentia quam doctrina praeclarus... inter omnes consilio et facundia praestans*»). Вернее всего, что Педро и Алонсо де Картахэна — одно лицо (см. P. Flórez, *España Sagrada*, t. XXVI).

С. 67. *Луис де Леон* был родом из Бельмонте.

— ...перевел на испанский язык «*Песнь песней*». — Как и «*Псалмы*» Давида, «*Песнь песней*» считалась одной

из запретных частей Библии. Инквизиция преследовала переводчиков этих текстов на гражданский язык (см. биографию Давида Абенатара Мэло, стр. 69).

С. 67. *Квинт Гораций Флакк* — латинский поэт I века до н. э. Жил в эпоху гражданских войн.

— *Его стихи появились в печати через сорок лет после его смерти.* — Они были изданы поэтом Кеведо.

С. 73. «*De profundis clamavi*» — «Из глубины взываю» — начало СХХІХ псалма Давида.

Некоторые отрывки из Давида Абенатара Мэло приводятся в книге «Исторические, социологические и литературные исследования об испанских евреях» («Estudios históricos, políticos y literarios sobre los jdios de España») Амадора де лос Риоса (Amador de los Rios), испанского ученого XIX века.

Пользуясь экземпляром книги Абенатара, из библиотеки Лейденского университета, я значительно сократил приводимые мною стихотворения, неумело перегруженные в подлиннике: мысль, выраженная в одной строфе, повторяется на все лады в десятках других строф.

С. 79. «*Панегирик во славу доблестного Авраама Нуньеса Берналя...*» — в подлиннике эта поэма содержит приблизительно 1150 строк (около 140 октав). Из этого материала, перегруженного повторениями и риторическими образами, я перевел только 104 строки — 13 октав: 13-ю, 30-ю, 31-ю, 32-ю, 73-ю, 77-ю, 96-ю, 97-ю, 98-ю, 99-ю, 102-ю, 132-ю и 137-ю. Упомянутая в заглавии дата 5415 год — по еврейскому летосчислению — соответствует нашему 1655 году.

С. 79. *Суд Радаманта*. — По греческим преданиям, Радамант или Радаманф судил души умерших в аду.

— *пес трехглавый...* (греч. мифол.) — Цербер, охранявший ад.

— *Баратрон* — пропасть близ Афин, куда живыми бросали осужденных преступников. Это название стало синонимом ада.

С. 80. *Палестра* (греч.) — собственно школа для гимнастических упражнений и борьбы в древней Греции.

С. 81. *Атланты небосвода* — см. Атлас, прим. на стр. 203.

С. 82. *Они отпустят жертву ...* — см. стр. 19.

С. 83. *Как медный бык жестокого Перила*. — Перил соорудил медного быка, в котором Фаларид, агригентский тиран VII века до н. э., живьем жарил своих врагов. Медный бык и Фаларид упоминаются также в «Трагических поэмах» Агриппы д'Обинье и в «Карах» Виктора Гюго.

— *Апеллес* — греческий живописец IV века до н. э. По преданию, Александр Великий сказал о своем изображении работы Апеллеса: «Существуют только два Александра: один — сын Филиппа, другой — Апеллеса; первый — непобедим, второй — неподражаем».

— *Орфей* — древнейший греческий поэт. По преданию, своей лирой чаровал зверей и двигал скалы.

— *Плектрон* (греч.) — в древней Греции пластинка из металла, дерева или кости для игры на струнных инструментах.

С. 83. *Не осквернят алмазной сей вершины...* — Любопытно сопоставить этот «Панегирик» со стихами из «Трагических поэм» Агриппы д'Обинье о казни протестанта Гардинера, сожженного католиками в Англии:

*Он пытки лютые преодолел в мученьи,
Самих пытавших он поверг в изнеможенье,
И дух его, алмаз граненый, притупил
Своею стойкостью железо острых пил.
Он огненный платок проглатывал три раза,
Передавалась боль народу, как зараза.
Бесчеловечное он пил, сверхчеловек,
Под пыткой медленной, придуманной в наш век.
Меч руку правую ему перерубает,
Но левой он ее подносит, прижимает
К губам; и левую отсекло лезвее, —
Он нагибается, целует и ее.
На дыбу, наконец, он вздернут палачами,
Но торжествует он сто раз над ста узлами.
Пока он чувствовал, ему вы пятки жгли,
Найти раскаянье и здесь в нем не могли.
Смерть медленным огнем берет лишь остов тощий,
Он медленным огнем лишает смерть всей мощи.*

С. 85. *...ему принадлежат двадцать две комедии* — по-видимому, Энрикесу Гомесу ошибочно приписывались еще комедии его современника Фернандо де Сарате.

С. 87. *Оран (Алжирия) и Ливорно (Италия)* — крупные еврейские колонии.

С. 89. *Альмейда Берналь, его родственник...* — см. стр. 36.

С. 90. «Сообщение об испанских писателях и поэтах еврейского племени». — Перепечатано в подлиннике во французском журнале «Revue des etudes juive», т. XVIII.

— *Краткая «Всеобщая еврейская история»*. — Напечатана в Амстердаме. Составляет часть одного из томов, полученных мною из библиотеки Амстердамского университета. Отметим, что Агриппа д'Обинье написал «Всеобщую историю от 1550 до 1601 года».

С. 92. «*Портрет*». — Эти строфы извлечены мною из большого стихотворения того же названия, помещенного в книге Баррьоса «Цветок Аполлона». Я значительно сократил это растянутое произведение, перегруженное метафорами, выбрав наиболее свежие и неожиданные образы, в которых как бы предвосхищается живопись Пикассо.

— *Эти два зрачка — девчонки*. — Этот стих построен на игре слов: по-испански девочки и зрачки обозначаются одним и тем же словом: *ñifias*. В подлиннике оно упоминается один раз, заключая в себе оба значения.

— *Дарро* — река близ Гренады, в Андалузии (южная Испания). Большая часть ее воды проведена в фонтаны Гренады. Это название является здесь и звукоподражанием. *Гранат* — намек на Гренаду.

С. 94. *Аполлон* упоминается здесь как бог — покровитель поэзии, *Феб* — как бог солнца (Аполлон и Феб — имена одного бога).

С. 98. *Гранд* — испанский дворянин.

С. 99. *Из Рима привезли они дикое чудище...* — инквизиция изображена здесь как апокалиптический зверь, в стиле выразительного лубка.

С. 110. *...кое-где он язвительно намекает на инквизиторов.* — В одной из комедий он замечает: «Так вы судья моего брюха?» По-видимому, это намек на то, что инквизиция контролировала, едят ли марраны свинину.

— *Оноре де Бальзак (1799—1850).* Приведенная здесь цитата — из повести «Сарразина».

С. 111. *Анастазио да Кунья* подвергся преследованиям инквизиции, вероятно, как «свободный мыслитель».

С. 112. *Гонсальво де Магальянш (1811—1882)* — автор книги стихов «Вздохи и сожаления» (Париж 1835); известен также своим эпосом «Объединение томайев» из истории борьбы вольных индейских племен против португальцев; был бразильским посланником в Вене и Вашингтоне.

С. 113. «*Жизнь великого Дон Кихота...*» — Эта комедия переведена на французский язык Фердинандом Дени (Denis) в одном из томов его «Chefs d'oeuvre du Théâtre Etranger» (Paris 1823).

С. 114. «*Живой мертвец.*» — Этот трагический сонет поется Эсфузиоте, слугой-шутком, как признание в любви Тарамелле, болтливой служанке, в комедии Антонио Жозе да Сильва «Критский лабиринт». Имя Эсфузиоте означает по-португальски: нагоняй, тренога, вспышка; а звукоподражательное имя Тарамелла — тараторка. Возможно, что автор хотел пародировать манерных поэтов, намеренно соз-

дав однообразие в чередовании слов — *живой* и *мертвец*, *мертвец* и *живой*, сталкивающихся в одном стихе и попеременно заканчивающих то четный, то нечетный стих. Они повторяются двадцать один раз, не считая слов *жизнь* и *смерть*, на протяжении четырнадцати строк сонета, который целиком построен на этих повторениях и чередованиях. Сильве приписывается подобное же намерение пародировать гонгористов в комедии «Войны Розмарина и Майорана». Но если даже сонет «Живой мертвец» является пародией, в наше время он звучит неожиданно. Намеренное однообразие не лишено прелести и силы. К тому же в симметрии повторений и чередований одних и тех же слов этот сонет представляется нам чрезвычайно выпуклым и скульптурным. Я еще увеличил количество слов *живой* и *мертвец*, назвав это стихотворение «Живой мертвец». Прекрасная монотонность этих стихов соответствует меланхолии музыки американских танцев «blues» в исполнении джаза. Эта серенада шута доходит до нас в протяжном возгласе и вздохе саксофона. Трагический тон «Живого мертвеца» соответствует судьбе казненного автора.

С. 115. Комедия «Критский лабиринт» является вариацией на тему из греческой мифологии. По преданию, на острове Крит жестокий царь Минос велел архитектору Дедалу построить лабиринт и поместил в нем минотавра (чудовищного получеловека-полубыка). Афинский царь Эгей должен был ежегодно, в виде дани, отправлять Миносу отборных юношей и девушек, которых пожирал минотавр. Однажды среди этих жертв отправился царский сын Тезей. На Крите его полюбила дочь Миноса, Ариадна,

и вручила ему путеводную нить, благодаря которой он не заблудился в лабиринте. Он убил минотавра и освободил Афины от тяжелой дани. Сильва усложняет этот миф. В то же время он не пользуется обычной развязкой истории любви Тезея и Ариадны: по мифу, Тезей покидает на берегу спящую Ариадну. Переведенный нами сонет «*Лабиринт любви*» поется Лидором, безнадежно влюбленным в Ариадну (см. прим. на стр. 218). Эти коридоры, колонны и статуи вызывают в нашем воображении развалины, манекены и окаменелые существа в живописи нашего современника художника Кирико.

С. 115. *Бык* — минотавр.

С. 118. «*Амфитрион, или Юпитер и Алкмена*». — От Плавта до Жироду драматурги пользовались историей военачальника Амфитриона, обманутого Юпитером, соблазнившим Алкмену, его добродетельную жену: бог принимает облик смертного, своего соперника, и Алкмена изменяет с ним мужу, будучи при этом уверена, что отдастся Амфитриону. Хитрый Меркурий, посланник богов и покровитель торговли, играет важную роль в этом трагикомическом предприятии. Плавт в акте I, сцене 1-й своего «Амфитриона» и Мольер, в акте 1, сцене 2-й своей пьесы того же названия, представляют Меркурия как двойника Двойника (*Sosie*), слуги Юпитерова соперника. Антонио Жозэ да Сильва, в акте I, сцене 3-й своей комедии, показывает Меркурия переодетым в Сарاماго, имя которого означает по-португальски «хрен». В этом шутовском диалоге Меркурий и Сарاماго перекидываются острыми словечками, неустанно играя ими. Некоторыми чертами эта

сцена напоминает нам «Замечательную историю человека, потерявшего свою тень», произведение немецкого романтика Шамиссо, появившееся после смерти Сильвы. Я назвал эту сцену: «Ни человек, ни тень».

С. 119. ...*do, das* (лат.) — даю, даешь.

С. 121. *оттеняться... ценится... тениста... тенью...* — в подлиннике игра слов.

С. 123. «Критский лабиринт» (см. прим. на стр. 216). — Хитрый Эсфузиоте, шут-лакей Тезея, выдает себя за своего господина и обещает Тарамелле (Тараторке), служанке Ариадны и Федры, жениться на ней. В то же время он сулит Сангишуге (Пиявке), тетке Тарамеллы, брак с афинским послом Ликасом. Между тем Ариадна и Федра — обе влюблены в настоящего Тезея. Лидор влюблен в Ариадну, Фебандр — в Федру. Первый посылает Тарамеллу с поручением к Ариадне, второй посылает Сангишугу с поручением к Федре. Целый клубок интриг раскручивается в «Критском лабиринте». Некоторое время Эсфузиоте обладает ключом от всех тайн. Этот мнимый князь вершит судьбы всех действующих лиц. Обманутые Тарамелла и Сангишуга проклинают Эсфузиоте. Но ему и горя мало. Все устраивается к лучшему. Если в приводимой нами сцене Эсфузиоте, во плоти или в изображении, не был подвешен в воздухе над действующими лицами, а действительно летал, как это практиковалось в итальянских и французских балетах XVI и XVII веков, эта комедия была интересна и в смысле театральной постановки.

С. 126. *Глоткой вниз* — намек на пытку дыбой. Пытаемых подвешивали и бросали головой вниз.

С. 129. *Обвинительный акт по делу Луиса де Лео-на*. — Напечатан в «Библиотеке испанских авторов».
— *Вульгата* — латинский перевод Библии.

С. 130. *Item* (лат.) — также.

С. 131. *Соломонова «Песнь песней» есть любовная песня к супруге*. — Так же истолковывал ее Ибн-Эзра. По католическим толкованиям, Суламифь — церковь, по некоторым еврейским толкованиям, — идея Израиля.
— *Alternatim* (лат.) — попеременно.

С. 133. Документы мексиканской инквизиции извлечены из книг:

Genaro Garcia. Autos de fe de la inquisicion de Mexico (Mexico, 1910).

E. de Molinas. Documentos ineditos y muy raros.

J. T. Medina. El tribunal de Santo Oficio en las islas Felipinas.

G. A. Kohut. Martyrs of the Inquisition in South America (Baltimore, 1895).

— *Постановление о пытке* — см. вступление «Инквизиция и поэзия», стр. 7.

С. 133—141. Я намеренно сохранил однообразный стиль этих протоколов и повторения слова: сказал.

С. 134. *Алькад* — начальник тюрьмы, тюремный надзиратель, комендант крепости. Не смешивать со словом *алькальд* — чиновник правосудия: совмещал функции

городского головы, мирового судьи и полицейского комиссара (от арабского аль-кади — судья).

С. 138. *Ординарий* — «обыкновенный», ординарный судья в духовных делах, в католической церкви. Так как в пределах диоцеза, в обыкновенных случаях, церковная власть принадлежит епископу, то ординарием является для них каждый епископ. В инквизиции ординариями и были епископы.

С. 142. *Самбо (Zambo)* — сын негра (или мулата) и индианки, а также сын индейца и негритянки (или мулатки) в Южной Америке.

С. 153. *...в общих аутодафе.* — В том же аутодафе предстал Рафаэль де Собремонте, сын Томаса Требиньо де Собремонте.

С. 155. *«Генеральное аутодафе... в 1680 году».* — Напечатано отдельным изданием в Мадриде. Об этом аутодафе сохранились воспоминания одной зрительницы француженки: «Моя подруга побоялась присутствовать при сожжении не знаю скольких евреев, безбожников и еретиков в аутодафе, состоявшемся 31 июля 1680 г. Давно не было столь прекрасного зрелища, гласит отчет о сем аутодафе. Подобное времяпрепровождение христианской народности придает особую прелесть ребяческой забаве, состоящей в том, что, как в карнавале, король и королева кидают друг в друга яйцами, полными душистой жидкости, и продолжается сие целые дни» («Две француженки в Испании». Французский журнал «Correspondent», октябрь 1887 г.).

С. 156. ...считая для себя честью служить св. Трибуналу... — Участие толп в этих празднествах сожжений отмечено и в «Трагических поэмах» Агриппы д'Обинье:

*Европы лик предстал: охвачена кострами,
Дымясь, она горит невинными сердцами.
Блестящие дворцы, просторы площадей
Клопочут толпами. На тысячи смертей, —
О, новшество забав! — цвет жизни осуждают,
Трагедию и фарс притворщики играют.
Толпа на площадях, пред зрелищем, черства,
Пылает рвением, рабыня ханжества...*

С. 162. *Альгвазил* (правильнее — *альгвасил*) — низший чиновник правосудия, судебный пристав; в наше время — полицейский сержант. Это слово перешло во французский язык для обозначения, в ироническом смысле, полицейских, в частности полицейских сержантов.

С. 175. «Приговор по делу Педро Серрана» — см. стр. 48—51, 103—107.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие издательства «Academia» к первому изданию . . .	5
<i>В. Парнах. Инквизиция и поэзия</i>	7
<i>В. Парнах. Краткая история этой книги</i>	55

БИОГРАФИИ И ИСПАНСКИЕ ТЕКСТЫ

Неизвестные авторы XV века	
Песня заключенного	61
Альборада	62
Семья Картахэна (Cartagena)	
<i>Педро де Картахэна. Стансы к Виконту де Альтамира</i>	65
Луис де Леон (Luis de León)	
Тюрьма	68
Давид Абенатар Мэло (David Abenatar Melo)	
Посвящение	75
Пытка	77
Авраам Кастаньо и И. Аб	
Панегирик во славу доблестного Авраама Нуньеса	
Берналя	79
«Два полюса, Атланты небосвода...»	81
Антонио Энрикес Гомес (Antonio Enriquez Gomez)	
Странник	86
Даниэль Леви де Баррьос (Daniel Levi de Barrios)	
Портрет	92
На смерть Диэго де ла Асенсьон	93
Надгробный акростих	94

БИОГРАФИИ И ПОРТУГАЛЬСКИЕ ТЕКСТЫ

Самуэль Ускэ (Samuel Usque)	
Из «Утешения в треволнениях Израиля»	98

Антонио Серран де Красто (Antonio Serrão de Crasto)	
Воспоминание о тюрьме	107
Антонио Жозэ да Сильва (Antonio José da Silva)	
Живой мертвец	114
Лабиринт любви	115
Речитатив и ария Амфитриона	116
«Амфитрион», акт I, сцена 3	118
«Критский лабиринт», акт II, сцена 7	123
Неизвестный автор XVIII века	
Диалог о смерти	125

ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ АКТЫ, ПРИГОВОРЫ,
ПРОТОКОЛЫ, ОПИСАНИЯ АУТОДАФЕ

Вальядолидская инквизиция	
Обвинительный акт по делу Луиса де Леона	129
Мексиканская инквизиция	
Выдержки из приговора и протокола пыток	133
За ложное показание против самого себя	142
По подозрению в принадлежности к секте проклятого Магомета	144
«Примиренные с церковью», в сан-бенитах, иудеи, соблюдавшие Моисеев закон	146
Выдержки из сообщения об аутодафе в г. Мексико	154
Мадридская инквизиция	
Генеральное аутодафе	155
О шествии и о свите достославного сеньора генерального инквизитора	156
Краткий перечень дел и приговоров (выдержки)	162
Лиссабонская инквизиция	
Приговор по делу Педро Серрана	175
Дело Лопеса	177
Примечания	179

ИСПАНСКИЕ И ПОРТУГАЛЬСКИЕ ПОЭТЫ, ЖЕРТВЫ ИНКВИЗИЦИИ

Собрал, перевел, снабдил статьями,
биографиями и примечаниями
Валентин Парнах

Ответственный редактор *С. В. Смоляков*
Художник *П. П. Лосев*
Корректор *И. М. Пьянкова*
Дизайн и оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Издательство «Гиперион»,
191180 Санкт-Петербург, Фонтанка, д. 78.
Тел./факс +7 (812) 315-4492, +7 (812) 591-2853
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru
Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

Подписано в печать 8.11.2011. Формат 75×100^{1/32}.
Усл. печ. л. 20,5. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Заказ № 3903.

Отпечатано в ОАО ИПП «Искусство России»,
192007, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2.

В эту книгу вошли переводы уникальных документов из архивов испанской инквизиции. Среди них есть протоколы допросов, описания аутодафе, обвинительные акты и приговоры «святой» инквизиции. Но самую большую ценность представляют поэтические тексты, созданные в застенках, под пытками и постоянной угрозой мучительной смерти. Собранные по крупицам из материалов «расследований», они воскрешают забытых авторов, имена и творения которых сохранились только в судебных отчетах.